

ЗАГРАНИЦА БЕЗ ВРАНЬЯ

АНАСТАСИЯ МАРТЫНОВА

НЕПАЛ БЕЗ ВРАНЬЯ

PHIDON
CLASSIQUE
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Мартынова, Анастасия

М29 Непал без вранья / А. Мартынова. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 304 с. — (Заграница без вранья).

ISBN 978-5-386-10180-0

Услышав о Непале, кто-то вспомнит величественные Гималаи, богиню Кумари, Катманду... и, пожалуй, все. Не так уж много мы знаем об этой далекой, загадочной, пленительной стране. Между тем именно Непал — родина Будды, самое высокогорное государство мира, страна, долгое время остававшаяся закрытой для иностранцев. Непальцы, абсолютное большинство которых проживает в деревне, сохранили уникальную культуру и традиции.

Кто же такие непальцы и что ищут путешественники в одной из беднейших стран мира? От сокровищ Катманду до прелестей деревенской глуши Удайпура, от Лумбини до Покхары, от религии до фольклора, от непальской кухни до образования, от тренеров до волонтеров — все самое интересное о культуре Непала, менталитете непальцев и посетителях этой удивительной страны в книге, написанной отважной русской девушкой, прочувствовавшей страну сердцем.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-10180-0

© Мартынова А. В., 2017
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

ВСТУПЛЕНИЕ

О СЕБЕ, ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЩЕ
НЕМНОГО ПРО ВАС — КОМУ
ЖЕ ЭТА КНИГА БЫЛА
НАПИСАНА

Все мы знаем про Индию. Сколько фильмов снято, сколько книг написано. А вот Непал, к большому удивлению, до сих пор остается в тени своего популярного соседства, скромно приютившись между Индией и другим авторитетом мировой истории, Тибетом.

Когда речь заходит о Непале, все, что приходит на ум, это Гималаи, смешные ушастые шапки, а с недавних пор и землетрясение 2015 года. Но между тем это скромное государство, вчерашнее индуистское королевство, поберегло для пытливого странника нечто особенное и, без сомнения, заслуживает отдельного и пристального внимания.

Я объясню почему.

Редактированием этой книги я занималась в Индии, где изучала йогу, и каждый день в голову приходила одна и та же аналогия. Индия — это, конечно, женщина. Непредсказуемая и довольно капризная. Полюбите вы Индию или нет — решать не вам. Как много матерых путешественников так и не смогли найти к ней подход — и бежали из Ин-

дии с низко опущенной головой. Чего никогда не случилось с Непалом. Непал — это надежный и добрый друг, спокойный, расслабленный (если не ленивый) и очень открытый. Здесь можно отыскать все то, что связано с загадкой индуистской культуры: храмы, пропитанные кислотой благовоний до самой черепицы, красочные фестивали, национальные сари и многое другое. А ко всему перечисленному Непал хранит и кое-что свое — очень зеленое и воздушное самобытное буддистское начало. От Индии ждут духовных откровений, Непал же их предлагает сам, ненавязчиво и безо всякой рекламы. Проверив, чего же вы стоите, на подъеме, утешив в объятьях бескрайнего высокогорья и вдохновив философией просветленных, он подготовит вас к дальнейшим открытиям, в том числе и к стихийности Индии.

Отправляясь в Непал, я не ждала абсолютно ничего, да и не знала, чего ожидать. Единственной моей задачей было приехать (слово «уехать» я не люблю) куда-нибудь надолго, и желательно в Азию. Культура бэнклеров и романтика длительных путешествий в России, к сожалению, не развиты. Когда же я твердо решила странствовать по окончании института, информацию о подобной возможности мне пришлось собирать по крупинцам, расспрашивая единомышленников и изучая иностранные сайты. Денег у меня практически не было, зато имелось гораздо большее — время и свобода, на которую я обменяла свое место выпускающего редактора.

Меня часто спрашивают, как я умудрилась устроить себе такие долгие каникулы. А это позволяет предположить, что страсть к подобным авантюрам людям не чужда, и основное, что держит, незнание, страх перед неизвестностью. Поэтому я решила адресовать эту книгу не только тем, кто хочет послушать о Непале, одной из самых красивых и необычных стран нашей планеты, но и тем, кому интересно разделить опыт самостоятельных путешественников, бросить «взгляд изнутри».

Найти такую возможность — отправиться куда-нибудь — совсем не сложно. Я начинала с традиционных способов, пытаясь отыскать стажировки за рубежом. Вот только мой английский оказался довольно посредственным. Еще был диплом, преимущество, в общем-то, незначительное в сравнении с беспронгрышным качеством для достижения цели — упрямством. Именно это я и держала в голове, когда мне отказали в индийской стипендии ICCR, а документы для поступления в университеты Китая (*Chinese government scholarship*) потеряли на почте. Эта неудача разрешила мне двинуться дальше знакомых пределов. Я разузнала, что за границей можно не только учиться, но и работать (см. практические советы). А есть еще одна возможность — предложить себя волонтером. Действует это обычно по принципу взаимовыгодного обмена — за еду и жилье ты выполняешь определенные поручения. Можешь, например, помогать итальянским фермерам собирать апельсины. Или ухаживать за пандами в

Китае. Или, скажем, закопаться на археологических раскопках где-нибудь в Южной Америке. Я же решила поработать с детьми, а Непал казался для этой идеи самым удачным выбором.

Во-первых, он приглашал надолго. Туристическую визу в Непал, которую оформляют уже по приезде, в аэропорту Катманду, можно получить на две недели, месяц, а также три месяца. По истечении девяноста дней срок можно продлить до пяти месяцев, а с наступлением нового года «баланс» обнуляется, и это значит, что жить разрешается еще пять месяцев. А в сумме, при удачном стечении обстоятельств, выходит десять. Мне это условие показалось заманчивым.

Во-вторых, привлекала как раз-таки неизвестность. Открывать Америку заново никому не интересно, а вот Непал обещал что-то таинственное, очень древнее и совершенно незнакомое.

И наконец, в-третьих, мне приглянулась программа *Maya Universe Academia* — школа в деревне, высоко в горах, напротив самого Эвереста; жизнь, далекая от цивилизации, без электричества и отопления, в кругу местных фермеров — не это ли «полное погружение»? Я написала координатору и оказалась в числе последних счастливых, получивших место бесплатно, следующие волонтеры (что типично для беднейших стран Азии) уже платили взносы.

И это был правильный выбор, итогом его стала книга о стране, которую я полюбила всем

сердцем и куда мне хочется возвращаться снова и снова.

Но хватит уже предисловий, пора переходить к повествованию. Последнее, о чем я хотела бы рассказать здесь, прежде чем начать, это о своем попутчике и друге Асе. Выпускница МФТИ, она закончила что-то совершенно мне недоступное, и, когда меня спрашивают о ее профессии, я говорю, что Ася — авиаконструктор. Серьезное дело. Если посмотреть на Асю, вы, скорее всего, и решите, что она человек действительно серьезный. Но это не так. Когда я спросила ее: «Поедем в Непал?», Ася без раздумий ответила: «Поедем». Чем она только думала, до сих пор не пойму. Но она оказалась верна своему легкомыслию и не изменила решения ни тогда, когда до нее дошло, что мы отправляемся в самую глушь этой забытой богом страны, ни когда узнала, что будет учить детей математике на английском. И именно это легкомыслие, обернувшееся необыкновенным приключением для нас обеих, помогло мне сейчас беседовать с вами. Ведь я уверена, что без помощи Аси этой книги не было бы. И за ее поддержку и участие я хочу сказать ей большое искреннее спасибо.

ГЛАВА I

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Просыпаюсь от легкого прикосновения Аси, она показывает в окно иллюминатора. Продираю глаза и не могу поверить — Гималаи! Величественная гряда, проросшая сквозь малиновые облака рассвета, и он, суровый, гордый патрон, Зверест. Мы ныряем в густой туман и через минуту оказываемся по ту сторону небес — теперь уже не верхушка айсберга, а ее основание расстелилось под нами. Меня душит восторг, я почти плачу — впервые в жизни один на один с красотой творения. Все это мое — волнистые горы, разлинованные рисовыми полями, косматые небеса. А внизу Катманду — цветной, живой, разбросанный по долине и склонам.

Мы садимся в аэропорту, и я вспоминаю фотографию, найденную пару недель назад. Туристы, спящие на взлетной полосе. Это случилось в апреле 2015 года, два мощных толчка землетрясения унесли восемь тысяч жизней. Четырнадцать тысяч жителей были ранены, а несколько десятков тысяч домов разрушены. Такая вот беспощадная арифметика.

«Виза по прибытии» — написано на окошке. Это нам. Мужчина за стеклом улыбается и спрашивает, чем мы собираемся заниматься в Непале.

— Работать волонтерами в Удайпуре, — отвечаем мы простодушно, даже не подозревая о том, что волонтерство в Непале запрещено.

— Правда? — восклицает, на наше счастье, непалец. — Я родом оттуда. А где?

— В одной деревенской школе, *Maya Universe Academia*.

— *Maya* на непальском языке означает «любовь», — говорит он ласково и ставит печать. — Добро пожаловать в Непал! Намасте!

Намасте, Катманду! Непал, одна из беднейших и самая высокогорная страна мира. 2073 год, месяц бхадра¹. Нас встречает приветственное разноголосье: крики, клаксоны и музыка сливаются в одно удивительно гармоничное повествование обо всем, что случилось в наше отсутствие. «Здравствуйте», — говорим мы местным собакам, мертвенно развалившимся посреди улиц. «Good morning», — вдыхаем мы пыль дорог Катманду. «Намаскар», — кланяемся Будде, Шиве, Ганеше, Кришне, разглядывающих нас со всех углов. По двадцать килограммов на плечах, мы вышагиваем стройным маршем. А вокруг нас — глаза, добрые,

¹ Непал — страна самодостаточная. Она имеет свое летоисчисление и деление по месяцам, единственный в мире непрямоугольный флаг и даже собственное, ни с кем не согласуемое время.

изучающие. Дороги здесь разбитые, и потому все непальцы ходят в масках от пыли. Разноцветных, конечно, под стать одежде: ярким курта-ширвалам и сари, чалмам, зонтикам от солнца. Жарко. Тяжелый воздух Катманду — демонстрация веры: напитанный благовониями, терпким дымом индуистских курилен, он может раздавить тебя, если не расслабишься. В этом весь смысл.

Выбираем такси, они здесь повсюду. Решив сэкономить на всем, что нельзя взять бесплатно, отправляемся в самую глубь стоянки. К нам подходит задорный усач с блестящими от масла волосами, осыпанный лепестками бархатцев, что зовется тут «мериголд», с красной точкой на лбу. Он в кожаной куртке, несмотря на тридцать непальских градусов. Достаточно колоритный для первого знакомства с культурой, решаем мы и садимся в крошечную коробочку, его машину. В багаж помещается только мой рюкзак, Асин взваливают ей на колени. Почти туда же сажают и меня. И вот мы, впервые утрамбованные под непальский стандарт, отправляемся в путь — на целых несколько метров, — прежде чем застрять в километровой пробке.

— В Катманду больше трех дней делать нечего, — сразу же заявляет наш спутник. — Грязно, шумно... Другое дело Покхара. Там спокойно, в трек можно пойти. А здесь только храмы. Вот, кстати, один из них, это Шива-темпл, мой любимый. Я там курить люблю. А вы курите? В этом нет ничего плохого, ес-

ли не часто. Шива ведь одобряет. Кушать, правда, потом очень хочется. А вот с алкоголем мешать нельзя. Уж поверьте мне, я знаю толк. Могу достать вам отличные снадобья, если надумаете...

«Отличные снадобья» — это первое, что предлагают туристу, ступившему на непальские земли. А если уж быть совсем точными, на земли Тамеля, где «снадобья» не предложит только ленивый. Тамель — туристическое сердце Катманду, и не услышать его беспокойных ритмов вам вряд ли удастся. Ведь в этом районе собрались все дешевые hostels и кафе, турфирмы, обменники и сувенирные лавки — и попрошайки всего Катманду. Именно с Тамеля, мешанины из благородной старины и пестрых базаров, этой гиперболы Азии (как ее, по мнению местных, представляет себе иностранный турист), любой приезжий начинает свое знакомство с Непалом.

И здесь же, в глубине этих тесных улочек, прячется hostel, наш первый местный приют.

Впоследствии мне не раз довелось останавливаться в Катманду. За время этих стоянок я поняла, что главные места привала тут можно разделить на три категории. Это, ясное дело, отели со звездами от мала до велика, с отдельными комнатами и западными условиями (в Катманду я ни разу в них не жила). Места при духовных институтах и ашрамах, религиозные пансионаты, вроде того, что стоит на территории буддистского монастыря Копан. Сюда я бы отнесла и *The*

Sparkling Turtle, гостиницу в буддистском районе Сваянбу, где предлагают «уникальную возможность пожить среди праведных монахов (а еще вездесущих мартышек) и проникнуться энергией монашеских песнопений всех монастырей округи». Однажды мне посчастливилось проникаться ими почти неделю, ровно в четыре утра, с торжественными аккордами первой молитвы. И наконец, hostels для бэкпекеров — «рюкзачников», переводя дословно¹. Очень дешевые и шумные общежития, где останавливаются в основном свободные путешественники. К ним можно отнести и наш первый хостел, *Fireflies*², прибежище бродяг и альпинистов.

Скорее всего, человеку прихотливому в *Fireflies* не понравится. Одежда-клоповники, сбитые из досок короткие кровати и холодный душ. А вот тому, кто любит долгие ночные беседы, необыкновенные знакомства и обмен опытом, не найти места лучше. Этот хостел — перевалочный пункт на пути длинного путешествия, здесь нет людей случайных. Трекеры, кругосветники, волонтеры, кого бы я ни спросила, вели уже который месяц странствий. Сквозь Иран или Индию, в Таиланд, Вьетнам, Индонезию, Австралию... Среди них мы с Асей казались самыми несмышлеными, на нас

¹ Отели искать удобно на сайте Booking.com. Лучшая платформа для поиска хостелов — Hostelworld.com

² «Светлячок» — в переводе с английского.

смотрели почти с отеческим умилением и раздавали советы. Об этих людях я могу писать долго и с большой любовью, но всему своя очередь.

Мы регистрируемся, скидываем рюкзаки и отправляемся разглядывать хостел. Три этажа секретов, задымленные благовониями коридоры, витые решетки без стекол и мокрые следы от восточных тапок. По ним мы и отыскиваем мансарду, общую гостиную. Просторный зал с расписанными стенами, слева небольшой бар, справа выход на веранду и лестница на крышу. Потолок увит паутиной тибетских флажков, на стенах черно-белые фотографии Катманду, оставленные, должно быть, благодарными постояльцами. На плетеных ковриках дремлют люди — на вид совершенные хиппи. Кто-то читает, а кто-то рисует индуистский «ом» на стене у бара. В гамаке под музыку мантры качается чернокожий индеец, и его длинные спутанные дреды подметают пол.

— Бонжара, — представляется он нам.

— В самом деле? На русском языке это звучит почти как «бродяга», «бездомный», — отвечаем мы.

— Все верно, — кивает он, — *Gipsy*¹, и на хинди тоже. Так и есть, то здесь, то там — в вечном поиске. Судьба такая. Видите кольцо? — Бонжара показывает огромный перстень с красным камнем. — Кан-то раз я встретил астролога, который рассказал, что меня ждет жизнь скитальца, пол-

¹ Цыган (англ.).

ная опасных приключений. Тогда же он подарил мне это кольцо. «Держи его при себе, — сказал астролог, — оно сохранит тебя во всех твоих путешествиях». С тех пор никогда кольцо и не снимаю.

Наконец мы выходим на улицу. Без карт, навигаторов, со страстным желанием блуждать и общаться. Дорогу спрашиваем у местных. «Намаскар», — говорим мы и складываем руки в приветственном жесте, похожем на молитвенный. «Намасте», — расплываются непальцы в улыбке и качают головой влево-вправо — признак крайней благосклонности.

Движение Катманду — это первое испытание на терпимость. Стоит только шагнуть за порог безопасного хостела, тебя подхватывает поток. И единственное, что чувствуешь, увлекаемый дорожным течением, — это паника. Трогуаров здесь нет, полос тоже. Все едут, как придется, — громко, быстро и вперемешку. Старенькие такси и разрисованные велорикши, мопеды и бродячие торговцы, бодро толкающие свои тележки с фруктами, коровы, бездомные собаки — все умудряются делить узенькую полосу запыленной дороги без лишнего напряжения. Знай только сигнал (или же лай) погромче. И пока не находишь в этом хаосе своей — особенной — логики, тебя просто несет. Под сеткой спутанных проводов и гирлянд застиранной одежды, мимо крохотных лавок, спрятанных в глубине строительных лесов и кирпичных обвалов. Вот здесь,

например, продают только бетель¹. А вон там, за углом, видите мешки? Это специи и всевозможные пряности. Следом за ними — квартал портных. За своими машинками они работают лицом к прохожим с утра до вечера, не покладая рук. Тут же и продавцы матрасов, и здесь же набивают подушки, раскатывая пуховое облако прямо на дороге.

А потом нас выносит на «сушу» — крошечный пятачок потайного двора. Мы забредаем перекусить в одно из местных кафе (темное и пыльное, в лучших традициях), и со всех столов, посуды и еды на меня глядят они — беспощадные азиатские микробы.

Когда твоя мама доктор, ты не только готов к атаке микробов с десятком прививок, но и знаешь практически все о кишечных инфекциях, безрадостной статистике («от 40 до 60 процентов приезжающих в азиатские страны подхватывают заразу»), и даже можешь приготовить ригедрон в домашних условиях (на случай, скажем, холеры — почему бы и нет?).

Со своей водой, вилкой и дезинфекцией сажусь к краю стола в ожидании вражеского штурма. Заказываю момо, «с овощами, конечно», припомнив штабеля голых куриц, разложенных на газете у самой дороги. Момо — это такие непальские манти, с овощами, курицей или мясом яка, острые со всех сторон. Ася заказывает туклу, непальскую

¹ Листья растения *piper betle*, которые жуют в Непале вместо табака и называют одним из восьми жизненных удовольствий — после масел, благовоний, женщин, музыки, постели, пищи и цветов.

лалшу. Когда же нам приносят еду, мы забываем обо всех предосторожностях — настолько вкусно, что хочется есть руками. «Даньевад, — говорим мы, — дери мито». Спасибо, очень вкусно! Пожалуй, еще по одной порции.

К вечеру отправляемся на базар. Ряды одинаковых палантинов из «шерсти яка», если верить надписям, разноцветные шапки и вязаные носки, масла и светильники, деревянные бусы, грозные маски и псевдостарина — быть может, изящно в деталях, но вместе довольно нелепо.

За наше внимание соревнуются, пожалуй, все, но мы отдаем предпочтение бумажной лавке. Не торговаться в Тамеле — обижать продавца, и с большим уважением к традициям мы пускаемся в жаркий спор:

— Сколько стоит открытка?

— Семьдесят рупий.

— Я дам тебе тридцать рупий.

— Но она не стоит тридцати рупий!

— Верно, она стоит еще меньше.

— Пятьдесят рупий.

— Тридцать.

— Ну, хорошо, ни тебе, ни мне, сорок пять рупий.

— Тридцать.

— Ты меня разоряешь! Ну ладно, забирай! — всплескивает руками возмущенный продавец.

И пока я упаковываю открытку, продает еще одну, местному, за десятку.

2.1. СОКРОВИЩА КАТМАНДУ. ТРИ КОРОЛЕВСКИЕ ПЛОЩАДИ

Необыкновенный контраст Катманду с реалиями западного мира, с которым еще утром я попрощалась в аэропорту Домодедово, усиливает и то обстоятельство, что иностранцев здесь практически нет. То ли оттого, что сезон дождей еще не закончился и тренеры дожидаются своей очереди на рейс следующего месяца¹, то ли потому, что город, основательно разобранный землетрясением и не успевший восстановиться за год, еще не представляет туристической ценности. В любом случае, горстка туристов, рассредоточившись по Тамелю, совсем не разбавляет азиатского колорита, как и время — оно равнодушно стоит в стороне от этого мира. Ведь до 1951 года Непал оставался изолированным государством, и впервые открыл свои земли и сердце Западу лишь во второй половине прошлого века².

¹ Мы приехали в Катманду в последние дни августа.

² Единственными иностранцами в Непале до 1951 года были англичане.

Я влюблена в состояние путешествия во времени, но никогда не чувствовала его с такой силой, как здесь, — в укромных переулках, какие ведут нас в обход кассиров на площадь Дурбар бесплатно¹. Узенькие, косые по нужде, а не из исторической моды, грозившие обвалиться в любой момент, они открывают свои богатства любопытному. Мы ныряем в каждый двор, каждый дом и находим то необыкновенной красоты индуистский храм в красных оборках, то домашнюю рукопрядильню. То ни с того ни с сего попадаем в атмосферу семейного быта со стиркой, готовкой и купанием прямо во дворе.

Этот город чарует с первого взгляда. Не только общей своей картинкой и верной службой вековым традициям, но главным образом деталями, какие найдет лишь спокойный глаз. Вот почему бродить здесь надо долго, не торопясь. Иначе не разглядеть деревянных тотемов под самой крышей, плитки с религиозными сюжетами или фрески обратной стороны двери.

И все разрушено. Добрая треть города — до основания, а остальное — частично: потрескавшиеся, подпертые, лишенные порою целой стенки, величественные инвалиды. Смотреть на это страшно

¹ Цена посещения королевской площади — 1000 рупий. Однако существует множество обходных переулков, бродя по которым можно попасть на все три королевские площади без билета.

и очень грустно пришельцу, и даже не представляю, что чувствует человек, который в этом вырос.

Свернув с основной туристической улицы, сразу же попадаешь на стройку. Порой кирпичи так и лежат на месте обвала, а где-то ими уже отстраивают новые жилища. Ведь это не уступка голодному воображению туриста, а в первую очередь чей-то дом и чья-то возможность пережить еще одну зиму. А стоит отъехать от центра, как попадаешь в палаточный городок. Еще очень многим приходится ютиться под брезентом.

Мимо старейшего рынка Асан и знаменитой улицы Фрик-стрит, в семидесятых — ключевого центра «тропы хиппи»¹, мы попадаем на знаменитую Дурбар-скваз, одну из трех королевских площадей долины Катманду. До середины восемнадцатого века² страна представляла собой множество обособленных княжеств с собственными королями и королевскими площадями, самыми известными из которых считаются те, что в Бхактапуре, Патане (который Лалитпур), и центральная, неподалеку от Тамеля. Именно ее мы собираемся исследовать в первую очередь. А так как время близится к четырем, начать решаем тради-

¹ Маршрут босоногих путешественников через Непал, Индию и Пакистан.

² В 1768 году Притхиви Нараян, король гуркхов, положил конец периоду раздробленности и объединил враждующие княжества в одно государство Непал со столицей Катманду.

ционно, направившись к Кумари-Гар, трехэтажному кирпичному домику со внутренним двором. Здесь обитает живая богиня Непала — десятилетняя девочка Кумари.

— Традиция назначать Кумари идет еще с пятнадцатого века, — рассказывает наш новый друг и гид Раджendra Бахадур. — Существует такая легенда. В незапамятные времена один непальский король — а звали его Джаяяпракаш Малла — играл в кости с богиней Теледжу. Много лет они оставались друзьями. Но вот однажды пришла королю на ум скверная мысль, и он никак не мог от нее отделаться. Он возжелал богиню. Узнав об этом, Теледжу разгневалась и в ярости ответила: «Хочешь провести со мною ночь? Прекрасно. Я сделаю три шага, и если поймашь меня, я выполню все, что ты пожелаешь». Теледжу сделала один шаг, король попытался схватить ее за руку, но богиня растворилась. С тех пор она больше не приходила. Король был страшно расстроен и не знал, что делать дальше. Но вот однажды богиня вернулась к нему во сне. «Прости меня, Теледжу, — взмолился Джаяяпракаш, — пожалуйста, вернись, и я никогда больше не совершу подобного». — «Так и быть, — смягчилась Теледжу, — но вот что ты должен сделать. Выбери непорочную девочку и почитай ее как богиню. И каждый раз, когда будешь смотреть в ее глаза, ты сможешь увидеть в них меня». С тех пор и выбирают главную Кумари — девочку, которая живет

здесь, во дворце, — Раджендра указывает на окна, — и еще несколько Кумари по всему Непалу.

— А сколько их всего? — спрашивает Ася.

— Всего двенадцать, — отвечает Раджендра, — но королевская Кумари почитается больше остальных. Ее выбирают только из семьи сакия — буддистской касты невари¹. Она должна быть рождена в полнолуние и иметь большие глаза, как у всех животных-вегетарианцев.

— Интересно, — замечаю я, — девочку выбирают из буддистов, чтобы сделать индуистской богиней.

— Все верно, — кивает Раджендра и подзывает к небольшой святыне прямо под окном у Кумари. — Вот посмотрите. Этот храм состоит из двух частей. Основание у него индуистское. А верхушка — буддистская ступа. Спросите любого непальца, буддист он или индуист, он ответит вам *both*, оба. Потому что индуизм в Непале — это религия, а буддизм — философия, это образ жизни. Так вот и с Кумари то же.

— И что она делает после того, как ее выбирают? — спрашивает Ася.

— Она живет во дворце, обучается, выполняет обряды и показывается людям дважды в день — утром, обычно в десять, и вечером, около четырех. — Раджендра смотрит на часы. — Как раз осталась пара минут.

— Всего лишь два раза в день? — изумляется Ася. — И все остальное время сидит взаперти?

¹ Невари, или неварцы, народность в Непале.

— Ну почему же. Когда проходит фестиваль Индра Джатра, ее целую неделю носят вокруг долины Катманду в чариде, золотом паланкине. Ведь Кумари нельзя касаться земли. В это время люди пытаются увидеть ее, получить благословение или даже коснуться ноги. Считается, что она обладает особой силой исцеления и исполнения желаний. В прошлом даже король просил благословения Кумари, и она была единственной, кто мог поставить тикку¹ монарху. Но когда фестиваль заканчивается, Кумари снова возвращается во дворец. С семьей она видится редко, друзей разрешено иметь только из невари, в школу, конечно, ходить запрещено. Она всегда должна одеваться в красное и вести себя, как полагается богине. Но как только у нее начинается менструация или Кумари случайно теряет кровь — например, поранившись, — божественная сила шакти ее покидает, и она сразу же становится простой смертной девочкой. Тогда Кумари выбирают по новой.

— И что с ней случается дальше?

— Она возвращается к обычной жизни, — пожимает плечами Раджендра, — отправляется в школу, находит друзей. Получает небольшую пенсию от государства. Хотя говорят, что поначалу бывшим Кумари приходится тяжело, и почти год они ни с кем не разговаривают, боятся выходить на улицу. В прошлом Кумари так и оставались одни, ведь считалось, что тот, кто женится на бывшей

¹ Священный знак, точка на лбу.

богине, умрет в раннем возрасте. Сейчас в это почти никто не верит. Ну, пора, — говорит Раджендра и поворачивается к публике, собравшейся под окном у Кумари: — Уважаемые зрители, выключите камеры и телефоны, снимать богиню строго запрещено.

Кумари появляется всего на несколько секунд. Она садится у окошка, окидывает пришедших царственным взглядом, и на мгновение мне удается заглянуть в ее глаза — скрывается ли за ними дух Теледжу? В любом случае, на взгляд десятилетней девочки это властное снисхождение похоже меньше всего. Затем Кумари величественно встает и удаляется в свои покои.

— Ну что же, пойдёмте дальше? — продолжает Раджендра и увлекает нас за собой мимо вяленой рыбы, разложенной прямо на земле, продавцов листьев дерева *сал* («для моленной луджи», как рассказывает наш гид) и голубиного корма.

— Голуби в Непале символ мира, — поясняет Раджендра. — Их почитают и кормят повсюду. Но особенно много голубей на Королевской площади. Вы тоже можете покормить, если хотите. А вот здесь был старинный индуистский храм шестнадцатого века. — Раджендра показывает на обломки фундамента, обнесенные лесами. — Он назывался Кастаманда, деревянный храм. Говорят, он был построен из древесины только одного дерева. Во время землетрясения здесь случилась трагедия. Был выходной, и в храме организовали сбор крови. Внутри было мно-

го людей, и когда крыша рухнула, под обломками погибли сразу тридцать девять человек. Да, землетрясение никого не пощадило, — вздыхает наш гид, — ну да ладно, хватит о грустном. Вот здесь был другой храм, звался он Маджу Дега. Теперь от него остались одни ступени. Но и у них есть своя история. Когда-то много лет назад на них любили отдыхать и курить траву хиппи, а сам Маджу Дега так и прозвали — «хиппи-храм». Да, было время. А вот в том дворце обитало королевское семейство, и окно, — Раджендра показывает на золотые ставни, — называли судебным. Когда приводили преступника, сам король принимал оттуда решения. Суд был коротким: вору отрубали руку, а убийце — целую голову...

На следующий день мы с Асей едем в Бхактапур, знаменитый город горшечников в четырнадцати километрах к востоку от Катманду. Старинные стены Бхактапура, покрытые глиняной пылью, разложенные на просушку горшки и другая утварь, бездомные курицы, уличные гончары, прядильщики, резчики по дереву, вязальщики и даже крутильщики свечных фитилей — все это сконцентрированное бывшее настолько гармонично, что даже неправдоподобно. Ощущение такое, словно попал в музей. А люди между тем здесь живут и работают, играют в шахматы и общаются прямо из окон своих домов, разделенных тугими запутанными переулками.

Прихватив в одной из лавок джу-джу дхау, знаменитый бхактапурский йогурт (говорят, что только

ради него уже стоит приезжать сюда), мы бродим по очередной Дурбар-сквэз, всех этих золотых ворот и дворцов в 55 окон, пока не добираемся до площади Таумадхи. И вот здесь наконец я не могу скрыть восхищения. Почти не тронутые землетрясением, передо мной возвышаются две величественные пагоды: Наятаполе и Бхайраванат.

— Наятаполе — самый высокий храм Непала, хотя возвели его еще триста лет назад, — заметив мои восторги, говорит стоящий рядом лавочник — интеллигентный пожилой непалец. — Кстати говоря, вы знаете, что пагоды впервые были построены непальским архитектором Аранико? Это уже потом, когда он уехал за границу и показал свою технику, пагоды начали возводить в Китае.

Продавец представляется, как обычно в Непале, полным именем — Суман Чандра Даубадель, приглашает нас присесть на ступени его лавки и угощает молочным масала-чаем.

— Видите лестницу? — продолжает Суман Чандра, кивая на Наятаполе. — У основания сидят два воина, символ могущества. А над ними слоны, которые в десять раз сильнее воинов. Следом львы, в десять раз сильнее слонов. Потом грифоны. И напоследок, у самой вершины, два многоруких божества, Бангини и Сингини. Они сильнее всех остальных. Верхняя часть пагоды, ее крыша, тоже состоит из пяти уровней, можете посчитать. Они символизируют собой пять основных элементов природы — воду, землю, огонь, ветер и небо.

В этот храм обычно приходят молиться об идеальном сыне.

— Наятаполе — ваш любимый храм? — спрашивает Ася.

— Нет, мне больше по душе Бхайраванат, — улыбается Суман Чандра, — он, конечно, не такой красивый, как Наятаполе, зато у него есть своя легенда. Вы знаете бога Шиву, разрушителя? У Шивы множество лиц, и Бхайрава — его свирепое и распутное воплощение. Рассказывают, что много лет назад молодые женщины, проходя мимо этого храма, вдруг пропадали. Кто-то, может, и верил, что женщины приходили к Шиве по своему желанию, но мужчины Бхактапура были в отчаянии и не знали, что делать. Тогда было решено построить храм богине Сидхи Ланшми, чтобы она следила за Бхайравом и успокаивала его ненасытные желания. Так рядом с Бхайраванатом появился Наятаполе...

До Патана мы с Асей добираемся уже спустя пару дней. Самый древний из тройки, Патан считается городом искусств и выглядит гораздо богаче и суматошнее. От остальных городов Патан отличается тем, что он преимущественно буддистский. Здесь можно отыскать около 1200 буддистских святынь: монастырей, храмов и белоснежных ступ, похожих на перевернутые тазы. Спроектирован Патан в форме буддистской драхмачакры, похожей на колесо, и с четырех сторон окружен древними ступами, указывающими на стороны света. В остальном

же он выглядит почти так же, как другие города: разбитая площадь, древние улицы, резные ставни и колонны, пустые каменные бассейны и спрятанные от посторонних глаз дворы. Разве что магазинов здесь побольше, и продают тут, отвечая заявленному статусу, в основном предметы искусства: литые медные украшения, деревянные маски и полотна танки, тибетской живописи.

Другое имя Патана — Лалитпур, что переводится с санскрита как «красивый город». Когда-то, по преданию, здесь было лишь поле с густой травой. Однажды крестьянин, больной проказой, пригнал сюда корову на выпас. Он воткнул свою палку в землю, и вдруг потекла вода. Крестьянин припал на колени и вдоволь напился из источника. А на обратном пути повстречал королевскую процессию. Король увидел его из своей кареты и приказал остановиться, чтобы рассмотреть поближе. «Лалит», — воскликнул он, восхищенный красотой крестьянина. Следов проказы как не бывало. Когда же крестьянин рассказал свою историю, король приказал соорудить на месте источника фонтан, и место это дало начало новому поселению.

В горах Ланктанга есть озеро Госайкунда, которое, как гласят легенды, сотворил когда-то Шива. Его мучила жажда, и он ударил трезубцем по земле — на том же месте возникло озеро. И воды его, как верят индуисты, текут напрямик к фонтану Лалитпура, откуда когда-то напился крестьянин. Фонтан этот есть и сейчас. Он пря-

чется за железными перилами в глубине большого каменного бассейна, у самого входа в храм Кумбесвар.

2.2. ЖИТЕЛИ КАТМАНДУ

Но даже не городские стены отбрасывают в прошлое, а люди. Как же отличаются они своими нравами от тех, кого я привыкла видеть каждый день, с кем жила и работала! По спокойным, усталым лицам (а особенно по изрезанным годами лицам старых непальцев) читаешь без труда: они знают что-то такое, чего не ведаем — да никогда и не поймем — мы с вами. Они смотрят на приезжего прямо и без стеснения. И им хочется отвечать таким же смелым взглядом, но гнет Запада, учившего не доверять, опасаться и прятаться в безопасную скорлупу притворства и безразличия, еще не успел ослабить влияния.

А как же, однако, все ново и интересно! Одна только одежда чего стоит. Тут и бедняк одевается ярко, не говоря о состоятельных жителях. Нам редко встречаются женщины в современном платье, и даже самые молодые здесь носят традиционный костюм курта-ширвал — тунику и шаровары. Сари в Непале увидишь реже, скорее по праздникам.

Мужчины же одеваются просто, их дань традиции — шапочки «топи» розово-голубых оттенков с различным орнаментом и жилеты. Хотя порой нам

встречаются и местные франты в ярко-красных парчовых одеждах и с тюрбаном на голове.

Вот только молодые непальские парни из этой стройной картинки слегка выбиваются. Они пытаются быть современными, носят футболки и джинсы с дырками — ровными рельсами от бедра до самого колена, что выражает их аккуратное бунтарство. Оставшийся в российских девяностых образ крутого и опасного парня перебрался теперь в Непал: с нескромно низкими очками-авиаторами, татуировками и толстыми цепями, он неумело уживается с круглыми непальскими мордашками, короткороствостью, все той же преданностью пестрому, теперь уже с кислой ноткой китайского ширпотреба. Но этот гротеск, похоже, здесь никого не смущает — к карикатурному хулиганству тут относятся с неподдельной серьезностью.

И конечно же у всех без исключения религиозный атрибут, будь то деревянные бусы для медитации джапа-мала, браслет с гравированным «ОМ»¹, либо же тика меж бровей (у незамужних девушек, для красоты) или у корней волос (в индуизме — знак счастливого брака).

Поведение непальского жителя привлекает не меньше внимания, чем его внешний вид. Разговаривают здесь громко, с чувством, а харкают и плюют даже дети и женщины, не говоря о мужчинах. Под эти грозные раскаты просыпаешься каж-

¹ Знак слова, повторяющегося в мантрах — ॐ.

дый день, если крики из соседнего двора, звон посуды и гомон школьников не успевают разбудить тебя раньше. Про заботу о тишине и личном пространстве здесь не ведают, и никому, кроме приезжих, этот шум не мешает. Сделаешь замечание — извинятся, быть может, замолчат, но ненадолго. Покоя вам стоит искать в других культурах.

Зато непальцы очень добрые и бесконечно наивные люди. Пожалуй, в это сложно поверить, если бродишь только в границах туристического центра. А так как приезжают в Катманду ненадолго (лишь закупиться перед треком либо бегло оглядеть достопримечательности за время отпуска), туристы обычно встречают людей, каких «цветом нации» уж точно не назовешь. Работники, «невзначай повстречавшиеся» бездельники, предлагающие свои услуги пристаivalы Тамеля¹ — это люди, курс восприятия которых направлен лишь на денежные потенции. Указывая на свою вопиющую бедность, лишения после землетрясения, они жонглируют такими словами, как «спасение» и «благотворительность», а между делом пытаются продать тебе травку или услуги трек-проводника. Жалеть их, увы, у меня совершенно не получается. «Я отказываюсь сочувствовать ранам, выставленным напоказ», — однажды сказал Экзюпери. А в особенности выставленным из коммерческих

¹ Хотя порой встречаются оригиналы. Например, непалец, который предлагает назвать столицы всех государств, какие бы ты ни спросил, в обмен на еду.

соображений. Именно этих ловкачей бедный турист встречает за отпущенную ему неделю — и увозит с собой неприятные впечатления о целой нации как людях непорядочных и назойливых. А это, конечно, неправда.

Нам с Асей посчастливилось заблудиться. И это состояние нам так понравилось, что мы блуждали всю неделю, встречая невероятных людей — приветливых, добросердечных и очень честных. Нам постоянно помогали: указывали, например, дорогу и угощали яблоками, подбрасывали на мотоцикле, обучали языку непали. С нами искренне делились — например, старичок Бабу¹, продавец марок, с которым мы просидели не меньше получаса. Он помогал нам клеить марки, рассказывал о сыновьях и подсовывал конфеты. Мы даже открытки оставили у него, не сомневаясь, — Бабу обещал передать их почтальону лично. А Удайя, случайно повстречавшийся мне пожилой непалец, не только показал все закоулки старого города, но и обещал отправить книги о буддизме. Он звонил мне каждую неделю, все пять месяцев, до самого отъезда. Просто так — спросить, как я живу, не нужна ли мне какая-нибудь помощь.

А однажды, когда мы с Асей добрались до Библиотеки Кайзер, с нами приключилась удивительная история.

¹ «Маленький мальчик» на непали.

Кайзер — это «таинственная библиотека в самом сердце Катманду, где можно отыскать книги о магии, истории, археологии и древней медицине вперемешку с философскими манускриптами и практическим пособием по охоте на тигров»¹. Как же можно пропустить такое? Аккурат позади «Сада мечты» и рядом с западными воротами Королевского дворца Нараянхити. Библиотека оказалась величественной красавицей, дерзко выбивающейся из общего пейзажа Катманду, — белоснежное здание перенеслось сюда не иначе как из Индии времен колонизации.

В предвкушении чудесных открытий, мы нырнули в холодную парадную и обнаружили в ее глубине старика в национальной шапочке и ветхом огромном жилете. Он прятал глаза за мутными стеклами, читая книгу, и потому не сразу нас приметил.

— О, чем я могу вам помочь? — отозвался он наконец.

— Здравствуйте, — улыбнулась я, — мы хотели бы попасть в библиотеку.

Лицо старика обмякло и сползло, он вздохнул и с неподдельной озабоченностью ответил:

— Вынужден разочаровать вас, но мы закрыты. — Он снял очки, возрастом соответствующие хозяину, да и всей обстановке в целом. — Закрыты после землетрясения. Здание было сильно по-

¹ Цитата из случайной статьи.

вреждено, и коллекция пострадала. Здесь мы теперь лишь продаем газеты. Мне очень жаль.

Расстроенные, мы вышли, но уже через минуту вернулись и начали уговаривать старика с утроенной силой. Он вздохнул, посмотрел на нас поверх очков — серьезно, почти что строго, — а потом вдруг улыбнулся, достал связку ключей из-под стойки и пригласил за собой. И так вот, только для нас двоих, была организована экскурсия по закрытой Библиотеке Кайзер, по ее старинным залам, переполненным всевозможными сокровищами: чучелами диких животных, снятыми со стен картинами и черно-белыми фотографиями королей и военачальников Непала, мушкетами и кинжалами в ножнах, старинными глобусами на подставках, пустыми резными рамами и, конечно, книгами.

Но вернемся к местным жителям. В этой главе я хочу особенно выделить человека, с которым мы провели почти весь день и который запомнится нам, полагаю, навсегда, — это Рикеш из Патана. Очень скромный и тихий студент, у которого мы спросили дорогу к Лалитпуру, решив отправиться в другой конец долины Катманду пешком. Он шел в другую сторону, но, узнав, что мы направляемся в Патан, решил показать нам дорогу: «Я как раз там живу и все знаю». По пути Рикеш расспрашивал нас о том, откуда мы, почему приехали в Непал, а услышав о планах, поведал, что сам был волонтером, когда случилось землетрясение. Его

дом, к счастью, не пострадал, но многие жители Патана остались без крова — и это даже удача, ведь другие оказались под ним.

— Как это было?

— Очень страшно. Стены трясет, потолок трескается. И этот звук, ни на что не похожий... Все выбежали на улицу. Дома разрушены, площадь в обломках. Но ужаснее всего было то, что мы знали — нас ждет еще один толчок, не менее сильный, — делился Рикеш тихим спокойным голосом.

Когда мы дошли до Патана, он провел нас в город и показал без спешки, наверное, все, что знал сам, — от восточного базара до крематория, места особой силы в индуистской традиции. Он сетовал на то, что цены для туристов завышены в несколько раз, а нам, как волонтерам, приехавшим в Непал на длительный срок, стоит экономить каждую рупию.

— Если хотите, я могу показать вам площадь иначе — со своей крыши, — предложил Рикеш.

Так мы впервые попали в непальский дом — самый странный из всех, какие мне доводилось видеть. Если бы можно было назвать это квартирой, ее комнаты располагались не друг за другом, как мы привыкли, а одна над другой. Квартира эта занимала пять этажей — по комнате на каждом из них. У самого входа начиналась лестница, а рядом, на первом же этаже, без всяких перегородок торчал душевой кран. Второй этаж занимала комната родителей, третий — сестры

Рикеша. На четвертом этаже жил он сам. Кухня располагалась на пятом, но лестница вела еще выше, на крышу.

Рикеш пригласил нас на кухню — темную и почти пустую. Здесь стояли стол с цветной клеенкой, переполненный стеклом и жестяной посудой сервант, висели календарь с изображением Шивы и тяжелое старинное зеркало. В углу спрятался маленький алтарь. Балочные потолки были настолько низкими, что мы упирались в них головами: непальцы народ в большинстве своем невысокий.

Рикеш усадил нас за стол, а сам ушел в глубь кухни, откуда вернулся с ужином — апельсиновым соком и тарелкой с нарезанными яблоком и огурцом. Со всем этим угощением мы отправились на крышу.

Бывают ситуации, когда попадаешь в настолько необычную обстановку, что вдруг ясно ощущаешь себя в пространстве. Так было и в этот раз: я стояла на крыше, над всей этой туристической толкотней — и совершенно одна в тот момент, — стояла и любовалась ночной площадью. Глухая подсветка скрывала обезображенный катастрофой облик, показав мне картинку, не менявшуюся столетиями. Ту самую, которая и пригласила меня в Непал. Я видела стены, хранившие жар приключений и интриг истории, и была ее частью.

— Вот здесь раньше был двор, — показывал Рикеш, — старики собирались там вечерами и сплет-

ничали. А вон та развалина — бывший бассейн со святой водой. Женщины приходили туда постирать одежду, дети часто играли у воды. А теперь все это разрушено...

— Рикеш! — перебил его девичий голос снизу.

Он спустился, но через минуту вернулся в компании девочки и пожилого мужчины. Дружелюбно и с интересом они смотрели на нас.

— Это папа и сестра, — пояснил Рикеш.

— Райса. — Девочка протянула руку.

— Добро пожаловать! — на ломаном английском приветствовал папа. — Как вам Непал?

Когда мы уходили, нас долго уговаривали остаться — на ночь или хотя бы на ужин. Но нужно было возвращаться, и мы пообещали обязательно заглянуть в гости, когда вернемся в Катманду. Рикеш проводил нас до дороги, наставляя по бытовым вопросам, поймал такси и попрощался. Обниматься здесь не принято, поэтому мы просто помахали ему из машины — человеку, которого знали всего несколько часов, но кого без сомнения назвали бы своим другом.

2.3. КТО И ЗАЧЕМ ПРИЕЗЖАЕТ В НЕПАЛ

Музыка (нажется, это был *Canned Heat*), дым сигарет в ночи и кое-чего еще. Я сижу на веранде с итальянцем Люкой, Фредом из Германии, непальцем Ашимом и Кенни, узльсцем в годах. По кругу

гуляет трубка мира. Вокруг сидят и другие люди — человек пятнадцать в одной маленькой комнате хостела. Все пьют, болтают и смеются.

— Вот никто же не задумывается над тем, — вьет Ашим своим интеллигентным выговором, — что само это слово — «намасте» — означает, дословный перевод, «я приветствую в тебе бога». Мы приветствуем бога в других людях каждый день, создаем его и молимся ему, но своего собственного божественного происхождения не ощущаем. И это одна из самых больших ошибок человека — мы всегда возлагаем ответственность выбора и неудачи на кого-то другого. В индуизме вообще это понятие отсутствует, ведь там все, что с тобой ни происходит, списывают на карму. Ты, уж извини, беден, несчастен и одинок, потому что напортачил в прошлой жизни. Поэтому в этой не жалуйся, постарайся принять и жить праведно, — улыбается Ашим. Говорит он с заразительным увлечением, но в движениях очень сдержан. Несмотря на свою темную кожу, он выглядит рафинированным аристократом — этаким восточный принц с идеальной осанкой и безупречным английским.

— *Bullshit*¹, — выплевывает Кенни, — карма, реинкарнация. Как можно столетия прогресса развития наук и медицины втоптать в дерьмо и культивировать эту схоластину? Индуизм — просто красивая сказка, практически обо всем на свете,

¹ Бред (англ.).

и чем она действительно мне нравится, так это своим юмористическим лейтмотивом. Одна история с Ганешей чего стоит.

Если вы когда-нибудь слушали «Гарри Поттера» в исполнении Стивена Фрая, вам несложно будет представить то, как разговаривал Кенни, — этот гипнотический британский выговор, который придает каждой фразе особую мудрость, значимость и иронию. Казалось, Кенни упивается даже не тем, что он произносит, а как, и именно поэтому, какие бы грубости он ни говорил, слушать его было одним наслаждением.

— Да, — смеется Ашим, — все знают эту историю? Потрясающая легенда! Как-то жена Шивы, Парвати, решила принять ванну и поставила сына Ганешу у дверей, строго наказав не пускать никого внутрь. Конечно же, как всегда и бывает, Шива в это время разыскивал Парвати, голодный во всех отношениях. Он попытался пройти внутрь, но Ганеша преградил ему путь. И вот представьте — этот всемогущий бог был до того зол от такой дерзости, что просто взял и оторвал Ганеше голову — собственному ребенку, маленькому мальчику!

— И вот главное, все упускают тот момент, что в это время чувствовала Парвати, — вставляет Кенни. — «Эй, придурок, ты что наделал? Ты убил нашего чертового ребенка! Нашу плоть и кровь! Ну-ка, иди и почини все как было!» Она была еще больше разгневана, чем Шива, я уверен.

— И вот озадаченный Шива, — продолжает Ашим, — отправляется на поиски новой головы. И только вообразите — этот сильнейший бог всей Земли, разрушительное начало, не смог придумать ничего лучше, чем взять голову первого попавшегося существа — маленького слоненка. Это насколько же ему было все равно! «Ну, голова вроде подходит по размеру. Подумаешь, слон. Возраст совпадает...» Нет, он был точно укурен!

— Ну, подожди, — перебивает Кенни, — в официальной версии сказано, что Шива мог взять только голову умирающего существа, а так как все мы медленно умираем, он забрал голову первого повстречавшегося ему животного, и это был слоненок.

— Вот это то, что ты любишь делать, — смеется Ашим, — выставляешь меня пустословом. В любом случае, Шива — не плохой парень и не хороший. Он парень важный.

— Вот это, кстати, интересная тема. Нас пугает смерть, мы расстроимся, если увидим на улице умирающего человека. Так почему же мы не думаем о том, что сами умираем все это время — с каждой секундой, с каждым вздохом? Ведь это так важно помнить о смерти — иначе как наслаждаться жизнью? — Кенни выпускает дым колечками.

— Кстати, это как раз то, что утверждает индуизм. На первый взгляд сплошной хаос, но стабильность в центре. А по краям противоположное. Индуисты почитают хаос, потому что без него не

было бы и равновесия. Как без черного — белого, без ночи — дня, а без смерти — жизни. Как понять, что ты хороший парень, если никогда не попадал в плохую ситуацию? — Ашим задумывается. — Ведь это, по сути, то, что утверждает каждая религия, две константы любого существования — жизнь и смерть, начало и конец. Правила везде разные, а вот это неизменно. Ну вот смотрите, в тримурти Брахма — созидательное начало, бог творения, символ жизни и материи. Вишну поддерживает баланс между разрушением и творением, он есть энергия. А вот Шива — бог разрушения. Он олицетворяет время. Ведь только Шива придает конец началу, чтобы снова возродить его, уничтожить и создать заново. Это, в общем, то, во что верю я, человек, не придерживающийся ни одной конкретной религии: это материя, энергия и время.

Дверь открывается, заходит Ася с ребенком под мышкой.

— Кто потерял мальчика? — говорит она по-русски.

В другом конце веранды вскакивает девушка:

— Надо же, вы из России?

Историю Софи я услышала даже раньше, чем познакомилась с нею и ее ребенком Давидом. Она путешествовала по Индии, когда забеременела. Мальчик, смесь индийской и русской крови, получился необычным и очень красивым, со смуглой кожей, темными глазами и белыми кудряш-

ками почти по самые плечи. Возвращаться в Россию Софи не стала и продолжила путешествовать уже с ребенком. Ко времени нашей встречи шел пятый год большого путешествия маленького Давида — он исколесил всю Азию и отлично говорил как на русском, так и на английском языке. Мы играли с ним, кормили конфетами, а он, такой серьезный и непосредственный, смешил нас каждым своим изречением. Было ясно, что рос он в компании взрослых детей — таких вот хиппи, бродячих философов, обитателей нашего хостела. Мыслил он очень своеобразно, жил в своем мире, предоставленный себе и фантазиям, не привязанным ни к одной системе или культуре.

— Когда он бродит по хостелу, это еще ничего, — говорила Софи, — но когда уходит за его пределы, это значит, что мы его потеряли. Он там, внутри себя, и ничем его оттуда не достанешь. Остается только наблюдать. Честно говоря, мне самой очень интересно, кто из него вырастет.

— Каним он вырастет? — обсуждала я позже с Асей. — Непременно каним-нибудь писателем или режиссером... Человеком очень неординарным.

— Меня больше беспокоит другой вопрос, — отвечала она, — вырастет ли он человеком счастливым?

Но вернемся к нашему вечеру.

— А вот вы знаете, какими были родители в вашем возрасте? — спрашивает Кенни. — До того,

как вы родились? Чем они занимались, во что верили?

— У меня хватило ума в свое время расспросить маму о ее приключениях в моем возрасте, — отвечает Ася, подсаживаясь за стол, — и это правда удивительно, потому что, когда я принимаю серьезные решения или просто размышляю о жизни, мне никогда не страшно. Я не чувствую себя уникальной — двадцать лет назад жила женщина, очень похожая на меня, и перед ней стояли те же проблемы.

— А мы вот с родителями совсем не близки, — отзывается немец Фред, крепкий бородатый парень. — Они оставили целую стену для открыток, которые я должен был отправлять им из разных стран. И хотя я, засранец, путешествую уже второй год, отправил им только одну — из Индии.

— О, ты был в Индии, — оживает Ася, — долго? И как тебе там?

— Ну, я путешествовал пять месяцев, катался по штатам, жил в деревне. Потрясающая страна! Я могу всю ночь о ней рассказывать, — улыбается Фред.

— А как насчет безопасности?

— Ну, Индия — это не Иран, — чешет бороду Фред. — Вот там, если ты путешествуешь одна, это значит, что ты приехала с определенной целью — найти себе мужчину. Хотя, знаете, я наблюдал там за отношениями женщины и мужчины, и вот что вам скажу. Все это чушь собачья про свободу жен-

щины Запада. В Иране, несмотря на то что мужчина содержит женщину и в общем-то говорит, как ей поступать, он делает это с уважением к ней. А что у нас — например, в Германии? «Эй, детка, скинь-ка десять фунтов, а то я тебя брошу». В Европе на женщин больше давят психологически, больше требуют. На ней теперь обе роли — ну разве нет?

— Да, Фред, это правда, — кивает Ася.

— Господи, я обожаю, как вы это говорите! «ФРЕД». Так по-русски, прям как отрезали. Какого черта! Я же немец, а у двух маленьких девочек это получается мужественней и круче, — смеется Фред.

— Так вы из России?! — восклицает Ашим. — Всегда мечтал попасть туда. Я влюблен в русскую культуру!

— А какая история... — кивает Кенни.

— А литература! — продолжает Ашим. — В школе я читал всех русских писателей, какие мне попадались. Пушкина, например. «Дубровский» — я правильно произношу? Бесподобно! А Горький, «Мать»...

— А Набоков? — перебрасывают они, словно мяч, свой интеллектуальный багаж.

— Да чего вы все такие умники? — перебивает Бонжара, сидящий на подоконнике. — Я вот вообще читать не умею.

— Правда? — говорит наконец Фред после неловкой паузы.

— Да конечно нет, — смеется Бонжара. — Но знаете, одного парня я так и надул. «Понимаешь, — говорю ему, — бедная семья, много детей, все детство вычищали мусорки». Он так обалдел, что весь день ходил под впечатлением. А утром заявляется и говорит: «Буду тебя учить читать». ОК, говорю, давай учиться. Он взял бутылку и начал показывать буквы на этикетке. Это, говорит, «А». «А — как asshole?»¹ — спрашиваю я. Да, отвечает, правильно. А вот это «В». «В — как в balls?»². А потом я спалился, когда в Фейсбуке сидел.

Все смеются и поворачиваются обратно к столу.

— Так это твой Достоевский, там, на полке? — спрашивает Ашима Ася.

— Мой, — отзывается голос из глубин гамака.

В гамане всегда качался Ран — высокий молодой англичанин, словно сбежавший из фильма «Общество мертвых поэтов». Что, кстати, недалеко от истины — Ран был выпускником Кембриджа, и все его повадки говорили об особом воспитании. Он не был ни чопорным, ни снисходительным, но жил на каком-то другом уровне восприятия. В тот вечер, например, Ран учил поэму Уитмена наизусть.

— Ты же о «Преступлении и наказании», там, на второй полке? — продолжает он. — Я собираюсь взять ее с собой на Эверест.

¹ Задница (англ.).

² Яйца (англ.).

— О, Эверест! Как давно я там не бывал, — мечтательно тянет Кенни. — Черт возьми, не знаю даже, доведется ли мне еще ступить на его снега...

— Эверест — здесь вечная тема, — улыбается Ашим. — Я готов говорить об этом хоть каждый день. Вот что удивительно, когда стоишь у подножия огромной горы, единственная мысль, которая совершенно неожиданно тебя пронзает, это то, что горе откровенно наплевать, стоишь ты там или нет. Ты чувствуешь себя героем, пришел покорять вершину, и это все имеет огромное значение для тебя и окружающих. И тут нечто гораздо более значительное, чем ты сам, говорит тебе: «Пфф, и что?» И гора как-то даже лениво разрешает тебе подняться.

— А самое интересное, — подхватывает Кенни, — к недавнему, кстати, вопросу. Там, на горе, когда ты смотришь на тропу и понимаешь: *fuck*, если бы здесь оступился, то умер бы, — и близость смерти чувствуешь, и, как никогда, ощущаешь себя живым.

— Вы заметили, что люди приезжают в Непал по двум причинам: либо трекить, либо заниматься волонтерством. Здесь нет случайных туристов, — заговорил наконец Люка, сидевший рядом со мной и промолчавший почти весь вечер.

С Люка, итальянцем, путешествовавшим уже второй год, я провела, наверное, больше времени, чем с остальными, — каждый вечер он рассказывал мне о своих приключениях в Австралии, дайвинге в Таиланде, сёрфинге в Индонезии, о

мотопутешествии по Вьетнаму и Лаосу. В Непал он приехал как раз ради Эвереста, и это была его последняя стоянка перед возвращением домой.

— А сам ты здесь для чего? — спрашивает Ран.

— Как и остальные. — Люка рисует в воздухе треугольник. — Послезавтра отправляюсь в базовый лагерь.

— А вот, кстати, хороший вопрос. — Кенни выглядывает из-под своих затемненных очков. — Для чего вы все здесь? Для чего вы, черт подери, повылазили из своих теплых постелей, поувольнялись со своих работ и отправились черт-те куда? Что вы здесь нашли?

— Гармонию, — Фред жмет плечами, — какое-то внутреннее согласие.

— Опыт, — доносится из гамака¹.

— Да сложно сказать, — отвечает Люка, — ты просто это чувствуешь. Когда после нескольких бессонных ночей на земле, месячного рациона из одного риса и нескольких лет вдали от дома ты попадешь в обычные условия, по-настоящему начинаешь ценить то малое, что имеешь.

— Люди, — раздается голос из дальнего угла. — Я нашел вас. Где бы я ни путешествовал, я нахожу вас. А вместе с тем — и себя самого.

¹ За плечами Рана, мечтавшего открыть свою медитативную ферму на Шри-Ланке, был месяц спецкурса йоги и медитации, три месяца сельскохозяйственной программы и еще один — обучения строительству из бамбука. В Непале осваивать такие курсы дешевле, чем в остальных странах Азии.

Из темноты выныривает Чи и садится рядом со мной.

Маленький гибкий китаец, который путешествовал по миру в поиске звука. В каждом месте Чи разучивал новые инструменты, как, например, фортепиано в Грузии, дудук в Армении и бансури в Индии.

В Непал он приехал как волонтер отстраивать разрушенные школы, а между тем брать уроки игры на мурали, непальской дудке.

— Сыграй нам, Чи, — просит Кенни.

Чи достает китайскую флейту сяо и играет красивую грустную мелодию — долго, пока все не расходятся и остаюсь только я.

— Я наблюдал за тобой, — говорит мне Чи. — Ты за весь вечер не проронила ни слова. Почему?

— Я пишу, — показываю ему свои каракули.

— А о чем?

— Обо всем. О вечере, о людях. О тебе вот пишу, — улыбаюсь я.

— В самом деле? — радуется Чи. — Дашь почитать?

— Когда-нибудь я обязательно переведу и покажу тебе.

— Это замечательно. Я тоже люблю писать.

— Правда? О чем же?

— Ну, это длинный роман о путешествии одной скрипки. Смысл там скорее в образах. Это история о времени, поиске и духовных перерождениях. Я часто задумываюсь об этом после медитации.

— Ты медитируешь?

— Да, — отвечает Чи, — я же буддист.

— А что ты носишь? — показываю на его красные нити вокруг запястий и лодыжек.

— Вот эти мне повязали в храме. А эти, — он показывает на левую руку, — мы носим всю зиму, а весной вешаем на ветку первого цветущего дерева.

Так мы проболтали полночи, а потом Чи ушел, оставив мне еще одно послание — он нарисовал на запястье китайский иероглиф и поцеловал его перед уходом. Послание было третьим по счету. Одно оставил Бонжара, который написал что-то на хинди в моей тетради. Другое было от Люка — перед тем как уехать, он передал записку на итальянском. Все это я бережно храню до времени возвращения, когда переведу и прочитаю эти послания из прошлого. Эти вещественные доказательства того, что иное мировосприятие существует — и люди, которые не боятся в одночасье изменить свою жизнь и пуститься на поиски счастья.

И ВСЕ-ТАКИ:
ИНДУИСТЫ
ИЛИ БУДДИСТЫ?

3.1. ВО ЧТО ЖЕ ВЕРЯТ ИНДУИСТЫ?

Молитвы из Пашупатинатха слышны издавна. Мы проходим небольшой индуистский рынок с религиозной атрибутикой: рыжими венками, свечами и благовониями, сладостями и праздничной мишурой. Отсюда и начинается непрерывный поток паломников, который течет в глубины старинной святыни, нередко — в последний путь. Ведь именно здесь, в главном храме бога Шивы, совершаются знаменитые индуистские кремации на берегу реки Багмати. Мы протискиваемся сквозь набожную толпу, чтобы получить билет — тысяча непальских рупий за демонстрацию бренности тела. Тут же, у касс, нам предлагают духовный экскурс.

— Иностранцев внутрь храма не пускают, — сразу заявляет наш гид Кумар Рана. — Даже обращенным индуистам нельзя. Можно только тем, кто индуист от рождения. Ведь это место — одно из самых святых и почитаемых храмов во всем мире.

Как Мекка для мусульман. Сюда стекаются пилигримы со всего света: Индии, Индонезии, Малайзии, Шри-Ланки...

— Надо снимать обувь? — спрашиваю я, рассматривая босые ноги индуистов.

— Нет, — отвечает Кумар. — Внутри мы не пойдем, будем рассматривать храм только снаружи. Вот в сам Пашупатинатх в обуви нельзя. Камеры и мобильные телефоны тоже оставляют на входе. Но вы здесь гости, так что к вам другие требования. — Мы проходим контроль, и Кумар продолжает: — Вы ведь знаете китайский инь — ян? Шестьдесят девять, черное и белое? Вот и Пашупатинатх — то же самое. Здесь две главные стороны. Мы с вами сейчас на светлой стороне, полной жизни и любви. Здесь люди радуются и возносят свои молитвы и благодарности. Но есть и другая сторона, на берегу Багмати, прямо за этими стенами. Там вы увидите только смерть и боль утраты. Это темная сторона Пашупатинатха, но неизбежная часть нашей жизни. Все мы должны умереть, чтобы возродиться заново.

— А кто эти люди? — кивает Ася на поющую группу женщин и мужчин.

— Они пришли из Индии. Совершают церемонию очищения энергетики. На санскрите эта церемония называется *джонаи*, на непальском — *братубандэ*. Прежде чем зайти в Пашупатинатх, каждый индуист должен пригласить брахмана — священника — и совершить процедуру очищения. Только после этого он готов зайти в храм.

Мы поднимаемся по лестнице и становимся по левую сторону от Пашупатинатха за решеткой ограды.

— Это место самое близкое к храму, здесь обычно молятся и медитируют обращенные индуисты, — поясняет Кумар. — И отсюда мы с вами можем увидеть два главных входа. Всего их четыре, почти одинаковых, но с небольшими различиями. Вот у этого входа, — он показывает на статуи двух золотых быков, — стоят нанды. На них передвигается Шива, они у него вместо лошади. А вот у этого входа — лев, очень мощное создание. Оно принадлежит богине Кали...

Я разглядываю золоченую крышу храма, всматриваюсь в серьезные лица молящихся.

— Люди обычно приносят деньги, фрукты, цветы, краски и совершают *кора*. Знаете, что такое *кора*? — поворачивается к нам Кумар. — Это обход святыни по часовой стрелке.

— Как у буддистов? — спрашивает Ася.

Кумар кивает:

— И буддисты это делают, и мусульмане тоже. Все мы, верующие, имеем одни и те же правила. Ведь бог — это бог, земля — это земля, человек — это человек, а солнце — это солнце. В Непале или в России небо для всех одинаковое. А разные правила — это то, что создают политические лидеры. Но Непал — одно из самых толерантных госу-

дарств на свете. Все мы здесь живем вместе, не зря же Непал — это *Never Ending Peace And Love*¹.

Мы огибаем Пашупатинатх, Кумар указывает на процессию — девочка в красном платье и бритоголовые мальчики лет десяти.

— У этой девочки сегодня начались первые месячные, — говорит он, — в Непале это большое событие. Девочку наряжают в свадебное платье, украшают и ведут на благословление в Пашупати. А мальчики получают сегодня священную мантру, которая поможет им вспомнить прошлые жизни. А это, — Кумар показывает на небольшую пагоду в глубине двора, — храм Кали, самой безжалостной и кровожадной богини индуистской мифологии. Каждое полнолуние здесь происходят жертвоприношения. Когда-то, пару сотен лет назад, в жертвы приносили людей, выбирая их из тантрических монахов и астрологов. Сейчас мы используем животных: козлов, петухов, баранов и селезней.

— Только мужского пола? — спрашивает Ася.

— Да, — кивает Кумар, — женский пол олицетворяет в индуизме мать и жизнерождение, так что в жертвы он не приносится.

— А кто обычно палач? — отзывается Ася, заглядывая внутрь храма.

— Специальный человек из рода палачей, — отвечает Кумар, — только он этим занимается. А вот

¹ Аббревиатура: «Непал — бесконечный мир и любовь» (англ.).

здесь, на балках храма, вы можете увидеть резьбу. Вглядитесь, что вы видите?

— Это сцены из Камасутры? — догадывается Ася.

— Да, так и есть, — улыбается Кумар. — На Королевской площади Катманду есть храм с подобными изображениями. В Варанси тоже. Их много, ведь тема сексуального образования в то время была очень популярна. Секс в индуистской культуре угоден богу и входит в число священных ритуалов, отводя дурную энергию. Камасутра называет секс божественным единением, в нем нет ничего плохого. Только легкомысленный секс в индуизме считается грешным.

Запах жареного мяса встречает нас прежде, чем мы успеваем добраться до реки Багмати. Кумар подводит нас с Асей к перилам и показывает вниз.

— Нам повезло, — говорит он, разглядывая мертвеца прямо под нами, — мы пришли к самому началу церемонии.

К укутанному саронгом телу подходят два человека, и один из них зажигает кострище. Потом он уходит, а второй продолжает подбрасывать в пламя ветки и поливать дрова маслом.

— Видите мужчину, который поджиг костер? — говорит нам Кумар. — Это сын покойного. Голову, усы и бороду он обрил перед кремацией. На нем белая нанидка, которую он будет носить теперь весь год. Белый для непальцев — как черный для Запада, цвет траура.

— А кто второй? — спрашиваю я.

— Этот человек следит за костром — три-четыре часа, пока горит тело. А после родственники умершего берут кость и погребают ее в священных водах Багмати. Пепел тоже рассеивают по воде. Все мы — и буддисты, и индуисты — верим, что наше тело состоит из пяти основных элементов: огня, воздуха, земли, воды и космоса. И все, что приходит к нам с рождением и дает жизненные силы, мы возвращаем обратно — огню, воздуху, земле, воде и космосу.

— А в чем разница между круглыми платформами, — Ася показывает на противоположный берег реки, — и квадратными, как под ним? — Она кивает на покойника.

— Круглые нужны для поминок, — отвечает Кумар. — Каждый год семья возвращается сюда и проводит церемонию памяти на той стороне реки. На квадратных платформах мы сжигаем людей. По эту сторону — простых смертных, четрия — воинов, бойса — торговцев и *шудра* — ремесленников. А вот по левую сторону моста, — Кумар увлекает нас за собой и показывает две больших платформы на берегу у самого Пашупатинатха, — здесь мы сжигаем людей особенных. Одна из платформ — для высшей касты брахманов, священников. А на второй сжигали в прошлом королей и членов королевского семейства. Сейчас короля уже нет, так что она теперь для министров, премьер-министров и президентов.

— И что, все приезжают сюда умирать? И здесь всех сжигают? — спрашиваю я Кумара.

— Большинство жителей Катманду, — отвечает он. — Но у реки сжигают не всех. Видите ту башню? Это современный крематорий. Сейчас у людей появился выбор: чего они хотят? Традиционной церемонии на виду у всех либо же обычной кремации? Которая, кстати, гораздо дешевле. А вот это здание, — Кумар показывает на белые стены у Пашупатинатха, — хоспис. Сюда и приходят умирать. Астрологи составляют гороскопы и говорят точную дату смерти. Здесь же умерших омывают перед сожжением.

Мы пересекаем мост и попадаем на противоположный берег. Здесь нас встречают три полуголых старика с разрисованными лицами и дредликами, собранными на затылке.

— Это садху, — поясняет Кумар, — «святой человек», в переводе с санскрита. Садху отрекаются от чувственных наслаждений, материального благополучия и сосредоточиваются на достижении мокши, духовного просветления. Это значит, что у них нет семьи, нет дома или какого-либо другого имущества. Они не ходят на работу, не получают деньги и живут на пожертвования. Все свое время садху посвящают молитве и медитации.

Старики улыбаются и слушают Кумара с наименьшей увлеченностью.

— Обычно садху носят красно-оранжевые одежды как символ их отречения от мирских удовольствий, — продолжает наш гид. — Либо же раскрашивают свои тела в белый — цвет скорби и духов-

ной чистоты. А иногда они и вовсе голые. Такие садху называют себя «одетыми в небеса». Есть и «черные садху», агори. Говорят, люди они очень злые и опасные, их боятся и обходят стороной. Но остальных садху в Непале любят и чтут за святость.

— А где сжигают садху? — спрашивает вдруг Ася.

— А их как раз и не сжигают. Считается, что человек в садху умирает гораздо раньше, чем его тело. Существует даже специальный обряд «похорон человека», которому остригают волосы, и рождения садху, нового создания. Когда же тело садху изнашивается и распадается, его так и хоронят, сидя. Говорят, что душа его с тех пор перестает перерождаться, поэтому и тело предавать земле, воде, огню и воздуху уже нет смысла.

Мы следуем дальше и набредаем на одиннадцать маленьких храмов с лингамами¹, выстроившихся друг за другом.

— Сюда приезжают просить о рождении ребенка, — говорит Кумар. — Когда мужчина и женщина не могут иметь детей, они приходят к этому храму и молятся. Рассказывают, что Шива всегда помогает страждущим. И это место, прямо напротив кремаций — жизнь позади смерти, — является одним из главных символов индуизма...

Религия в Непале — основной советник и диктатор во многих сферах жизни: семейных, полити-

¹ Лингам — фаллическое изображение бога Шивы.

ческих, в области искусства и так далее. Здесь верят в перерождение (сансара — круговорот рождения и смерти) и освобождение души (мокша), а понятия кармы (результат прошлых действий) и дхармы (нравственные устои) — основные постулаты непальской жизни. «Здесь столько же святилищ, сколько и домов, и столько же богов, сколько мужчин», — заметили когда-то англичане, лет этак двести тому назад. С тех пор почти ничего не изменилось, и храмы, собравшие всех священных коров и собак округи, встречаются в Непале на каждом шагу. А временами прямо на дороге увидишь тарелку с подношениями — рисом, молоком или кокосом. Это угощение для богов.

Божеств в индуизме тысячи, но основных, как рассказывал Ашим, три: создатель Брахма, хранитель Вишну и разрушитель Шива. У каждого из них есть жены: Сарасвати — супруга Брахмы; Лакшми — спутница Вишну, богиня достатка и изобилия, особенно почитаемая индуистами. И конечно, Парвати, подруга бога Шивы. Остальные божества в большинстве своем — аватары, реинкарнации этой передовой шестерки. Как, например, Кришна или даже Будда, которые считаются в индуизме воплощениями бога Вишну. Или же Кали и спутник ее Кало (известный нам уже Бхайрав) — это темные аватары Парвати и Шивы. Есть, правда, и самостоятельные персонажи — Ганеша, бог удачи со слоновьей головой, или обезьяний Хануман, летающее существо невероятной силы.

Самый популярный из всех божеств в Непале, без сомнения, Шива, разрушитель иллюзий и старого мира во имя его обновления. По одной из легенд, Шива появился от гнева Брахмы, между бровей, и потому его природа — самая негативная из прочих. И между тем Шива — не только ярость и уничтожение, но и милость, защита и покровительство. Его изображают синим, почти обнаженным, длинноволосым молодым мужчиной с трезубцем в руке и змеями вокруг шеи.

«Всеобъемлющий» Вишну в Непале тоже достаточно почитаем. Он несет свет, благо и Абсолют. Роль его в индуизме второстепенной не назовешь — в трудные времена он возвращается на землю и восстанавливает баланс добра и зла. Испокон веков короли Непала считались реинкарнацией бога Вишну. К сожалению, в нашей истории баланс пошатнулся — и убитый непальский король положил конец красивой легенде¹.

А вот Брахму, создателя, в Непале не жалуют. Храмов ему не строят, жертвований не несут. «Это все из-за инцеста, — пояснил нам Суман Чандра, бхактапурский лавочник. — Брахма создал

¹ Первого июня 2001 года в королевском дворце Нараянхити случилась трагедия. По официальной версии, принц Дипендра в состоянии аффекта расстрелял девятых и тяжело ранил пять человек из королевского семейства, а после выстрелил в себя и умер спустя три дня. Авторитет монархии оказался подорван, и в 2008 году была установлена республиканская форма правления.

девушку, которая почиталась ему за дочь. А потом женился на ней. В Непале это осуждается».

Что говорить, к религии здесь относятся крайне серьезно. В подтверждение этого я хотела бы закончить главку одной историей, о которой рассказал мне Рам, друг из хостела. А уж выводы делайте сами.

В районе Синдхупалчок, неподалеку от столицы, в одной из деревень местный житель убил змею, священное животное, — преступление для индуистов непростительное. А спустя какое-то время одна из гор сошла в реку Ботикоши, и река была перекрыта. Из-за этого образовалось большое озеро, и правительство Непала, привлекая помощь индийской армии, попыталось справиться с катаклизмом бомбами и подкопом. Но все было тщетно. Тогда деревенские, вспомнив о змее, обвинили во всем незадачливого парня, набросились на него и избили камнями почти до смерти. Полиция спасла беднягу и направила его в столичный госпиталь. Но деревенские на этом не успокоились и отправились за ним в Катманду с твердым намерением закончить начатое. А у озера возвели маленький храм, чтобы извиниться перед убитой змеей. Через несколько дней вода ушла сама по себе. Спустя три месяца случилось землетрясение, и после первого толчка деревенские обратились к ведунье с нехитрыми вопросами: почему же так случилось? чего ждать дальше? И ведунья заговорила вдруг голосом Сесанаги,

змеяного пятиглавого божества. «Вы убили моего ребенка, — прошипела она, — и теперь я убью вас всех». Потом был второй толчок, который уничтожил всю деревню.

3.2. ДЖАНАКПУР, ГОРОД ПАЛОМНИКОВ

И если же говорить о религии, не лишним будет упомянуть о Джанакпуре, «маленькой Индии в Непале» и средоточии индуистской культуры. В путеводителях Джанакпур несправедливо обходят вниманием, хотя рассказать о нем можно многое.

Джанакпур — город с историей в три тысячи лет. Здесь успели пожить и Будда, и основатель джайнизма Махавира, поженились боги Рам и Сита, а имя города угодило в индуистский эпос «Рамаяну» — место, в общем, небызвестное. В двадцати километрах от Индии, как ни один другой, этот город сумел передать особый колорит своего соседа. Здесь не встретишь азиатских лиц, как и западных туристов. Но обо всем по порядку.

Итак, Джанакпур. Не Непал и не Индия, а королевство народности митхила много лет тому назад. Столица, названная в честь короля Джанака, с которым связана легенда удивительная и романтическая, как весь индуистский фольклор. А начинается она так: «Жил да был один король...» Он был добрый и мудрый, но, как водится, не без

изъяна — Джанак был бездетным. Народ его любил, и все бы ничего, если бы не засуха — есть стало нечего, люди погибали, и Джанак решил вырыть источник. Вместо воды он, однако, нашел в земле горшок, а внутри лежал ребенок, который пришлось очень кстати бездетному королю. Что там с засухой было дальше, никто не помнит, но вот девочку называли Сита, и росла она во дворце как наследница. Ничего особо примечательного в ней и не было — до тех пор, пока не решила Сита затеять уборку. Вытирая пыль, она легко подняла лук короля Джанака, который не удавалось поднять еще ни одному из смертных. Джанак удивился: «Да ты, должно быть, не человек, если сумела поднять мой лук!»

— Не такой уж он и мудрый был, если не понял этого, когда вырыл ее из земли, — улыбнулась Ася.

«...Ты, должно быть, не человек, а богиня! Но раз моя дочь обладает великой силой, то и муж ее должен быть такой же могущественный, как она», — решил Джанак. Он собрал женихов со всей страны, но никто не сумел больше поднять его тяжеленный лук, кроме Рама, который, к случаю, оказался одним из воплощений бога Вишну. И тогда, конечно, сыграли пышную свадьбу. Ну а город этот остался и по сей день важным центром паломничества индуистов со всего света.

Но хватит истории. «Грязный, зловонный и полный москитов». Это первое впечатление, которое

нередко останавливает людей от дальнейших суждений. Все, кому бы мы ни говорили, что отправляемся в Джанакпур, старались отговорить нас, и особенно настойчиво те, кто ни разу там не был. Да, действительно, мусор повсюду. Кучками его сгребают у лавок и поджигают, жгут также и мертвых животных, и задымленный воздух напитан ядовитыми испарениями пластика и паленых шкур. Повсюду летают мухи-падальщицы, и оттого даже собственный пот, ручьями струящийся в этом безвоздушном царстве, кажется отравленным. Давят звуки. Клаксоны, крики, музыка, собаки — от этих звуков словно бы становится еще душнее. Добавьте ко всему тяжелую пыль непальского бездорожья. Она мгновенно забивает легкие, покрывает лицо, волосы и руки серым безжизненным налетом, из-за чего ты сливаешься с пейзажем. Таково наше первое впечатление о Джанакпуре, общий план. И верно было бы, может, сесть на автобус и катить отсюда подальше, но мы ныряем, не задерживая дыхания. Мы знаем, к чему готовиться, но хотим отыскать здесь то, чего не увидели остальные, а кто ищет, как известно, тот и находит.

Как-то однажды Ася рассказывала мне, что к абсолютно любым запахам, даже самым резким, человек привыкает всего за пятнадцать минут. Наш глаз, мне кажется, устроен похоже, иначе как объяснить равнодушие, с каким уже через полчаса ты смотришь на весь этот мусор, стоячую воду

на улицах, свиней и коров, бродящих повсюду и лениво жующих отходы. И, увы, всего через полчаса перестаешь вдруг удивляться противоположной, волшебной стороне этой жизни, какая ослепляет тебя вопреки брезгливости, стоит лишь только шагнуть подальше.

Джанакпур — один из самых ярких городов, какие я только видела. Здесь ходят исключительно в сари, и даже мужчины носят юбки — национальные набедренные *лунги* синего цвета, и тюрбаны, художественные складки которых повторяют мятые мудрые лбы. Жители неспешно разгуливают с корзинами на головах или греются и общаются на ступенях своих домов, чьи разноцветные стены украшают прославленные митхильские росписи. Вся жизнь в Джанакпуре словно проходит снаружи — едят тут, например, не иначе как на улице, здесь же читают газеты, играют в шахматы и стирают.

Помимо бытовой пестроты нам удастся застать и праздничные краски. Ведь мы приезжаем в разгар фестиваля света Тихар — здесь он называется Дивали, на индийский манер. Город в эти дни превращается в большой восточный базар. Фруктовые ряды, цветочные, лотки с фейерверками, свечами и разноцветной пудрой — абстракции Поллака, если расслабить глаза. Каждый четвертый магазин здесь продает ткани и сари, украшенные золотыми вышивками и россыпью цветного стекла. Каждый второй — тяжелые бусы из бисера, браслеты на ноги и руки, восточные тапки и кос-

метину. Шанс побыть настоящей принцессой есть у каждой девушки, а мы лишь в сказках об этом читали.

Другая особенность Джанакпура, пугающая и привлекательная одновременно, — здесь нет белого человека. Как нет и условий, каких он ожидает, — ни Тамеля, ни Лейксайда¹, ни англоговорящих, ни сувенирных лавок и европейской еды. К иностранцам в Джанакпуре не привыкли, как не привыкли и лукавить, искать выгоды с подобострастной улыбкой и идти на уступки. Здесь живут своими соображениями, и если же ты хочешь задержаться, приходится подстраиваться под эту сумасшедшую жизнь без всякого снисхождения. Но есть, конечно, и преимущество — без внимания приезжий здесь точно не останется.

Мы гуляем по Мандиру Джанаки, величественному, белоснежному храму, к нам подходит монах. Я прошу его разрешения на фото, мы начинаем разговаривать, а потом он зовет меня и Асю к себе, в монашеские покои — ашрам вишнуитов — на территории храма.

Светлая, продуваемая со всех сторон комната, выкрашенные в голубой и белый цвета стены. Вентилятор под потолком, развевающиеся саронги на бельевой веревке. Гопал — так зовут монаха — усаживает нас на софу и приносит угощение: ма-

¹ Туристический район Пожары, города, откуда начинают восхождение на Аннапурну.

ринованные бананы, тушеный нут и лепешки роти — все это на пальмовых листьях вместо тарелок. А спустя пару минут мальчик-послушник ставит перед нами воду и чай масала: в Непале, прежде чем приступать к чаепитию, обычно пьют воду — мне ритуал непонятный. Гопал приносит стулья и приглашает остальных монахов — старика с отсутствующим взглядом и тростью, покрашенной в голубой. Второй гость — высокий и тонкий мужчина, который кажется нам очень пронизательным. У него черная борода и дреды, убранные на затылке, белые одеяния, оранжевая накидка и массивный деревянный амулет с когтем на шее. На каждом пальце у него по кольцу, а лицо измазано желтой пудрой — вся верхняя часть, кроме пустого треугольника на лбу¹, который венчает тика. И последний монах здесь самый главный — все называют его брахмачарий, учитель. Он важен и толст, и добродушный неугомонный Гопал смотрится на его фоне просто ребенком. Все с интересом рассматривают нас (кроме, пожалуй, старика — он разглядывает окно, да и то без интереса), а потом достают свои телефоны и делают с нами селфи. Ну а следом, без всякого смущения, переходят на разговоры о Боге.

— Так вы христиане? — обращается к нам брахмачарий.

¹ У — знак, который рисуют на лбу вишнуиты. Последователи Шивы обычно линуют свой лоб тремя горизонтальными полосами.

— Да, мы выросли в этой культуре, — отвечаю я, — но больше все-таки в поиске.

— Поиск — это хорошо, — кивает монах с дред-локами, сидящий напротив меня. — А что вам нравится?

— Мне близки идеи буддизма. Как, кстати, вишнуиты относятся к Будде?

— Очень хорошо. Буддизм ведь можно считать ответвлением индуизма. Вы знаете, что Будда вырос в индуистской семье? Ну и потом, ведь не так уж это и важно, в кого человек верит. Стоит скорее оценивать, как он это делает, как живет и чувствует.

— А как вы себя чувствуете? — спрашивает Ася.

— Я счастлив, — улыбается Гопал своей наивной, почти детской улыбкой. — Живу и наслаждаюсь каждой минутой, учусь, пытаюсь себя понять, зачем я здесь и в чем предназначение человека.

— А долго вы монашествуете?

— Уже пятнадцать лет, — отвечает он. — И если мне сейчас двадцать девять, то, стало быть, с четырнадцати.

— Так вы приняли это решение, когда были еще ребенком? — поражается Ася.

— Ну да. В какой-то момент я вдруг перестал ощущать себя счастливым. Не понимал, почему вокруг столько несправедливости, в чем смысл очередного прихода, и потому решил посвятить свою жизнь поиску. Почти как вы.

— И вы даете обет безбрачия? — спрашиваю я.

— Так и есть, — отзывается лысый брахмачарий. — И мы не можем больше видаться с семьей и уж тем более заводить новую. Это жизнь в одиночестве, но это добровольный выбор каждого из нас.

Еще долго наш разговор продолжается в том же духе. И пока мы общаемся, заходят люди и кладут цветочные венки брахмачарию на руку, касаются его коленей и получают благословение. Когда же мы прощаемся, он подзывает двух человек — пожилого мужчину со старинным кожаным саквояжем, из которого достает эфирные масла и обмазывает наши запястья. И второго — мальчика-послушника с двумя заготовленными венками. Брахмачарий набрасывает их на наши шеи и говорит напутственное слово, на этом мы и расходимся.

И пускай ничего нового для себя не открываем, у нас остается прекрасное воспоминание об этой встрече как чем-то искреннем и очень трогательном.

Мы долго обсуждаем ее, и наконец Ася говорит мне:

— Знаешь, я не могу представить, как православный батюшка делает паспорт. Как он снимает свою шапку и рясу, чтобы получить официальную фотографию, под которой к тому же напишут его настоящие имя-фамилию-отчество. В этом есть что-то разоблачающее, словно с него снимают маску и дают понять, что он обыкновенный человек, а не тот идеальный образ проповедника, который требует его профессия. Отслужив свою службу, этот образ он оставляет в шкафу вместе с костюмом и са-

дится в дорогой «мерседес», и тот катит его в иную реальность. Здесь же по-другому — у меня вот совсем не сложилось впечатления, что меня разыгрывают показным благочестием, — эти монахи действительно так и живут. Никого из себя не изображают, ничего не имеют, даже дома, все время катаются по стране. Едят простую пищу, живут обыкновенными радостями, в Фейсбуке сидят, например. И мне проще поверить в искренность человека со слабостями, чем в идеального сверхчеловека. Вот так и с Богом. В индуизме, почти ведь язычестве, все боги похожи на людей. У них есть свои изъяны, свои страсти, они бывают капризными, ревнивыми, совсем как мы. И потому они мне кажутся реалистичней и ближе, чем символ безупречного христианского Бога.

И я подумала тогда, как точно эти слова описывают и город — такой вот непричесанный и дикий, но настоящий, как ни один другой. И пускай заметки в духе «10 причин посетить Джанакпур» у меня написать не получилось, я без сомнения советую побывать в этом городе тому человеку, который ценит реализм. Ну и еще, пожалуй, индийские сладости.

3.3. КОМУ МОЛЯТСЯ БУДДИСТЫ?

Открывать для себя буддистский Непал советуют ступой Будданатх, старинным колпаком, спрятавшим под собой пятнадцать столетий истории. Зо-

лотой наконечник в четыре пары известных глаз¹ следит за всем, что творится в мире, а в радиусе полсотни метров уж наверняка: тибетские монашеские и паломники со всего света, южные лавки, кафе и многочисленные туристы уж точно не ускользнули от пристального взгляда. Как и мы однажды. Но признаться, Будданатх, «центр тибетского буддизма в Непале», «съемочная площадка „Маленького Будды“ Бертолуччи»² и множество прочих заслуг не смогли покорить меня так, как это сделал Сваямбунатх и Обезьяний храм Катманду.

Буддистский квартал Сваямбунатх от Тамеля и окрестностей отделяет лишь мост, но, шагнув по ту сторону реки Багмати, открываешь вдруг совершенно новый мир, зеленый, тихий и застывший вне времени. Мы ныряем вглубь, идем к Академии нирваны вдоль барабановой аллеи, загребая правой рукой всю удачу на своем пути³ и здороваясь с каждой встречной обезьяной левой. Доброе утро, господа! Приятно познакомиться, что за

¹ Buddha eyes, глаза Будды, один из главных символов Непала.

² Фильм итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи, снятый в 1993 году. Одна из центральных сцен картины происходит у ступы Будданатх.

³ Молитвенные барабаны — обязательный атрибут буддистских храмов. Внутри каждого из них находятся бумажные свитки с мантрами, чья сила пробуждается и возносится к небесам, когда барабан приходит в движение. Крутить его — здесь особый род молитвы. «На удачу», — поясняют непальцы.

встреча. Нам вежливо улыбаются и кивают в ответ, а между делом переглядываются за спиной — что за чудачки разговаривают с обезьянами?

Вся улица, что по правую сторону от трех золотых статуй¹, чередует сады и расписные храмы с огромными буддистскими барабанами внутри; барабаны эти всегда в движении — тяжелом, но непрерывном. Этот ритм здесь повторяет всё — гипнотическая колыбельная мантры, злом сообщающая улице глубокое, почти сонное оцепенение; неторопливый поток паломников, бритые монахи в красно-желтых одеяниях и кроссовках *Nike*, серьезные тибетские женщины в национальных платьях, перебирающие деревянные бусины четок.

Общая численность тибетцев в изгнании — около 134 тысяч человек. Двадцать тысяч из них живут в Непале — обломки трагической истории государства Тибет, лишившегося независимости, большей части культурного наследия и, наконец, своего политического и духовного лидера — известного нам далай-ламы, вынужденного бежать в Индию после военного вторжения Китайской Народной Республикой.

В Катманду, если не брать в расчет Будданатх, все тибетцы собрались в районе Сваямбу. Здесь же мы встречаем и нашего собеседника — тибетскую женщину лет тридцати, отличить от непалки

¹ Главные ворота Сваямбу, три золотые статуи: четырехрукий Ченрезиг, Гуру Ринпоче и самый большой Будда в Непале.

которую получается лишь по одежде. Знакомимся, она рассказывает нам о тяготах жизни тибетского населения в Непале.

— Официальную работу не дают, — делится она, — подрабатываем нелегально, то там, то здесь. Продаем фрукты, украшения. Прав у нас очень мало, но детям наконец разрешили ходить в школу. Мой сын вот пошел в начальный класс, я очень этому рада. Возможностей у него будет больше, чем у меня. В мое детство тибетских детей в школу не пускали. Нас здесь не любят, приходится быть друг за друга. Вот и живем коммунами.

— А вы только буддисты или индуисты тоже? — спрашивает Ася.

— Буддисты. Быть только буддистом — это правильно. Быть только индуистом — тоже хорошо. Но если ты и буддист, и индуист, это плохо. Болееешь часто.

Тибетский буддизм, наравне с китайским и буддизмом Юго-Восточной Азии, одна из трех основных веток этой религии, исповедующей мировую любовь, сострадание и бесстрастность. Вопросом, что из себя представляет буддизм и на чем он основан, я задалась еще перед отъездом в Непал. От лекций далай-ламы перешла ко всему, что попадалось под руку, и в том числе статьям учителя буддистской дхармы на Западе с непронизносимым именем Сангхаракшита.

Из этих лекций я поняла для себя, что буддизм — это не просто религия, не свод предписаний. Это скорее образ жизни, ведущий в череде перерождений к духовному опыту и наивысшему переживанию, которое называется нирваной. Основал это учение Сиддхартха Гаутама, который первым сумел достигнуть состояния Будды (просветленного), личность, как многие считают, реальная, сын раджи из рода Шакья, царевич в традиционной версии. Как гласит предание, он провел беспечную молодость во дворце и не замечал ни старости, ни болезней, ни смерти, пока не случилось в его жизни четыре знамения. Он покинул дворец и увидел старика — и внезапно понял, что когда-нибудь состарится и сам; затем увидел больного и осознал, что здоровье его не бесконечно. Третьим знамением была встреча с похоронной процессией — Сиддхартха обнаружил, что все люди смертны. Тогда он ужаснулся и начал спрашивать себя: «Как я попал сюда? Зачем мне молодость, если я состарюсь? Зачем здоровье, если оно иссякнет? Зачем мы живем, если все равно придется умирать?» И в тот момент случилось последнее, четвертое знамение — он встретил старика садху, аскета. У того не было ни семьи, ни дома, ни даже одежды, но выглядел старик таким спокойным и мудрым, что Сиддхартха решил последовать его примеру — оставить все, что имеет, и пуститься на поиски истины. Он хотел найти ответ на вопрос: «Как освободиться от страданий?» — и по-

тратил на это семь лет, скитаясь по миру и общаясь с мудрецами. И вот однажды, как повествует легенда, он сидел под деревом бодхи, когда на него снизошло озарение — он достиг состояния Будды и начал проповедовать свои истины миру.

— «Вся жизнь человека — страдание» — это главная идея буддизма, — рассказываю я Асе, пока мы поднимаемся по лестнице к Обезьяньему храму, главной достопримечательности района Сваямбунатх: 365 ступеней духовного восхождения. — Нет ничего вечного, и потому все, что мы любим, рано или поздно мы потеряем. И чтобы избавиться от страданий, мы можем сделать лишь одно...

— Уничтожить привязанности? — предполагает Ася, отгоняя мартышку.

— Даже раньше. Уничтожить желание как основную причину наших страданий. А добиться состояния бесстрастности буддисту помогает так называемый восьмеричный путь спасения. Правильное понимание и правильное намерение, благодаря чему он достигает мудрости. Правильные речь, поступки и образ жизни — что помогает контролировать поведение и настраивает на правду, сострадание и добродетель. И наконец, правильные усилия, помыслы и сосредоточенность — это уже дисциплина ума.

— Но если это всё-таки религия, где там бог? Кто же все контролирует? Будда?

— Будда — это лишь просветленный. В теории и мы с тобой можем быть буддами, если очень захотим. А бога в буддизме нет, во всяком случае, такого, какого мы обычно себе представляем. И потому, если я правильно поняла, человек контролирует и карает себя самостоятельно. «Ты будешь наказан не за свой гнев; ты будешь наказан своим гневом». Так ведь сказал Будда? Добиться спасения человек может тоже лишь сам, благодаря собственной решимости и усилиям. Потому заповеди тут не повеления свыше, а то, что помогает достичь просветления и остановить череду перерождений.

— А что за заповеди? — спрашивает Ася, когда мы останавливаемся передохнуть.

— Они называются *шила*. Да все то же самое. Не навреди, не солги, не укради. Люби, будь щедр и доволен. Неплохо бы, кстати, отказаться от алкоголя и, конечно, от наркотиков. Хотя меру здесь человек устанавливает себе сам.

Наконец мы добираемся до вершины и окидываем взглядом город. С этой высоты он перед нами как на ладони — не зря же и холм Сваямбунатх, и главную ступу можно разглядеть почти с любой точки Катманду. Существует легенда, что когда-то, много лет назад, вместо долины здесь было огромное озеро (что, кстати, подтверждают не только древние писания, но и исторические свидетельства). А холм был островом, на котором вырос прекрасный лотос. Отсюда и название, Сваямбу,

что означает «самосоздание». И вот однажды к легендарному сподвижнику Будды, бодхисаттве¹ Манджушри, этот лотос явился в одном из видений. И бодхисаттва решил отправиться в путешествие к озеру и найти прекрасный цветок, чтобы поклоняться ему. Когда же он увидел, что люди могут здесь поселиться, Манджушри разрубил ущелье, куда и стекла вся вода. На месте лотоса построили главную ступу. А обезьяны, что почитаются здесь за священных животных, были всего-то лишь вшами с волос Манджушри, которые отрастали, пока он возводил Сваямбунатх. Волосы, вероятно, выросли длинными, потому что обезьян здесь даже больше, чем людей, они сбегаются в кучки, прыгают по холму и дерутся, позируют, таскают священный рис из храмов — развлекаются, в общем, как умеют.

Холм Сваямбунатх — это очаровательное и беспорядочное нагромождение всего на свете. Здесь можно отыскать и буддистские святыни, большие и маленькие, и индуистский храм, и много других, вполне себе светских построек, побитых временем и трясками. А флагман этой компании здесь главная ступа, большая, белая и похожая на остальные ступы Непала как две капли воды. Все тот же купол, который символизирует собой весь мир. Та же золотая башенка с глазами Будды — знак мудрости, сострадания и пробуждения. Те же цветные молитвенные флажки, спускающиеся от шпиля ступы к ее основанию.

¹ Бодхисаттва — тот, кто стремится к просветлению.

Сваямбунатх почитается как буддистами, так и индустами. Каждое утро перед рассветом и те и другие поднимаются к ступе, начинают обходить ее по кругу и вращать барабаны. Мы тоже вращаем, оглябая ступу с серьезным видом, как и прочие, строго по часовой стрелке. «По часовой стрелке надо крутить, а не ходить», — смеются над нами монахи. Ну что же, мы быстро признаем ошибки и уже через пару минут заходим на новый круг — с невозмутимостью бывалых.

Буддисты верят в реинкарнацию, и в то, что люди, какими мы стали, лишь результат прошлых жизней. А также и тому, что происходит с нами все это не случайно: быть может, здесь мы лишь заканчиваем то, что начинали раньше. А если так, то Непал стал для меня одним из подобных «проектов». Впервые я почувствовала это здесь, на Сваямбунатхе, вершине «самосоздания» и отправной точке развития. «Зачем ты здесь? Что пытаешься отыскать?» — задалась я вдруг вопросами, заставшими врасплох мое шутовское легкомыслие. Приезжая в Непал, я не искала духовного опыта. Но, похоже, его здесь не избежать и скептику. А стоит ли удивляться? Ведь отсюда, с крыши мира, за всем наблюдаешь сверху. Но не будем забегать вперед.

3.4. ЛУМБИНИ, МЕСТО РОЖДЕНИЯ БУДДЫ

Лумбини — это небольшая деревенька у западной границы, одно из самых жарких мест в Непале. Путешественники, планируя свои маршруты в Ин-

дию или из Индии через Саноули, обыкновенно не обходят стороной и Лумбини. Ведь эта земля, согласно буддистской традиции, считается местом рождения Сиддхартхи Гаутамы, известного нам с вами Будды-основателя. Один из четырех главных для буддистов городов, наряду с Бодх-Гая, местом просветления Будды, Саранатхом, где он впервые проповедовал, и Кушинагаром, где Сиддхартха ушел в нирвану, Лумбини собирает тысячи паломников со всего света на крошечном пятачке Священного сада.

Обойти Лумбини можно за несколько часов (а если арендовать велосипед, то еще быстрее), особыми достопримечательностями это место не располагает. Да и культуры Непала тут искать не стоит — поселение довольно туристическое, а отношение к приезжим сродни тому, что встречаешь в Тамеле. Индия здесь чувствуется сильнее, ведь основная часть паломников именно оттуда. И если особого религиозного значения поездка в Лумбини для вас не имеет, а границу вы не пересекаете, я посоветовала бы заменить ее чем-то более содержательным. Одной из горных деревень, например, или Читваном, национальным сафари-парком, или отправиться в короткий трек к Нагаркоту. Но если же изучение буддизма — одна из основных целей вашей поездки, а времени у вас достаточно, чтобы посвятить себя духовному поиску, не превращая его в однодневную туристическую прогулку, обойти Лумбини стороной просто невозможно.

Плотно позавтракав и прихватив с собой немного еды (ведь на территории сада магазинов не разыщешь), мы пристраиваемся в хвосте музыкальной колонны: с барабанным боем и песнями женщины в разноцветных сари несут на голове горшки с растениями. «Поклонение богам», — поясняет нам единственный мужчина парада, с оранжевым платком на шее и выкрашенными красной пудрой ступнями. И хотя церемония эта индуистская, направляются путники напрямик в Священный сад, буддистские владения.

Священный сад начинается сразу за аркой через дорогу от поселения. На входе нас встречают велорикши, предлагая прокатить по всем углам этой запутанной территории, показать не только главный храм Майя Деви, но и спрятанные в глубине сада монастыри со всего света: из Тибета, Китая, Японии, Шри-Ланки, Германии и других стран. Но мы с Асей решаем исследовать все самостоятельно и направляемся за музыкальным парадом напрямик к храму, где, по преданию, жила некогда Майя Деви, мать Сиддхартхи Гаутамы. «Добро пожаловать в Лумбини, место рождения Будды», — красным светодиодом бегущей строки Непал указывает духовный путь. Здесь же — контроль билета¹ и содержимого сумочки. А сразу позади — главный парк с белоснежным остовам хра-

¹ Храм Майя Деви — единственная часть Священного сада, куда пускают лишь по билетам. Цена, правда, символическая — 200 непальских рупий за вход.

ма, знаменитым прудом Пушкарини и опутанным молитвенными флажками деревом бодхи.

— Намасте, — киваем мы монахам, медитирующим в его необъятной тени.

— Намасте! — отзывается кто-то позади. Оборачиваемся и встречаем умиротворенную улыбку. — Сантос, — представляется монах.

— Правда? Как сантоши¹, довольство? — спрашиваю я.

— Верно, верно, — трясет монах умудренной лысиной. — Вы буддисты?

— Пока нет, — улыбается Ася, — только страждущие.

— Тогда это место — то, что вам нужно, — говорит Сантос. — Здесь родился Будда Шакьямуни. Поэтому Лумбини — одно из самых священных мест на Земле. Здесь особая энергетика, чувствуете? Закройте глаза.

Я послушно закрываю глаза и пытаюсь что-нибудь почувствовать. Впереди нас смеются индийские туристы, а откуда-то сбоку доносится шум строительных работ.

— Расслабьтесь и сконцентрируйтесь, — подсказывает шепотом Сантос, — следите за тем, куда направляется ветер.

¹ Пять шила, основных заповедей в буддизме: не навреди, не укради, не солги, избегай дурного полового поведения, алкоголя и наркотиков — имеют положительные соответствия. Например, майри — дружелюбность и деятельная любовь, дана — щедрость, сатья — правдивость, смири — внимательность или осознанность. Сюда же относится и сантоши — довольство.

И словно под указку монашеских наставлений ветер вдруг дует с удвоенной силой и треплет мои волосы, поднимается выше, надувает паруса молитвенных флажков и теряется в кроне дерева бодхи.

— Да, — отзывается вдруг Ася, — чувствую.

— Вот видите, — нивает довольный монах, — а особенно сильная энергия вот там, под деревом. — Сантош указывает на огромный ствол. — Лучше всего медитировать под ним. Знаете почему?

— Не знаем, — мотаем мы головой.

Монах засовывает руку в складки красно-рыжего одеяния кашая и достает оттуда мятую брошюрку. На ней изображение женщины, стоящей под деревом и держащей одной рукой его ветку.

— Вот смотрите, — показывает Сантос, — это Майя Деви, мать Сиддхартхи Гаутамы. А это — священное дерево бодхи. Оно поддерживает Майю Деви, пока она рождает сына.

— Стоя? — спрашивает Ася.

— Верно, верно, — соглашается монах, — стоя. А вот в этом пруду, — он указывает на небольшой бассейн с зеленоватой водой перед храмом, — она искупалась перед тем, как Будда появился на свет. И здесь же Сиддхартха принял свою первую ванну. А вот там, — Сантос увлекает нас за собой в глубины храма Майи Деви, величавой обертки, за которой спрятаны развалины настоящего святилища, — вот здесь и родился Будда.

— Где?

— Да вот же. — И монах указывает на камень, спрятанный под стеклом в глубине древних стен. — Именно здесь.

«Точное место рождения Будды», — гласит табличка. Оборачиваюсь и смотрю на монаха. Он складывает руки в молитвенном жесте и отходит в сторону.

— Чувствуете? — напоследок спрашивает он нас.

Я вдыхаю кислый запах сырости и всматриваюсь в руины великой истории. И единственное, что чувствую, это, пожалуй, сопричастность. Как же там было?

Давным-давно, в далеком 563 году до нашей эры, жила-была царица Майя Деви, жена раджи Шуддходханы. Детей у них долго не было. Но вот однажды, в одно из полнолуний двадцатого года совместной жизни, приснился царице сон: четыре духа подняли постель Майи Деви и отнесли ее в Гималаи. Затем Майю Деви отвели к озеру Анотатта, искупали, чтобы смыть мирскую грязь, и облачили в небесные одежды и украшения. И, доставив в золотой дворец на серебряной горе, положили на ложе головой на восток. Вдруг появился белый слон. Держа в своем хоботе белый лотос, он трижды обошел вокруг женщины и забрался в ее чрево с правой стороны. Когда же Майя Деви проснулась и рассказала обо всем Шуддходхане, он пригласил 64 брахмана, угостил их, поднес дары и спросил, что может означать сон царицы. «Не

беспокойся, — ответили брахманы, — твоя жена ждет ребенка, и у тебя скоро появится сын. Учти, что если он будет жить в своем царстве, то станет прекрасным правителем. Но если же оставит дом и уйдет от мира, он станет Буддой, тем, кто снимет с человечества покров неведения».

Пришло время, и Майя Деви родила Сиддхартху, а через семь дней скончалась — печальная участь всех матерей Тагхагат¹. Конечно, она ожила на буддистском небе и всегда следила за устремлениями сына. А иногда и спускалась с небес, чтобы помочь ему советом. Воспитывала же Сиддхартху Махапраджалати, сестра Майи Деви.

Слово «Майя» переводится с санскрита как «иллюзия». Бытует мнение, что в этом имени скрыт особый символизм. Рожденный из иллюзии, Будда находит способ освободиться и достичь тем самым просветления. Такова легенда, и, какой бы фантастической она ни казалась, она меняла судьбы, сворачивала историю и привлекала тысячи паломников со всего света поглядеть на камни — неказистые, пыльные обломки возрастом в 2500 лет.

Мы выходим из храма, блуждаем в лабиринте кирпичных развалин древних монастырей, рассматриваем знаменитую колонну, установленную

¹ Одно из имен Будды, которое использовал и сам Гаутама по отношению к себе.

императором Ашокой в 249 году до нашей эры. Безжалостный правитель империи Мауриев, он вел разрушительные войны, пока однажды не раскаялся и не принял буддизм.

Бредем дальше — через реку Телу, мимо золотой статуи Будды у самой воды пруда — к белоснежному миражу Ступы мира¹.

До тибетского монастыря Рабтен мы добираемся уже ближе к вечеру. И пока Ася рассматривает дверные фрески, я ныряю в глубины храма и попадаю в волшебное царство: пустой алый зал, расписные стены и величественный Будда, взирающий на пришедшего поверх мирских устремлений. Впервые в жизни я оказываюсь в храме одна, без ожиданий и поиска. В первый раз не смущаюсь того, что не знаю правил. И вдруг, совершенно внезапно, я чувствую, куда дует ветер. До головокружения, до слез. Чувствую не в статуе, нависающей надо мной своим необъятным авторитетом, не в золоте и украшениях, а в свете свечи, в отражающей его воде переполненных до краев прозрачных мисок. Я смотрю Будде в глаза — без посредников и кодекса, прямо и без страха. И понимаю, что он от меня ничего не ждет: ни послушания, ни революций. Что он не спасет меня в Судный день, ведь никакого суда и не будет, кроме того, что чиним над собой мы сами.

¹ Подробнее о ступах Мира в главе «Понхара, хилпи-Мекна».

«Какая разница, — говорит он мне, — какой рукой ты крестишься. Каким жестом приветствуешь духовность и какими словами ее выражаешь. Какая разница, в какой дом ты ходишь молиться, да и ходишь ли вообще. Ведь единственный бог — только тот, что внутри тебя, а единственная молитва — только та, что искренняя».

Первые семь шагов Сиддхартха Гаутама сделал тут, в Лумбини. Свой первый шаг, провожаемая бесстрастным взглядом, я совершила здесь же, ступив за порог молельной. А Будда остался со мной.

Изучив как следует городской Непал и отдохнув от перелетов, мы отправляемся в нашу школу. *Maya Universe Academia*, деревня Мальбасе, штат Удайпур. Почти сутки дорожной тряски, бесконечная смена транспорта и неослабевающий интерес непальцев к «высокоразвитой» беспомощности в течение всего пути.

И вот мы на финишной прямой — последние километры восхождения в местном автобусе с разноцветными деревенскими жителями, мешками с рисом, завалившими весь проход, и переносным алтарем на приборной панели. Все выше и выше, к нашей поднебесной школе. Мост на ремонте — что поделать, идем вброд, подвязав дверцу водителя, чтобы следить за уровнем воды. Следом непроходимая грязь — неужели будем толкать?

Выныриваем из тучи, дождь прекращается, и я хватаюсь за фотоаппарат. Фотографии получаются кособокие, но даже талант не смог бы передать эту красоту согласия человека и дикой природы. Пальмы, бамбук, ребристые склоны, заметенные

облаками. Соломенные крыши лачуг, крестьяне с корзинами на головах, костлявые коровы и козы. Все это под непальскую музыку — прекрасный (и оглушительный) микс индийских песнопений и тибетских мотивов.

Наконец нас высаживают на самом верху. Рюкзаки, перемазанные, насквозь мокрые от прошедшего ливня, сбрасывают с крыши, автобус уезжает. Молодая женщина с пожитками на голове, ребенком в руках и еще одним под рукой зовет нас за собой.

— «Майя», — говорит она.

— Понимаете по-английски? — спрашивает Ася.

— Но, — мотает женщина головой.

Взваливаем рюкзаки и плетемся за ней, подбадривая с Асей друг друга.

Дорога к школе становится нашим первым испытанием. Она занимает всего полчаса, но тяжелая ноша и горные кручи превращают этот короткий путь в настоящую полосу препятствий, вынуждая нас то балансировать на узких тропях, то взбираться на мокрые скалы. Радует хотя бы тому, что не знаем дороги. Когда понимаешь, сколько осталось, сложнее, а так — просто ждешь конца пути за каждым следующим поворотом.

Навстречу нам выбегают дети и восторженно перекикивают друг друга:

— Здравствуйте! Вы новые учительницы, да? А как вас зовут?

А потом нас встречает Асис, директор школы «Сагарматха». Молодой непалец с живыми глазами, в потрепанных конверсах и с татуировкой индейца на плече — такого начальника у меня еще не было. Он забирает мой рюкзак и отводит нас в школу. С ним загорелая девушка, молча проводившая нас в кухню. «Добро пожаловать!» — говорит она по-русски, и мы столбенеем от удивления, пытаясь припомнить, не сболтнули ли по дороге чего лишнего. Ее зовут Яна, ей двадцать шесть лет, и она приехала в школу, как и мы, на длительный срок — месяцев пять или же больше, как пойдет. В «Академии Майя» она работает уже третью неделю, ей очень нравится, и особенно здесь, в «Сагарматхе».

— Здесь все по-семейному, — говорит она, — детей немного, волонтеров поэтому тоже. Сейчас, например, только я — учитель английского; девушка из Франции, Элли, — она помогает на ферме. Есть еще парень из Бразилии, Бруно. Он здесь уже четвертый месяц, но на следующей неделе уезжает, его классы возьмешь ты, — говорит Яна мне. — В других подразделениях¹, особенно в главном, все устроено по-другому. Детей там гораздо больше, живут они с волонтерами двадцать четыре часа в сутки. Личного пространства, ясное дело, там нет, даже спят все вместе в одной комнате. У нас же дети после учебы расходятся по деревням, и с

¹ «Академия Майя» имеет три корпуса, два из которых располагаются неподалеку от Покхары. Третий корпус — это наша школа «Сагарматха».

четыре вечера мы уже предоставлены сами себе: готовим, общаемся, составляем учебные планы, а потом разбредаемся по своим комнатам. Спать ложимся обычно рано, часов в восемь или девять, встаем, соответственно, тоже. Я на ногах уже в половине шестого. Но вообще завтрак в девять, и если ты не дежурный, можешь поспать подольше.

— Никакого русского в моей школе, — сердится в шутку Асис и приглашает нас осмотреть территорию: несколько зеленых холмов, пороги рисовых посевов, бамбуковые хижины. Следующим слоем идут Гималаи, и небо — бескрайнее, но все еще рыхлое от муссонов.

— Наша школа гораздо меньше остальных, здесь у нас только два направления — обучение и сельское хозяйство, — говорит он. — Строительством почти не занимаемся, осталось только закончить библиотеку, и все. — Асис показывает глинобитный остов вдалеке. — Все уместилось здесь — шесть классных комнат, учительская, кухня и наш огород. У нас есть яблоневый сад, вот только яблок там пока нет. Еще мы разводим коз. Вы едите, кстати, мясо? Очень хорошо, я тоже ем, но не с кем — вокруг одни вегетарианцы.

«Сагарматха», названная в честь Звереста, одно из подразделений «Академии Майя». Это школа, спасающая несколько высокогорных деревень от невежества. Дело в том, что в Непале, одной из беднейших стран мира, образование —

вещь в большинстве своем платная, и, заканчивая несколько обязательных классов, дети обычно идут на поля. «Майя» же помогает продолжить обучение и после начальной школы. К тому же, обучая детей на английском, привлекая иностранцев со всего света, школа дает ребенку гораздо больше возможностей. Вот почему местные жители так благодарны «Майя» и помогают чем могут. Например, предоставляют свои дома волонтерам. Один из них и достается нам.

Асис приводит нас в местный дворик и представляет хозяевам: Макармаме, хозяину не только дома, но и деревни, его жене Фупу и Азур Аме, старушке с пронизательным, строгим взглядом. Маленькая, скрюченная, в традиционных уже лохмотьях, с тюрбаном на голове и серьгой в носу, она выглядит шаманом, знахаркой — не удивлюсь, если так оно и есть. Все смотрят на нее с глубоким почтением, она здесь за главную. «Намасте», — склоняемся мы в поклоне. Старуха пристально нас изучает и показывает наверх своим скрюченным пальцем — там мы и будем жить.

Кособокая деревянная лестница ведет в верхние комнаты. Разгребаем листья для коз, наваливаемся на тугую дверь. Наше прибежище на несколько месяцев — криво сбитый дощатый сарай, дырявый, залатанный. Голая крыша, балки, увешанные гирляндами вездесущих кабачков. Из соседней комнаты торчит кукуруза. Разделяющие

стенки здесь условные, но это не страшно — в остальных «покоях» никто не живет, там хранят урожай. Без окон, если не считать большого пролома под крышей и огромных щелей, собравших все сквозняки Непала. Из мебели — две широкие лавки с соломенными подстилками. Грязно, пыльно, но не одиноко — пучеглазые пауки рассматривают нас со всех углов.

— Вам, мисс, — говорит Макармама и достает из-под лавки сырой матрас, зеленый от плесени, и одеяло с ветхой промасленной тряпочкой — простыней, наверное.

Поскорее прячу матрас под лавку, стаскиваю дырявую простыню с одеяла и стелю его поверх лавки.

— Нельзя, — говорит Асис. — Спать на одеяле — навлечь несчастье на весь дом. Такие уж тут поверья.

Что же, остается солома.

— Моемся мы на улице, — продолжает он. — Конечно, в одежде. У нас есть три колонки. Ближайшая в вашем дворе, но вокруг всегда много людей, и они будут разглядывать вас, не стесняясь. Есть еще две — в глубине деревни. Там обычно безлюдно, поэтому волонтеры ходят туда, ну а вы выберите сами. Туалет за домом, но учтите, бумагой здесь не пользуются¹ и бросать внутрь ее нельзя.

¹ Кстати, в Непале, как и в Индии, подмываются левой рукой.

Мусор мы сжигаем или закапываем, поэтому постарайтесь использовать то, что может разлагаться. — Асис смотрит на часы и продолжает: — Ужин в семь, так что распаковывайте рюкзаки и приходите, скоро будем есть. — И уходит.

Мы остаемся одни посреди нашего жилища, не зная, за что взяться. Выметаем пыль, закрываем щели, выгоняем нурицу. Внизу разводят костер, наша комната тонет в дыму, зато не будет комаров, решаем мы с Асей. Прибегает кошка, начинает драть спальные — отлично, будем жить без мышей, радуемся мы. Развешиваем вещи по балкам, раскладываем книги, прислушиваемся: свиньи, куры, козы, непальское радио. Что же, наконец добрались.

Отправляемся к ужину. Заходим на кухню, за столом — Вавилон: Асис и его помощник Субасдай, Элли, крупная блондинка-француженка, и Бруно из Бразилии горячо обсуждают что-то, замешав в свой вечерний диспут не только акценты, но и колорит своих стран. Поприветствовав компанию, идем к глиняной печи в глубине, где Яна ловко разжигает огонь. Предлагаем свою помощь.

— Рацион у нас здесь небогатый, — говорит она. — В первую очередь мы едим рис. Есть еще овощи с огорода; пойдете, я все покажу.

Мы шагаем за ней по мокрым грядкам.

— Сегодня нам понадобятся бобы.

— Мы собираем их сами? — вырывается у меня глупый вопрос.

Яна смеется. Что поделать, мне еще не доводилось собирать бобы. Для меня они всегда были банкой Hienz на второй полке слева.

— Местное бобовое дерево. — Яна указывает на высокий витой куст. — Для готовки мы крошим их целиком, с кожурой, так что ищите початки потолще. По бокам у них несъедобные «швы», их надо снимать и выбрасывать. Еще нам понадобятся листья тыквы и огурец. — Она срывает огромное колючее нечто, больше похожее на зеленую дыню.

— Шутишь! Огурец?

— Вы еще картошку не видели, — улыбается Яна. — Все это мы приготовим с битым рисом и дадем.

— А почему рис называется битым? — спрашиваем мы, возвращаясь на кухню.

— Потому что его и в самом деле побили. Это такие рисовые хлопья, считаются тут вторым сортом.

— А что такое даль?

— Что-то вроде чечевичного супа. Национальное блюдо, его здесь со всем едят. И еще, конечно, специи. — Она достает палитру с приправами и бросает по щедрой ложке каждой. — Спустя три недели в Непале я поняла, что рис — это сплошное разнообразие. Есть миллионы вариаций приготовления риса. Его, например, можно жарить. В прямом смысле — бросать на сковородку и жа-

рить до хрустящей корочки. Получается что-то вроде полпорна. Можно, например, приготовить с молоком, тогда выйдет рисовая каша. А если туда добавить еще сахара с корицей, получится рисовый йогурт. Можно есть рис с лимоном и солью — и представлять, что это рыба, а можно с даем — это уже рисовый суп. Можно есть с картошкой и зеленью — «калифорнийская смесь», можно просто так, без всего. И чтобы не сойти с ума, девочки, его надо действительно полюбить, — наставляет нас Яна, пока готовит.

— Спасибо Яне, спасибо всем вам, спасибо Вселенной, — говорит Бруно и складывает руки в молитве.

Садимся за стол, Асис достает бутылку с кукурузной пробкой.

— Что это? — спрашиваем мы.

— Рокси, тата — местный пшеничный самогон, — отвечает Элли. — Редкостная гадость, но все равно попробуй. Вечерами тут без этого околеешь.

И действительно, словно сироп от кашля разбавили водой. Алкоголь почти не чувствуется, но согревает сразу.

— Слушай, Асис, — говорит Бруно, — сегодня ночью я нашел у себя в кровати крысу. Я не шучу, настоящая жирная крыса пробежала по моим ногам.

— Здесь они безобидные, маленькие, — смеется Асис, — не то что в Бомбее. Там с ходу и не разберешь, крыса это или кошка.

Все улыбаются. Похоже, здесь это никого не пугает.

— Ну, просто реальный враг деревни — это насекомые, — объясняет Элли. — Каждый раз после занятия с малышами я нахожу у себя вшей. А есть еще пиявки, очень неприятная штука. Если отцепишь сразу, ничего, но если не заметишь — пеняй на себя. Потом остаются следы, заражение и все такое. Может, видели, у многих детей ноги в пупышках?

— В самом деле? А мне одна девочка как раз протянула сегодня такую, — говорит Ася. — Они их, получается, вообще не боятся?

— Не-а, — протягивает Элли. — Единственная причина их страхов, дорогуша, это богатое воображение. Вот только послушайте, встает сегодня Дев и всему классу рассказывает, что рядом с его домом живет Бухо. Это не человек, не животное, и пришел он из леса.

— Может, йети? — предполагает Бруно.

— Не-а, нет. Я спросила, есть ли у него шерсть, и Дев сказал, что нет. Этот Бухо вдобавок одежду носит. И еще у него здесь, сбоку, — Элли показывает на висок, — есть, дескать, дыра, через которую он мозги высасывает.

— Да, да, Бухо, очень популярная здесь страшилка. — Асис закуривает трубку.

— А еще они про какого-то Бонжакри говорят, это еще что за выдумка?

— А вот Бонжанри, кстати, существует... существует... ну, на самом деле существует, — вставля-

ет Субасдай. По-английски он говорит плохо, но с большим удовольствием. — Что-то летучее... ну, такая обезьяна, но с крыльями и хвостом. Не длинным хвостом. Ну, как его... как его... ну, вы понимаете... Эльф. Джинн такой. Из джунглей. Приходит в дом, если у тебя... ну, эти... сережки, забирает тебя. А если нет сережек, он забирает... как его... детей.

Переглядываемся, прикидывая, сколько уже выпил Субасдай.

— Да, правда-правда, — убеждает он, — в зоопарке. В зоопарке можно видеть. Я видел. На него охота, кости дорогие, их продают. Можно проверить. Бросить в воду. Настоящие кости, ну, Бонжакри, они поплывут вверх. Вверх по реке. В них суперсила. А есть еще этот... Эрса Гунба. Растение такое, высоко в Гималаях. Где этот... снег. Шесть месяцев растет, шесть месяцев ползет. Очень ценный, медицинский. Китайские люди... ну, китайцы ищут, да, на вертолетах. — Субасдай невозмутимо улыбается.

Вечера здесь короткие, все расходится по лачугам. Мы идем к своей хижине и смотрим на небо — такое, как будто бы близкое нам теперь. Миллиарды звезд и Большая Медведица, перевернутая с ног на голову, как и наша новая жизнь.

5.1. «АКАДЕМИЯ МАЙЯ», АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ШКОЛА

Мaya Universe Academia, частная организация, существующая в основном за счет волонтеров, была открыта в 2010 году Манджилем Рана, молодым непальским энтузиастом, вернувшимся из Америки. Бытует легенда о том, что Манджил был влюблен в девушку, свою сокурсницу-американку. К сожалению, она не относилась к его чувствам серьезно и, когда Манджил сделал ей предложение, отказала ему. Тогда он вернулся в Непал и вложил всю свою любовь и энергию в школу, которую так и назвал — «Майя»¹, в память о своей несчастной любви. Когда девушка узнала об этом, она изменила свое решение, но было уже поздно: Манджил ответил ей, что теперь его любовь навсегда останется здесь, с этими детьми и этой школой.

— Так была организована наша академия, которая начиналась на одном вдохновении, с парой во-

¹ «Любовь» в переводе с непали.

лонтеров и десяток школьников, — рассказывает мне Бруно по дороге в класс. — Теперь же это целая корпорация в три школы по разным частям Непала, с тремя сотнями школьников и парой десятков волонтеров в главном корпусе. Подразделение «Сагарматха» выглядит в сравнении с этими цифрами, конечно, скромнее. Мы имеем разрешение на обучение детей лишь начальной школы, а после они отправляются в главный корпус. Поэтому классов здесь всего шесть, а учителей — не больше семи: три иностранца из волонтеров, три деревенские учительницы-непалки и Асис, он преподает здесь общественные науки. Детей, если не ошибаюсь, около семидесяти. И сейчас я познакомлю тебя кое с кем из них. Все наши классы названы именами животных. Самые старшие, например, у нас «львы». Потом идут «лофофорусы»¹ и «гиллопотамы». Есть еще «кролики» и «инси-винси», паучки тание. А мы с тобой направляемся в самый большой наш класс, к «динозаврам». Ну что, готова?

Мы с Бруно заходим в круглую мазанку с соломенной крышей и земляным полом.

— Доброе утро всем! — громко приветствует он.

— Доброе утро, Бруно-сэр! — кричат дети что есть мочи и с удивлением смотрят на меня.

— Кто знает, как зовут новую мисс?

¹ Лофофорус, или гималайский монал, — государственная птица Непала.

Тишина.

— Как тебя зовут, новая мисс? — кто-то решает-ся наконец спросить.

— Привет! Меня зовут Энн.

— Пускай лучше Энни, — шепчет Бруно, — так им будет проще.

— Энни. Меня зовут Энни, — поправляюсь я.

— Энни-мисс! Энни-мисс! Здравствуйте, Энни-мисс!

— Как дела, Энни-мисс?

— А сколько тебе лет?

— А у тебя есть братик, Энни-мисс?

— А как зовут твою маму? — наперебой кричат они, прыгая вокруг нас.

Смотрю на Бруно — он просто улыбается. Он привык.

— Не пугайте Энни-мисс, сегодня ее первый день в нашей школе, — говорит он. — На следующей неделе я уезжаю, и она будет вашим новым учителем естественных наук.

Все верно, естественные науки. Не английский, как я предполагала, и даже не история с географией. Мне досталось природоведение, и я не имею ни малейшего представления о том, чему буду учить шесть разных классов. А, В, С, D, E и.. F? Не угадали. N, новички, самые маленькие в этой школе, не старше шести лет. Самые взрослые, как не сложно догадаться, класс А — им, как рассказал мне Бруно, от десяти до тринадцати.

Смотрю на детей — грязные, лохматые, все, как один, сопливые, они разглядывают меня и с любопытством чего-то ждут. А что я могу им дать? Быть может, немного европейских манер? Как, например: не трогай, будь добр, мой шею, а ты, пожалуйста, верни блокнот. Будем откровенны, я попала сюда не из большого желания передать накопленное, мои склады еще пусты. Меня привела к ним такая же жажда познания, и ответственность, сопровождавшая мое решение, я осознаю в ту самую минуту, когда открываю рот. Слишком тихий голос. Господи, как же я справлюсь с такой толпой своим полусшепотом? Но главное, что я им скажу?

Смотрю на Бруно и восхищаюсь тем, как ловко он справляется, уверенный в каждом своем слове. Но важно даже не то, что он говорит, а как — безо всякой суеты, но с таким увлечением, словно в фотосинтезе и почковании кроется истина мира. Он знает всех по именам, безостановочно шутит и общается, а дети лишь соревнуются в том, кто овладеет его вниманием. Но главное, он добрый.

Длинный, расслабленный парень: большой рот, очки, манерные, несколько, жесты — его невозможно понять, пока он не улыбнется. А улыбается он что надо — не часто встретишь такую безыскусную улыбку. Улыбку, которая напоминает тебе, что это не средство обороны, не показатель успеха

или того хуже — жест вежливости. А только то, что улыбка — лучший способ выразить свое счастье. А может быть, дело в том, что я давно не видела этой аттикусовой простоты и доверия в отношении взрослого и детей. Никакой снисходительности, ни малейшего раздражения — я наблюдала за ним и ужасалась тому, как далека я сама от этого.

— Я проверил ваши работы. Пожалуйста, не расстраивайтесь и не злитесь. Ничего страшного в том, что вы допустили ошибки, нет. Без этого не происходит процесс обучения, — говорит Бруно и раздает результаты тестов.

Один из ребят швыряет свою бумажку в окно.

— Где твой тест, Падам? — спрашивает Бруно.

Мальчик смеется и указывает на проем в стене.

— В самом деле? — невозмутимо продолжает Бруно. — Очень жаль. Но знаешь, единственный человек, которому ты навредил, это ты сам. Через пару недель у вас будут экзамены, и вопросы там почти те же самые. Так что решайте. Мне вообще-то все равно, что вы сделаете с этими бумажками, они нужны в первую очередь вам.

«Как же правильно! — удивляюсь я. — Лучше и придумать нельзя».

Но тут происходит неожиданное. Дети вскакивают со своих мест и выбрасывают тесты в окно. Для них это веселая игра в нарушение правил. Смотрю на Бруно — как же он отреагирует? Меня бы, скорее всего, это вывело из себя, но он

спокойно и с интересом наблюдает за происходящим.

— Они просто устали, — с улыбкой оправдывает он детей и продолжает: — Хорошо, класс. Мы повторим все устно.

— Нет, Бруносар! Фильм, фильм! Рисовать!

— Ну ладно, ваша взяла, — пожимает плечами он. — Поиграем?

Дети радуются и вскакивают с мест. Он выстраивает их в линию и задает все те же вопросы теста. Если правильный ответ — надо прыгать вправо, если ложь — влево¹. Все прыгают, смеются и все-таки учатся.

— Не бойся, я сам когда-то был на твоем месте, — говорит мне позже Бруно. — До меня здесь работала девушка, настоящий профессионал. А я тогда думал: «Боже, что я вообще здесь делаю?» Просто старайся не забывать, что они дети и к ним нужен особый подход. Если сердиться на них и кричать, это не работает. Все должно быть добровольно. Твоя задача — заинтересовать их, заинтриговать, может быть. Убедить в том, что они хотят этого не меньше твоего. Конечно же хвалить их, поощрять, но без выкупа. Вся эта система звезд², за которые получаешь подарки, я в нее просто не верю. Но решать, конечно, тебе. Оцен-

¹ True or false, одно из заданий теста.

² Система, разработанная Элли: собираешь звезды за успеваемость — получаешь призы.

ни я тоже не ставлю, ведь они не ради оценок учатся. На экзамене через две недели — проводить его будешь уже ты — оценки ставить надо, но по большому счету какая разница, кто что получит? Главное ведь, кто что усвоил. А это экзамен не всегда покажет. Поэтому я посоветовал бы тебе отойти от какой-то жесткой схемы — и в оценке, и в самом процессе обучения. Используй все свое воображение. Пой с ними, играй, рисуй. Выходи на природу — все же это естественные науки. Вот, например, я собирал для них карточки *Amazing facts*¹ из непальской лапши. — Он достает из тетради разноцветные бумажки и с выражением читает: — «Гораздо больше мускулов напрягается, когда мы хмуримся, чем когда улыбаемся». Или вот, знала? «Дельфины спят с одним открытым глазом». А вот еще одна, наша любимая: «Брюс был настолько быстрым, что фильм даже замедляли, чтобы можно было разглядеть, как он двигается». По мне, чушь какая-то, разве нет? Кстати, я собирал карточки все четыре месяца, но так и не использовал на уроках, не знаю почему... Может быть, тебе они пригодятся. А вот еще кое-что. — Он достает из тетради разрисованный листок бумаги. — Игра довольно примитивная, но детям нравится. Не издевайся, знаю, это самая уродливая улитка на свете. Художник из меня никудышный.

¹ «Удивительные факты» — вкладыши внутри непальской лапши.

Мы смеемся и смотрим на Гималаи.

— Господи, неужели я когда-нибудь смогу привыкнуть? — говорю я. — Как же ты вернешься после всего этого?

— Сам не знаю. Сложно сказать, все меняется. Каждый раз привязываешься, но нельзя стоять на одном месте.

— Сколько лет ты уже путешествуешь?

— Долго, Энни. Уже года два. Слонялся по индийским ашрамам, остальной Азии. Теперь вот поеду в Китай, Уданьшан.

— Почему туда?

— Там центр даосизма. — Бруно вздыхает. — Это будет последней моей поездкой. Потом я вернусь в Бразилию.

«Хороший человек не может быть плохим учителем», — как-то сказала Ася. И все, что я видела, сопровождая Бруно, лишь подтверждало ее слова. Как и многие люди, которые на меня повлияли, он исчез из моей жизни так же внезапно, как и появился в ней, оставшись идеей, рисунками и аккуратными пометками в учительской тетради. Многого Бруно сказать не успел, но за пару дней совместных уроков он оставил бесценный источник развития — свой личный пример. «Вот каких учителей мне самой не хватало и каким наставником я хотела бы стать» — эту мысль я пронесла через всю свою практику, возвращаясь к ней каждый раз, когда попадала в непростые ситуации: как бы

поступил на моем месте Бруно? И одной из таких ситуаций, пожалуй самой запоминающейся, был мой первый урок.

5.2. ОДИН НА ОДИН

Наверное, эту главу я не смогла бы начать иначе, нежели как у Белл Кауфман в книге «Вверх по лестнице, ведущей вниз», если бы знала непальский. Но ситуация, в которой я оказалась, была невероятно похожей на ту, что описала героиня романа много лет назад.

Мой первый самостоятельный урок. Я стою посреди класса, окруженная парой десятков детей, и меня никто не слушает. Ни один ребенок — они просто кричат, прыгают и даже не обращают на меня внимания.

— Пожалуйста, тише! — тонет в общем гуле смеха, жалоб и потасовки мой бесцветный голос. — Мне нужно знать вас по именам!

Подходит девочка с челкой в полмизинца и просит мою ручку.

— Нет карандаша, — говорит она. — Не могу писать.

Я отдаю ей ручку на виду у всех — моя первая ошибка. Девочка старше подлетает к Короткой Челке и с силой отнимает ручку. Та падает, начинает реветь, я бросаюсь на помощь. А в это время на грозной завоевательнице уже висят несколько мальчишек. Начинается драка.

Дело в том, что младшие классы в Непале пишут карандашами — для экономии чернил и бумаги. И даже Бруно, как я заметила раньше, но поняла только теперь, писал карандашом, чтобы быть с ними в равных условиях. Ведь ручка здесь действительно знак отличия, а конкуренция за право быть не таким, как все, среди семи десятков детей очень высокая.

Один из мальчиков выходит из класса.

— Пожалуйста, возвращайся! — кричу ему я, но он не слышит.

Пытаюсь завести его, но мальчик вырывается. За ним вылетают еще пара мальчишек и разбегаются по территории. Дети из соседних доминов, выглядывают из окошек, с любопытством наблюдая за моей драмой.

Возвращаюсь в класс, и, пока пытаюсь догнать свою ручку, дети уже забираются в мою сумку и достают планшет.

— Мультики! Мультики! — кричат они со всех углов, и даже мальчишки на улице.

— Ну уж нет, — говорю я, собирая с пола карточки, приготовленные для урока.

Короткая Челочка достает одну изо рта и возвращает, пожеванную, мне. Со стеснительной улыбкой она прячется под стол.

— Ой, Энни-мисс, глаза! Глаза! — подлетает ко мне несколько девочек.

— Что с ними?

— Красивые глаза!

— Красивая Энни-мисс!

Усаживают меня на лавку и начинают гладить по голове.

— Рисуй цветочек, Энни-мисс.

— И домик.

— И воздушного змея.

— И кошку.

— И девочку.

Суют мне тетради, и каждая пытается положить свою сверху. Ручка откуда-то возвращается, но ненадолго — ею уже расписывают мои руки: индуистской свастикой и перечеркнутыми стрелой сердечками с *I love you* внутри. Мои волосы уже разобрали на части, и каждая девочка пытается заплести свою неповторимую косичку.

Беглецы возвращаются. Один из них с победным видом вручает мне зуб и показывает дырку во рту. Для пущего эффента он плюет через дырку в окошко, но мажет, и его слюна медленно стекает по стенке. Короткая челочка застенчиво дарит мне ветку малины. И вот я сижу со своими королевскими трофеями — зубом в одной руке и малиной — в другой, — атакованная армией девчонок, раздирающих мои волосы, и чуть не плачу — наверное, худший учитель на свете.

5.3. ПЕРВЫЕ ЗАНЯТИЯ

Первые дни нашей учительской практики мы с Асей провели как в страшном сне — уставали даже раньше, чем приступали к занятиям, а к концу дня сил не хватало и на книгу. Хотя единственное, что нужно было делать, — это повторять пройденное к большо-

му экзамену. Мой предмет дети знали отлично, гораздо лучше, чем я сама, поэтому первые дни я не расставалась со словарем, разучивая такие слова, как *pollination*, *fertilization*, *vertebrates*...¹ И главной проблемой, которую я обнаружила с первой же попытки, была отложенная реакция. Английский, каким я владела, не позволял говорить непрерывно. Порой приходилось задумываться, а с первой же паузой внимание детей рассеивалось. И их можно понять — замечания и требования на иностранном языке воспринимаются с гораздо меньшим участием, а иногда и не понимаются вовсе.

Помню, в один из первых дней я выбежала из класса и столкнулась с Элли.

— Они совсем не хотят меня слушать! — в сердцах воскликнула я.

— Тата, они просто не понимают тебя. — Она ласково потрепала меня по плечу и зашла в класс.

А дальше — практическая магия: Элли разговаривала с детьми, обращаясь отдельно к каждому, и подбирала слова простые и ясные — только те, какие они могли понять. Потом она запела и сразу же овладела их полным вниманием. Дети успокоились и старательно выводили куплеты. И первое, что я сделала, вернувшись домой, это полностью прописала свою речь и выучила имена.

Второй моей проблемой был тихий голос. Мне приходилось постоянно кричать, и через пару ми-

¹ Опыление, оплодотворение, позвоночные (англ.).

нут эмоционально и физически я была уже вымотана.

— Каждый из нас с этим справляется по-своему, — наставляла Элли. — Я, например, пришла в школу с большим желанием обходиться без грубостей. Ведь я противник всяких физических воздействий, но Господь свидетель, в какой-то момент, я просто взорвалась и разоралась. Но — вуаля! — с тех пор тишина. А еще я организовала систему звезд — меня так в детстве поощряла мама, мне очень нравилось. За каждое достижение я даю им по звезде, а когда они собирают десяток, получают подарок — карандаш там, точилку... Ну а если чертята не выполняют заданий и не слушают тебя, они этих звезд лишаются. Суперпросто, работает безотказно. Но Бруно, например, это не нравилось, у него был свой подход, творческий. Он старался увлечь детей играми, а когда они кричали, сам повышал голос — благо есть что там повышать. Но что делать, если так не умеешь? До вас тут была девочка из Германии, Инна, так вот, когда дети у нее бесились, она начинала рисовать на доске линию. А если класс не успокаивался до того, как она эту линию заканчивала, Инна просто у каждого отбирала по звезде.

Меня же спас свисток. Я купила его как примитивное средство самозащиты за день до отъезда в Непал — кто бы мог подумать, что он действительно мне понадобится, и как раз в этом качестве?

Когда я свистнула в первый раз, класс замер, а последующему восторгу не было предела.

— Можно я? Можно я? — облепили ребята меня, пытаюсь засунуть свисток себе в рот.

— Еще чего! Сами не умеете, что ли?

— Умею! — воскликнул мальчуган, висевший на моей руке, и засвистел простенький местный мотив.

— А я вот так, — подскочил другой и засунул большой и указательный пальцы в рот.

— А я лучше! — Третий обошелся двумя указательными.

— Вот это да! — смогла я наконец выдать, когда они замолчали. — Научите меня?

— Конечно! Это вот так...

Третья проблема для меня была в том, что говорили дети всегда одновременно, и невозможно было разобрать ни слова. На помощь пришел старый добрый Голдинг, но вместо ракушки¹ я взяла мяч для регби, а правила оставила те же — говорит только тот, у кого в руках «нубок». Мяч стал вторым моим союзником и другом, стоило мне открыть безграничные возможности его помощи. С ним можно было, например, разучивать новый материал — по принципу «горячей картошки»: кидаешь мяч — задаешь вопрос, ребенок отвечает и возвращает мяч тебе. Быстро, весело и результативно. И все хотят ответить, стараясь даже обойти свою очередь.

¹ Идея из книги У. Голдинга «Повелитель мух».

— Кришал, назови предмет, созданный руками человека. А ты, Сунита, одно отличие живого от неживого. Сангам — тебе летающее насекомое.

С мячом можно и отдыхать — в какой-то момент я отстранилась, сказав, что дальше дети должны справляться без моей помощи. Что сделали они, к моему стыду, великолепно — настолько, что после всех этих «насекомых» я чувствовала себя перво-классником.

— Ниса, назови элементы структуры клетки!

— Упендра, как происходит репродукция листьев?

— Энни-мисс, всегда ли млекопитающие дают молоко?

Я смотрела на «нубок», свидетель моего невежества, ругая себя за то, что не сбежала раньше. «Всегда ли млекопитающие дают молоко?» — судорожно соображаю я. Должно быть, на то они и млекопитающие. А если нет?

— Конечно же всегда! — блефую я, подавляя уверенностью чужие сомнения.

Во избежание новой угрозы позора я начала культивировать самообразование. Раз вы знаете лучше меня, решила я, проверяйте себя сами. Так, написав новый тест, они обменялись тетрадками. А я, учитель-бездельник, была одарена наивной благодарностью — детям эта идея страшно понравилась.

Но если со старшими классами я видела какие-то успехи, с малышами был полный провал. Они ныли — одно только это выводило из равнове-

сия — и каждый день изобретали новые способы свести счеты с жизнью: сброситься, например, с обрыва, отравиться дикими ягодами и поиграть с ядовитой змеей. Старались и меня не обделить вниманием — я уходила с уроков с ошипанной шей и низко опущенной головой.

— Ты должна все время менять активность, — советовала Элли, — каждые десять минут что-то новое.

Но я и так держалась этой схемы с самого начала — в первый же день отправилась в библиотеку и изучила все игры и книги, какие там были. Мы угадывали шарады, рисовали, танцевали и разучивали песни, но все было впустую, пока на помощь не пришла Рака-мисс.

Я долго старалась избежать нашей встречи, но обстоятельства оказались сильнее меня. Рака-мисс — это флисовая кукла-перчатка, которую сшил когда-то Бруно. Не знаю, думал ли он о Нине Симон, когда делал ее, или нет, но каждый раз, когда я вижу Раку-мисс, мне хочется запеть «...and I'm feeling good». Рака-мисс была моей последней надеждой и в то же время крайним средством — надевая ее на руку, я чувствовала себя клоуном. Она же смотрела с укоризной, оценивая мои хилые компетенции.

Но вот однажды она запрыгнула в класс, оставив меня наблюдать за дверью, и показала непревзойденное обаяние и мастерство своей не-

дужей практики, а мне только и оставалось, что учиться.

С тех пор стало легче. Я смогла наконец наблюдать за детьми, каждый день оставляя новые заметки и строго им следуя.

«Никогда не дари ничего одному классу, остальные пять будут ждать того же».

«В особенности не дари ничего разного» — вспоминаю, как раздала карточки с животными и как закончилось это истериками и дракой. Каждый хотел ту карточку, что получил другой, не успев даже заглянуть в свою.

«Никогда не делай поблажек!» — в один из последних уроков я разрешила классу «С» погонять мяч оставшиеся пятнадцать минут. Стоит ли продолжать — всю последующую неделю мне пришлось сражаться с возмущением остальных пяти классов.

— Вы «С» разрешили, а нам нет, это нечестно!

Что же, действительно несправедливо, сама виновата.

— Вы разрешили «С» и «D», а нам нет?

В конце концов на свой страх и риск мне пришлось отпускать украдкой один за одним все шесть классов, благо заговор наш оказался успешным. Иначе не избежать бы мне еще одного возмущения — Асиса.

«Ничего не давай в руки» — эту заметку я оставила даже не после нескольких порванных книг, а тогда, когда Ране-мисс оторвали голову.

«Не позволяй себя трогать» — надо ли объяснять почему?

Однажды после занятий расстроенная Ася рассказала, как кто-то из мальчишек убрал ее стул и она чуть не упала. «А самое ужасное, что все смеялись, — делилась она, — надеюсь, они это не специально».

Вероятно, Асис им что-то сказал, а может быть, и сами додумались, поскольку один за другим дети заходили на кухню, просили прощения и дергали себя за уши — непальское «извините». Я смотрела на них, и мне казалось, что сделали они это по глупости, но никак не со зла. Хотя бы потому, что отношение к учителю здесь другое, как я успела заметить. Оно совсем не похоже на то, какое я видела в своей собственной школе или слышала от друзей. Учителя здесь не боятся и не «чтят», это правда. Но в то же время не избегают, не воспринимают за врага и не хотят его обидеть. От него ждут помощи, на него полагаются, и действительно, как я успела заметить в отношениях Бруно, учителя здесь любят.

— Но это лишь в нашей школе, — возражает мне Ася, вернувшись из Чисопани. — Когда мы с Яной покупали продукты, нас подозвал один непалец. Оказалось, он учитель английского в местной государственной школе и решил устроить классам занятие с иностранцами. И что, как ты думаешь, мы там увидели? Переполненные классы, девочки

отдельно от мальчиков и орущие учителя с палками в руках.

— С палками? — поражаюсь я. — Которые для битья?

— Ага, — кивает Ася. — Я сама была потрясена. На первой парте сидит лучший ученик среди мальчиков, на другой половине класса, тоже на первой парте, лучшая ученица. Аутсайдеры, похоже, теснятся на последних, и им вместо внимания учителя достаются одни крики, что само по себе отвратительно. Учитель поднимает лучшего ученика и просит его представиться. После минуты стеснительного переминания он что-то бубнит под нос, я толком не разобрала. А что же у нас? Да здесь одиннадцатилетки говорят по-английски лучше, чем мы с тобой. Не только учатся, но и бегутся, орут и шутят — все это тоже на английском, ведь непали в классах запрещен. Никто никого не ругает за ошибки и — боже упаси — не бьет. Мы играем с детьми, хвалим их и стимулируем учиться. В школу приходят — да, я правда верю в это — из удовольствия. Ведь за несделанную домашку тебе ничего не будет, а молодые и активные волонтеры наизнанку вывернутся, чтобы заинтересовать тебя.

— Не зря же наша школа зовется альтернативной, — улыбаюсь я.

— Да я просто в шоке от этого контраста! Нашим детям дается столько возможностей. Уехать в столицу. Поступить в колледж. После начальных

классов они едут в Покнару, в главную школу. Вырываются из своей деревни, живут в общежитии, понимают свои перспективы. Это же прекрасно. Ничего на свете я не желаю так же, как нормального образования для всех детей. И вот же повезло, — говорит с улыбкой Ася, — сама того не осознавая, я влезла в замечательный проект...

6.1. ЖИЗНЬ ВОЛОНТЕРА В НЕПАЛЕ

И не выразить, как странно — видеть сны о Москве, выставках и джаз-концертах, а просыпаться от крика петуха и дыма печки из кухни снизу. Мой день теперь начинается рано. Я встаю в шесть утра, снимаю недовольную кошку, выбираюсь из спальника. Всегда в световой клетке: и в щелях по стенам есть свои преимущества. Выхожу на веранду, здороваюсь с Эверестом. Деревня просыпается еще раньше, и к колонке уже выстраивается длинная очередь детей с бидонами. Увидев меня, они расступаются. Немного неловко — еще не привыкла к своим учительским привилегиям.

А потом я иду на самый высокий холм и пишу — с Крыши мира прошедшее с его мелкими неурядицами и задачками, какие казались мне когда-то значимым грузом, почти не разглядеть. И отсюда, с высоты полутора тысяч метров, занавешенное джунглями и перекрытое Гималаями, оно и в са-

мом деле кажется каким-то сном, странным и су-етным.

Время здесь тоже чувствуешь по-другому. Быть может, потому, что двигаться быстро тут сложно, воздух уже немного разрежен, к тому же постоянно приходится скакать вверх и вниз по тропинкам. А может быть, потому, что в привычном для нас понимании день ото дня ничего не происходит, вчера похоже на завтра, а меняться можешь только ты сам. Вот почему я купила часы — наверное, первые в моей жизни.

К завтраку я спускаюсь в кухню и сижу у огня. И несмотря на то, что еда у нас однообразная (а едим мы здесь, кажется, все, что не успели еще съесть козы, — листья редиса, тыквы, крапиву...), голод чувствуешь постоянно. Удовольствие от еды — еще одно открытие для меня. А иногда появляется что-то новое — например, бананы и гуава, которые приносят школьники из нижних деревень, где уже жарко, субтропики, и растут фрукты. Поверьте, чтобы понять, какая это ценность, стоит забраться в глушь Непала. Ведь сладкого у нас почти нет — только чай с сахаром да имбирь с лимоном. А дети даже едят местный крыжовник амлик — не потому, что вкусно (редкостная дрянь, кислая и горькая), а потому, что слюни потом тенут сладкие.

После завтрака утренний круг. Дети всегда стерегут нас у самой кухни, чтобы захватить первыми,

а нередко даже дерутся за право держать нас за руку. «Закройте глаза на девяносто секунд, — начинает Асис. — Почувствуйте свое тело, солнце, воздух... Прислушайтесь...» А потом мы говорим «доброе утро» и обнимаемся.

Разминка, песни и чтение сочинений на любом языке — ежедневный утренний ритуал. Учителя здесь могут высказать свои замечания и пожелания, а я пока только наблюдаю за этим. Сказать мне хочется много, но лучше промолчать.

А потом все расходится по классам, и начинается самое трудное для меня пока время — два часа до и два после обеда. К четырем мы снова предоставлены себе — на пару часов до ужина. В это время я обычно возвращаюсь на холм, где мы с Асей начинаем свои магические упражнения, вызывая вездесущий дух цивилизации — Интернет. Я выучила здесь такие слова, как «трафик» и «килобайт», и за процентом заряда слежу теперь очень строго — все наши устройства кормит солнце, еще капризное в это время года.

Вечерами мы вместе готовим ужин, общаемся, слушаем музыку, порой танцуем и веселимся. Атмосфера нашей свободной интернациональной учительской напоминает детский лагерь — вот только взрослые куда-то подевались. Спать здесь, правда, расходятся рано. Уже к девяти мы возвращаемся в свой домин, где воюем всю ночь с кошкой (Мурной, как мы ее окрестили. Не потому, что мурчит, хотя ей этого, конечно, не занимать, а по-

тому, что глупая, — перевод с непали) и с ее необъяснимой страстью делиться мышами.

А утром просыпаемся с петухами.

И так каждый день. Из развлечений здесь книги, беседы и собственные мысли. И конечно, стратегии, миллионы различных стратегий на тему того, как увлечь ребенка.

Еще никогда я не проводила столько времени с детьми, которым нужно твое внимание, терпение и фантазия. И оттого мне, привыкшей жить в своем мире, в первые дни ужасно не хватало личного пространства. Детский крик не давал сконцентрироваться, а от необходимости изображать что-то — удивление, участие или укор — передергивало и хотелось поскорее отстраниться. Да, хвастаться здесь нечем.

Как-то раз, когда занятия из-за дождя отменили, но некоторые дети все же пришли в школу и играли в библиотеке, я сидела у печки и писала. Рядом посадили ребенка, и единственное, что я почувствовала тогда, — досаду от того, что опять не могу побыть в одиночестве. Я не сразу разглядела, что девочка насквозь промокла. Она кашляла каждые полминуты и кружку чаю, которую ей сунула Яна, сжимала своими крошечными озябшими ручками, как грелку. Я спросила девочку, как ее зовут. Она ответила, что Бипана и что ей пять лет. Я раздела ее, чтобы просушить одежду, сняла шапочку, а под шапочкой прятал

лась бритая голова с расчесанными вшивыми воспалениями.

— Господи, ну куда же смотрят ее родители! — вырвалось у меня. — Как они вообще позволили ей идти по такой погоде? Сколько они добираются? Час? Полтора?

— А у нее нет родителей, — ответила Яна. — Только старая бабка, почти слепая.

— Куда же они делись?

— Мать убежала с другим, отец тоже ушел. Обычная здесь история.

Я смотрела на Бипану, а она стеснительно улыбалась.

Да, доктор Спок и Януш Корчак¹ — имена здесь не самые популярные. Тут не задумываются над тем, рожать в больнице или дома, кормить грудью или нет, достаточно ли кальция в пище и хватает ли детям витаминов.

— Ну ладно, у них нет денег на новую одежду, но почему даже ту, что есть, родители не могут поддерживать в порядке? Каждый третий тут в рваном, а каждый первый грязный.

Ася пожимает плечами.

— А почему они везде разбрасываются мусор?

¹ Бенджамин Спок — известный американский педиатр, автор книги «Ребенок и уход за ним». Януш Корчак — выдающийся польский педагог, автор более двадцати книг о воспитании, в том числе книги «Как любить ребенка».

— А эти порядки с обедами!

В расписании школы есть перерыв на ланч, предназначенный скорее для учителей, чем для детей. Дело в том, что детям с собой ничего не дают. Лишь редкие счастливики приносят лимон с солью и чили-специей или же кульки с битым рисом, который так и едят — сырым, а в основном дети обходятся без ланча. Однажды я сидела на лавочке и обедала, когда ко мне подошла Эмма, девочка из класса малышей. Она смотрела на то, как я ем. Не выдержав, я спросила, почему она не обедает. «Нет еды», — ответила Эмма, продолжая смотреть в мою миску. Как же хотелось накормить ее, но я не могла. Для остальных семидесяти детей еды, не моей к тому же, не хватило бы, поэтому все, что оставалось, уйти в кухню и стыдливо доедать свой рис там.

— И ведь ладно, если бы это было общим правилом — есть дважды в день, — продолжаю я. — Так нет же! Сами родители, которые приходят отрабатывать¹, с удовольствием уплетают то, что им предложат.

— Ну, — Ася вздыхает, — не лезть же нам со своим уставом в чужой монастырь. Мы ведь здесь только гости. Это не наши традиции, не наша земля и, в конце концов, не наша жизнь. Пускай нам что-то сейчас дается с трудом, а что-то непривыч-

¹ Обучение в «Маяя» бесплатное, но работа родителей на школьной ферме несколько часов в месяц — обязательное условие.

но, придет время, и мы уедем. А они останутся. И кстати, именно здесь, в этой деревне. Помнишь, Дев писал сочинение про то, что хочет стать фермером? Ты еще спросила, зачем учиться, чтобы вспахивать землю...

На одном из первых занятий мы с Асей устроили в старших классах что-то вроде знакомства. Каждый из нас называл факт из своей биографии, а потом задавал аналогичный вопрос ребенку из класса.

— У меня есть мечта — я хочу стать настоящим путешественником и объездить весь мир, — говорю я.

— Путешественником? — переспрашивает один из мальчишек. — А почему?

— Это ведь невероятно интересно! Бывать в новых местах, знакомиться с новыми людьми... А у тебя есть мечта?

— Я не знаю такого слова, мисс.

— В самом деле? Кто еще не знает?

Весь класс поднимает руки.

Обучаясь в английской школе и бегло разговаривая на этом языке — признаться, гораздо лучше, чем дети их возраста в России, — они не знают такого простого слова, как «мечта». Быть может, такого понятия здесь и вовсе не существует?

— Ну, это самое заветное ваше желание, — пытаюсь объяснить я. — Например, кем вы хотите стать, когда вырастете?

- Доктором!
- Полицейским!
- Водителем!
- Учительницей!

Страница 46 учебника естественных наук. Профессии: доктор, учитель, водитель, полицейский.

— Или что бы вы купили, будь у вас много денег? — помогает Ася.

Дети задумываются. Вероятно, этот вопрос никогда не приходил им в голову.

— Самолет, — отвечает наконец мальчик с бусинами джапа-мала на шее.

— Они хотят купить самолет, но летать на нем будут в Гайгат¹, — говорит мне позже Ася.

— И заметь, никаких тебе телефонов или плеystейшн. Хотя о чем я говорю, они и мультиков-то не видели — вспоминаю, как каждое утро малыши уговаривают показать им короткометражку про звездочку и всегда плачут по новой. — Знаешь, Ась, перед отъездом, когда готовила материалы, я нашла интересную серию фотографий. Ее подготовил один британский фотограф, Джеймс Моллисон. Во время своих путешествий он фотографировал детей разных стран и их комнаты. Я хотела устроить такую игру — раздать каждому из школьников по фотографии комнаты и попросить описать ребенка, который там живет. Придумать,

¹ Гайгат — ближайший к деревне город.

сколько ему лет, откуда он, кто его родители и чем увлекается. А недавно пересматривала эти карточки и поняла, что одна из самых бедных комнат у мальчика из Непала. И вот думаю теперь — вправе ли я показывать, как живут другие дети? Все эти американские и японские комнаты, переполненные игрушками, одеждой и электроникой? Ведь вся жизнь непальского ребенка проходит здесь, в этих трех дворах, и он счастлив тем, что имеет.

Перед отъездом из школы Бруно, объединив усилия с Элли, собрал небольшую сумму денег на экскурсию. Они решил показать детям Катманду, столицу, которой те никогда еще не видели.

— Конечно, всех их тошнило без остановки, — рассказывала Элли, вернувшись из поездки. — Ясное дело — впервые в автобусе. Асис к этому заранее подготовился, пакетов набрал. Но, дорогуша, это того стоило, ей-богу! Как же они все обалдели — от этого шума, от всех этих машин, скутеров... И ели, не прекращая, все, что попадалось им на глаза. В первый раз попробовали мороженое, сникерсы всякие. Вы бы слышали, как они визжали, когда мы ехали на эскалаторе! А когда зашли в Пашупатинатх, я растаяла. Вы бы видели их мордашки! Серьезные все такие, тихие. Так мило. Наверное, в это время в их жизни происходило что-то чертовски важное. Да это же была их первая вылазка из Мальбасе, в кон-

це концов. А потом, когда уезжали, ко мне подходит Нисан и говорит: «Я хочу стать большим путешественником и объездить весь мир». Представляете?

6.2. ВЕРНЫЕ СПУТНИКИ ДОБРОВОЛЬЦА

Конечно же у меня появились вши. Событие как будто бы незначительное в границах Непала, но важное и волнительное в моей собственной биографии. Я ждала их с самого приезда. К Элли они были особенно благосклонны и посещали ее не раз — что и говорить, она всегда умела наладить контакты с местными. А вот Бруно встречал их бритой головой. Никого они не обошли своим визитом, но ко мне оставались холодны. Я была смущена и не могла понять, в чем же дело. Не раз с глухой надеждой запускала руку в свои короткие крученые волосы в ожидании компании, но тщетно — в наших отношениях они долго сохраняли дистанцию.

Но вот однажды, в особенно прекрасное осеннее утро, я вдруг почувствовала, что они уже близко. У меня зачесалась голова, а это, если верить приметам, был знак надежный и верный. Я немного растерялась, ведь в первый раз всегда волнительно, но решила не уповать на догадки и обратиться к бывалым. И направилась прямою на урок. «Все верно», — сообщили мне дети и по-

казали крошечного сытого жучка на ладони. И вот так наконец я была посвящена в волонтеры Непала.

Деревня этой маленькой, но гордой страны хранит еще много сюрпризов, и вши — лишь малая их доля, безобидная и повсеместная. Копаться в головах друг друга, усевшись в ряд (а иногда и по кругу), развлечение здесь нередкое. Другое дело змеи. Их тут боятся, укусы змей смертельны, а противоядие можно найти лишь в дальней деревне.

— Когда человека кусает змея, — рассказывает Асис, — мы кладем его на носилки из двух бамбуковых палок и одеяла и несем в Чисопани¹. Бывали случаи, когда укушенные обращались к шаманам, а к доктору не шли. Понятное дело, где они сейчас. Одну девочку, правда, спасти удалось, но с рукой ей пришлось распрощаться.

Лично мне змеи не очень мешают. Существа на редкость тактичные, они, заведя вас издалека, извиняются, сворачивают и уползают по неотложным делам, какие им вдруг припомнились. Встречаются, правда, и невоспитанные — они поджидают тебя за кухонной печкой или срывают урок, завладев классной комнатой, и ни в какую не идут на компромиссы. С такими разговор обычно ко-

¹ Чисопани — самая большая деревня округа, где живет доктор. В Мальбасе есть только знахари.

роткий. Мы зовем деревенского змеелова, а уж он общается с ними совсем в другом тоне.

С пауками справляемся сами. Точнее, мы мирно соседствуем. Они не трогают нас, а мы, по возможности, их. Получается, признаюсь, не всегда, ведь пауки тут везде — большие и маленькие, ядовитые и не очень. Один из особенно жирных, например, поселился в туалете, мы забежали в гости и уходили под большим впечатлением. Когда же их стало семь штук, нам было уже все равно.

А вот скорпионов не люблю до сих пор. Как-то однажды, в одну из первых недель моей жизни в Непале, один из них умудрился цапнуть меня, извините, за попу. Я провела ночь в глубоких раздумьях, прикидывая свои шансы и сочиняя нелепые некрологи.

А еще есть медведь. До нас он добрался лишь историей о том, как в один из весенних месяцев, когда поспели гранаты, он притопал из джунглей к деревне. Жители, конечно, взялись за вилы, но волонтеры встали грудью: не дадим, сказали, медведя в обиду. И верно, медведь наелся фруктов и ушел, а история вот сохранилась.

Я молчу еще о глистах (и профилактиках каждый месяц), бородавках, пиявках, которые оставляют свои неистребимые поцелуи, москитах, термитах, крысах и особенно зубастых непальских

шершнях. О том, что кожа ваша испортится от специй, а зубы посыплются — только и успевай ловить — от недостатка кальция. О том, что существует миллион причин не приезжать в Непал или другую азиатскую страну. Причин серьезных и пугающих, вызывающих к рассудку и молящих нас ни в коем случае не поцарапать то, что суждено закопать нетронутым.

7.1. КАК ЖЕ ТАМ ВСЕ УСТРОЕНО

Для того чтобы стать хорошим учителем, надо полюбить детей, а чтобы полюбить непальских детей, надо полюбить в первую очередь непальцев, решила я. Но как это сделать, когда ты не способен их понять? И речь здесь совсем не о языке. Непальцы отличаются от нас — пока живешь в туристическом Тамеле, это почти не бросается в глаза. Но жизнь в деревне, далекой от влияний Запада, хранит первозданный характер и отношения, сформированные веками, без участия мировых войн, сексуальной революции, борьбы за права угнетенных и других переворотов сознания человека.

Еще никогда мне не доводилось строить непосредственные, настолько близкие отношения с другой культурой. И прежде чем попасть в Непал, я и не догадывалась, насколько, оказывается, нетерпима. Непросто было привыкать к нечистоплот-

ности местных жителей, и многие манеры меня откровенно пугали. Плеваться и отхаркиваться, например, здесь в порядке вещей. Именно поэтому было сложно привыкать к деревенскому Субас-даю, помощнику Асиса, шумному, чавкающему и громко отрыгивающему за столом.

Но человеку, поборовшему брезгливость, вдруг открываются и другие качества непальцев, не настолько очевидные и все-таки повсеместные, такие как доброта и непосредственность. Доверчивость. Вот почему обещать им что-то, чего не собираешься выполнять, здесь настоящее преступление. Тебе поверят и будут ждать до последнего. Сюда же можно отнести и щедрость: имеют непальцы совсем немного, но делятся этим на равных. И если же появляется что-то лишнее, они обязательно позовут всю деревню и отметят это как следует. А стоит ли говорить о трудолюбии, неприхотливости и — что совсем удивительно — их жизнерадостности, несмотря на тяжелую работу и скудные условия.

Живут здесь общественно, понятие интимности очень размытое. «"Частная жизнь" — выражение незнакомое этому коллективному сообществу. Такого слова даже не существует в непальском языке», — прочла я в культурном справочнике. Сама с этим столкнулась, когда впервые принимала душ — на улице, посреди двора, окруженная невозмутимой непальской публикой. А порой рано

утром без стуков и представления к нам заглядывает старушка Азур Ама и долго нас рассматривает. И если мы уже не спим, вручает завтрак — кукурузу или сладкую картошку, местный овощ.

Но все это ерунда в сравнении с тем, что испытал на себе когда-то Клаус, один из волонтеров, живший здесь пару лет назад. «Они приходили к нему в комнату и проводили там все свободное время, — рассказывает Асис. — Дошло до того, что Клаус перестал возвращаться, убегая в сад или горы, чтобы побыть в одиночестве».

Но если же волонтерам жизнь общины малопонятна и неудобна, то для деревенских это необходимая поддержка. Здесь все делают сообща: справляют свадьбы и отмечают фестивали, рожают детей, собрав всех женщин деревни на подмогу, или провожают в последний путь. Ну и, конечно, помогают, чем умеют, и даже нас, волонтеров, зовут таскать мешки с рисом, когда грузовик привозит продукты (слава богу, не чаще раза в месяц).

Несмотря на то что общего языка у нас нет, общаться непальцы любят. Каждое утро, спускаясь во двор, я встречаю Азур Аму, которая говорит мне что-то по-непальски — долго и вопросительно. Всегда интересно, что это значит, и однажды спрашиваю об этом Субасдая.

— Холодно или нет тебе было спать? Так она говорит.

— Ответь ей, пожалуйста, что все было отлично.

«Рамро», — стыдясь своего трехсловного лексикона, отвечаю я, в который раз повторяя себе, что пора изучать непали.

И конечно же, говоря о местных, нельзя не вспомнить того особого гостеприимства, которое непременно почувствуешь, если живешь в непальском доме. Ту заботу, что мы получаем от улыбчивого Макармамы с квадратным лицом и глазами-щелочками и его круглой во всех отношениях жены Фупу — такая вот семейная геометрия. С этой парой у нас связано много разных историй. Например, каждый раз, когда к нам заходит Макармама — чтобы, скажем, угостить нас рокси или зелеными апельсинами, — он окидывает взглядом комнату и вытаскивает заплесневелый матрас (который я убрала еще в день приезда, решив спать прямым на соломе) отовсюду, куда бы его ни спрятала. И показывает на кровать — всё вы, мисс, перепутали. А я преглупо улыбаюсь и изображаю дурочку, ведь мне не хочется обижать Макармamu и выставлять себя привередливой иностранкой: отвратительные, дескать, у вас постели, да и вообще все условия оставляют желать лучшего. А Макармама искренне не понимает, в чем же дело, — он сам других условий не знает.

А есть еще одна история, которая приключилась у меня с Фупу. Заметив мою простуду, Субас-дай отправил меня к ней за «лучшим лекарством на свете». Она пригласила меня в кухню, темную каморку с земляным полом и очагом, и вручила —

что же вы думаете? Все тот же кипящий ронси — целую плошку — и огурец. И не выпускала до тех пор, пока я со всем этим не справилась.

Да, пьют здесь, как можно заметить, порядком.

— Правда, прямиком в кухню? — удивляется Яна. — Кухня — святая святых непальской женщины. Без разрешения туда зайти никто не может. Ты, кстати, сняла обувь? Иначе легко оскорбить хозяйку. Они даже на улице босиком ходят, как ты видела.

— А почему ты так удивляешься?

— Ну, просто они еще живут по законам настоящей системы, и иностранцы у них считаются нечистыми. Помнишь родителей, которые приходят помочь на огороде? Так вот, мы можем готовить им еду, но раскладывать ее не имеем права, этим всегда занимается Субасдай. Элли не знала и однажды накрыла на стол, пригласила, так они вообще есть отказались.

— Да что ты! В самом деле?

— И это еще ничего. Вот как они обращаются со своими — просто кошмар. Ты помнишь Бидурдая, козлопаса? Вот он здесь из касты неприкасаемых. На прошлой неделе нас всех позвали в гости в непальский дом, а ему не разрешили пройти дальше порога. Было жалко смотреть, как он там сидит один, еще и под ливнем... И даже сигареты ему не подавали, а бросали, как собане. Нам это понять очень сложно, но такие уж тут правила.

«Кастовая система Непала делит общество на четыре основных категории», — прочла я в справочнике. Хотя официально кастовость отменили в 1963 году, на практике она все еще влияет на взаимоотношения в областях политики¹ и бизнеса, определяет, кто какую получит работу, где сможет учиться и с кем создавать семью. Только высшие касты могут быть воинами и священнослужителями, в то время как портных, кузнецов и сапожников до сих пор угнетают как низшее сословие. Так вот европейцы (а также мусульмане, мясники и уборщики) относятся к касте нечистых, но все еще прикасаемых. А низшая каста, неприкасаемые, лишена всяких прав и подвергается притеснению до сих пор, принимая это как должное.

— Асис, конечно, этому не следует, — продолжает Яна, — именно поэтому мы проводим утренний круг, где дети всех каст обнимают друг друга. Но вот деревня еще охраняет свои традиции, потому-то здесь и постоянно убегают. Если мужчина и женщина из разных каст, им нельзя пожениться. Это станет большим позором для семьи из касты выше.

— Ну да, до сих пор это происходит в деревне, — поправляет ее Асис, — но в городе уже не настолько важно, из какой касты твой избранник. Конечно, лучше, чтобы из твоей, но если выберешь кого-

¹ Только представитель высших каст, брахман или четрия, может стать президентом.

то из касты ниже, родители будут недовольны, но препятствовать не станут.

— Даже если из неприкасаемых? — спрашивает Ася.

— Да, — кивает Асис. — Единственное, что твердят тебе с детства, — главное, чтобы не дамай-ками¹. Так и говорят: «Кто угодно, пускай хотя бы и сарки, сапожник, только не дамай-ками». Но вообще родители стараются организовать брак детей самостоятельно.

Я слушала их разговор и думала, что понять, не говоря уже о том, чтобы принять эту систему, не получится и остается лишь наблюдать. Таким было первое впечатление от деревни — все то, что лежало на поверхности и было доступно каждому. Но мне же это казалось ничтожно малым, я хотела увидеть Непал изнутри, глазами самих непальцев, что было ох как непросто. И утешало лишь то, что места лучше, чем Сагарматха, для этого было и не придумать.

7.2. ОТНОШЕНИЕ К ИНОСТРАНЦУ

Я иду от дальней колонки с полотенцем на голове и мокрой юбкой в руках. Навстречу мне выбегает Дев, сын козлопаса.

— Мисс! — кричит он. — Со мной, о'кей?

— Нет, Дев, в следующий раз. Я только помылась, — указываю на полотенце.

¹ Дамай-ками — каста кузнецов.

— Смените и идите, — настаивает он.

Вздыхаю. Дождь уже закончился, но дороги размыло и мокрая трава зябко путает ноги. Но упускать возможности знакомства с деревней — роскошь непозволительная.

— Ладно, — говорю я, — подожди меня пару минут.

Мы идем по скользкой тропинке — все выше и выше. Дев с гордостью показывает меня встречным крестьянам с тюками травы на головах. Они останавливаются, сбрасывают ношу и складывают руки в приветственном «Намасте». Забираться в глубины деревни мне прежде не доводилось. На деревню это, правда, не очень похоже: здесь нет дорог, а дома разбросаны по рисовым склонам в сотне метров друг от друга. Еще никогда я не видела рис так близко — растущий пучками, он похож на колосок, раздавшийся в ширину.

— Куда ты меня ведешь? — спрашиваю я наконец Дева.

— Дом, — коротко отвечает он.

Самый бедный квартал поселения, территория неприкасаемых. Чем выше забираешься, тем меньше признаков цивилизации встречаешь. Глинобитные и плетеные хижины. Забор, мебель, карнизы — все из бамбука. Я в иллюстрациях учебника по истории, и единственное, что выдает время, — одежда, развешанная на просушку, все эти затертые до катышек свитера со Снуппи и разноцветные футболки, оставленные здесь волонтера-

ми. Людей почти нет. В основном мы встречаем только коз да квадратных худых коров, провожающих нас скучающим взглядом.

Ныряем в одну из лачуг — темную и настолько задымленную, что я не сразу замечаю женщину, сидящую в углу у очага. Потолки здесь низкие и сплошные, без всяких дымовых отверстий, и каждый раз, когда заходишь в непальский дом и тебя представляют кому-нибудь, приходится плакать. «Приятно познакомиться», — говоришь ты и рыдаешь. Весь дым здесь оседает наверху, поэтому общаться можно лишь сидя.

Мне приносят соломенный тюфяк, я сажусь у огня. Женщина улыбается мне и продолжает готовить. Большим кукури, местным мачете, она рубит искус, колючий непальский кабачок, а ребенок, привязанный платком сзади, болтается в такт движениям. Она что-то говорит, я слушаю ее и киваю.

Как-то спросила у Элли: почему местные разговаривают с тобой, прекрасно зная, что ты не понимаешь непальского?

— Потому что говорят они не словами, а чувствами, — ответила она, не задумываясь. — И в этом случае неважно, на каком языке ты им отвечаешь, — я, например, всегда на французском.

Женщина протягивает миску с молоком. Отказывать нельзя — обидишь хозяйку. Осторожно пробую молоко: кислое и теплое. До того непривычно, что хочется выплюнуть.

— Делать сладким? — спрашивает Дев и кидает щедрую горсть риса в миску.

Есть, конечно, надо руками. Вспоминаю, как поначалу мы даже вилки санировали.

— Это твоя мама? — говорю я.

Дев смеется — сестра, Гану.

— Правда? А сколько ей лет?

Дев задумывается и обращается к Гану на непальском. Она тоже медлит. Так происходит всегда, когда мы спрашиваем о возрасте, — года в деревне не считают, дни рождения здесь не справляют.

— Говорит, что двадцать два, — наконец отвечает мальчик.

Надо же, младше меня. Грубые руки, морщины, темное измученное лицо. Указывает на меня и что-то говорит.

— Она спрашивает, есть ли муж, — переводит Дев.

— Нет, я не замужем. Хойна.

Гану смотрит на меня словно с жалостью. Мои двадцать четыре года в Непале — возраст серьезный. Особенно если учитывать, что готовят девочек к замужеству уже с тринадцати лет.

— Асис дает деньги? — вдруг спрашивает Дев, и я не удивляюсь. Вопросы о деньгах в Непале — вещь заурядная.

— Нет, я же волонтер. Знаешь такое слово?

— Почему? Асис дает деньги непальским учителям.

— Ну, это мое решение. Даже если бы он предложил, я бы отказалась.

— А там, где вы жили, давали деньги?

— Да, Дев, давали.

— А много?

Даже прикидывать не хочу. Читала в одной статье о среднем доходе в Непале — около сотни долларов в год. Оттуда, из дома, все это казалось какой-то глупой шуткой, но здесь все сомнения опадают.

— А у вас есть одежда для ребенка? Сестра спрашивает для нее, — переводит Дев, показывая на малышку в складках платка.

— Здесь? Что ты, откуда, только в России. Если дашь мне адрес, я отправлю что-нибудь, как вернусь.

— А что такое адрес?

Я задумываюсь.

— Ладно, давай поступим так. Я пойду в Гайгат на этой неделе, постараюсь найти что-нибудь там. Договорились?

Дев переводит на непали.

— Она говорит, вы ей — сестра. Она сделает вам такую же штуку, — показывает на соломенный коврик, — но, пожалуйста, не говорите Асису.

«...И он попросил не рассказывать Асису», — делилась я с девочками за обедом.

— Нет, тата, это не хорошо. Ты ничего не должна скрывать от Асиса, — помотала головой Элли. — Он не одобрит.

— Но что тут такого? Разве я не могу купить ребенку немного одежды?

— Да, конечно, можешь, дело твое. Асис тебе тоже не запретит. Просто он объяснит тебе, как здесь все устроено. В деревне это общее понятие — раз ты белый, значит, у тебя много денег. И значит, ты должен ими делиться. Я не раз проверяла это на себе. Как-то однажды, когда собиралась в Гайгат, Фупу попросила меня купить ей куртку. Денег, как ты понимаешь, я не получила. Она восприняла это как должное. А еще я привозила ей помидоры, когда возвращалась из города. Но как-то раз замоталась и забыла. Так она пришла ко мне и потребовала — где, говорит, мои помидоры? Я была в нонауте. Сказала ей — слушай, Фупу, я привожу эти чертовы помидоры не потому, что это моя обязанность, а потому, что просто хочу тебя порадовать. Мы с тобой друзья, но мне очень не нравится, когда меня принимают за мешок с деньгами. Так она мне тоже тогда сказала: «Только не говори Асису». Он их за это гоняет и страшно злится, когда из волонтеров тянут деньги.

Я слушала ее сиплый голос и думала о том, что в жадности Элли точно не упрекнешь. Скольким она уже помогла школе, как много расходов взяла на себя.

— Конечно, Дев с Бидурдаем¹ — это не Фупу, — продолжала Элли, — они и в самом деле бедны, как церковные мыши... но такое отношение выводит из себя. Это не значит, что они плохие люди. Я отлично отношусь к деревенским, они во многом нам помогают. Но все равно, нет-нет да выкинут что-нибудь зданое.

— Ты понимаешь, — подключилась Яна, — если сделаешь им подарок однажды, они каждый раз будут ждать от тебя нового. Их просто надо воспитывать. Дать понять, что хорошие отношения должны быть основаны на доверии, а не на взятке.

— Когда мы только приехали, — начала Ася, — Асис сказал нам такую вещь: сложнее всего придется после месяца жизни в Непале. И вот сейчас, спустя ровно месяц, я поняла вдруг, что мне действительно тяжело, и в первую очередь потому, что я не выношу окружение. Я не люблю непальцев за три вещи: за их отношение к детям и животным, очень жестокое в одних и совершенно равнодушное в других вопросах. За все эти кастовые предрассудки. И последнее — как раз вот за их отношение к иностранцам.

— О, тата, ты даже не представляешь, как все это бесило меня поначалу, — ответила ей Элли. — Ну как я могла закрывать глаза на то, что дети работают здесь наравне со взрослыми? Маленькая Ниса, например, ведет все хозяйство своей баб-

¹ Напомню, Бидурдай — местный козлопас, отец Дева.

ни. А Деву надо вставать в четыре утра, чтобы выгнать стадо до начала занятий. А все эти кастовые мерзости? Однажды я решила заказать деревенскому мастеру кукури — ну, знаете, этот местный нож. Попросила Бидурдая меня к нему отвести, но Макармама, хозяин деревни, пришел ко мне и сказал, что сам меня отведет, а Бидурдай, как неприкасаемый, не имеет права сопровождать иностранца. Господи, как он его отчитывал! Субасдай пытался заступиться за Бидурдая, но Макармама разошелся не на шутку: не меньше часа он доказывал, что Бидур низшая тварь, при нем самом, словно его там и не было. Я послала тогда их всех к чертям с этим ножом, до того все это было паршиво. А еще мне обалденно не хватало личного пространства. Они всегда были вокруг меня, все время хотели общаться, приходили даже, когда я спала, — пугали порой больше, чем пауки по стенам. И знаете, я бы точно сбежала, если бы в какой-то момент не сказала себе: стоп, Элерина, проблема не в том, что происходит вокруг тебя, проблема в тебе самой. Ты — гость этого мира, здесь свои порядки, и повлиять на это, изменить что-то ты точно не сможешь. Да и зачем? Мы всё привыкли менять под себя, и с тем, что не похоже на наше и мы считаем чужим, пытаемся бороться. А что это дает? Мы смотрим на деревню со своей колокольни, нас возмущает, что все тут иначе. Но зачем в таком случае ехать в другую страну, уезжать из привычного окружения, чтобы

сторониться нового? Надо научиться принимать, и тогда ты перестанешь сражаться и терять силы. Когда я решила это для себя, все пошло гораздо проще. Люди чувствуют, что ты открыт, и идут тебе навстречу.

— Да тебя здесь за свою принимают! — сказала я.

— Ну, так было далеко не сразу, — улыбнулась Элли. — Сперва я начала учить их язык. Потом решила работать с ними, ведь общий труд всегда сближает. Я помогала на полях, плела посуду и таскала мешки с рисом наравне с остальными. В какой-то момент я, правда, начала замечать, что к этому привыкли, Фупу, например, десять — можете поверить? — десять раз за один день звала меня на помощь в поле. И это под июльским ливнем! Но с той поры медленно, однако верно все начало меняться. Они приглашали меня к себе, отношения стали теплее и гораздо искренней... Да, это правда, они до сих пор тянут деньги из иностранцев. Но по той лишь причине, что волонтеры им эти деньги — одежду, сигареты, что угодно — продолжают давать. А скажи им «нет», как они без всякого неудобства отвечают друг другу, — так они и перестанут. И зла на тебя держать не будут.

Весть о моем посещении Гану не оставила деревню равнодушной, и всю субботу мы провели в гостях. У Бималы, соседки из дома напротив, —

угощаясь джаром, молочным соленым коктейлем, который разливают в миски и подают с жареной кукурузой и маринованным бамбуком. У Фупу — помогая ей плести посуду и разучивая непальские слова. Мы наконец влились в местное общество — сидя в центре двора, окруженные соседями и оглушенные музыкой непальских песнопений. Я смотрела на все это и вспоминала Дева. И не хотела верить тому, что его приглашение лишь меркантильный замысел, а рис и молоко, чего им самим почти не хватает, расчетливый подкуп наивной иностранки.

7.3. ЖЕНЩИНА В НЕПАЛЕ

«В Непале девочка умерла от удущья в сарае для менструаций», — встречает меня утром безрадостная новость. О жестокой традиции чаупади в западных районах Непала, когда женщину в период менструации, считая нечистой, выселяют из дому в специальный сарайчик, запрещают прикасаться к мужу, детям и животным, пользоваться теплой одеждой и есть что-либо, кроме риса и воды, я читала и раньше. Как и о кастах бади, где основной удел женщины — проституция. Об убежденности ортодоксальных индуистов выдавать замуж еще до начала менструации, что служит поводом для браков с десятилетними девочками. Или о том, как собственные родители «продают» дочерей за

гроши для работы в казино¹. Читала и о древней традиции вдовы следовать за мужем, прыгая в погребальный костер, и до сих пор сохранившемся положении отдельных районов севера брать в дом лишь одну жену на всех сыновей семейства.

Родиться в индуистской культуре женщиной считается невезением. На лестнице перерождений она занимает ступень между собакой и женщиной, поведал нам как-то Асис. «Попробуй жить праведно, и в следующей жизни, быть может, родишься мальчиком» — успокаивает традиция. Ну а пока довольствуйся женской долей — жизнью тяжелой, зависимой, полной физического труда и домашних обязанностей. Непал — единственное государство в мире, где женщины по статистике умирают раньше мужчин. Но за всю страну я говорить не решусь и расскажу лишь то, что вижу в нашей деревне. Что слышу каждый день, в пять утра, когда петух и бытовая прелюдия объявляют начало нового дня. И первые аккорды берет зернодробилка. Глухими ее раскатами в полутора метрах ниже нашей комнаты Фупу начинает и мой день тоже. Аккомпанирует ей дочь Гома, выдувая огненные струи бамбуковой палкой-разжигалкой. А девочки всего двора собираются у колонки с бидонами. Открывается кран, и торжественный ак-

¹ И не раз слышала об этом от знакомых. Child trafficking, торговля детьми за копейки, которых предлагают жителям далеких горных деревень, проблема довольно распространенная.

корд будит того, кто не проснулся раньше, — мужчину непальской деревни. Он поспевает ровно к завтраку и, поев, убегает на свои полевые работы, где женщина, повторяя мужскую партию, включается в общий канон, закончив на кухне.

Она пасет коз и доит корову, собирает рис, дрова для очага, работает в огороде, отбивает пшеницу, вяжет подстилки и корзины, таскает воду, прибирает двор, а между делом готовит и смотрит за детьми. Работает она почти без отдыха, до самой ночи. К концу недели стирает и варит ронси, угощая мужчину, который в выходной (единственный, по субботам) себе не отказывает. Понятия «слабый пол» в Непале не существует, и женщина наравне с мужчиной (а зачастую и больше) таскает на себе мешки с рисом — два сразу, в шестьдесят килограммов — и ловко взбирается с ними на гору. Работают больные, старые и беременные. Причины достаточно веской для покоя здесь еще не придумали. И может быть, поэтому детей здесь рожают не больше трех — прежде чем женский организм изнашивается до предела: тридцатилетняя Фупу выглядит в два раза старше.

А часто женщина здесь выполняет и мужские обязанности. Все дело в том, что в деревне денег не заработать, и молодые мужчины почти со свадьбы уезжают на заработки в страны Среднего Востока — Арабские Эмираты, Кувейт и Малайзию. Они проводят там несколько лет, приезжая, быть может, раз в три года на Досаин. И лишь за-

работав достаточно денег на дом или какое-нибудь предприятие (вроде лавки Макармамы, единственного магазина Мальбасе), они возвращаются обратно. Контраст выходит разительный. Мы наблюдали за соседней парой, где сытый, тихий и образованный зарубежьем Индра, приехавший на несколько недель из Саудовской Аравии, был опекаем женой, постаревшей, шумной деревенской Бималой, выглядевшей на его фоне пещерным человеком.

Развлечений в жизни женщины здесь немного. Иногда она позволяет себе дружеские посиделки. Мужчины и женщины в Непале держатся отдельно — два полукруга родителей на школьном собрании тому яркий пример. И даже танцевальные вечера тут зачастую устраивают однополые. Без гендерных предрассудков, просто точек соприкосновения у женщины и мужчины здесь словно и нет. Мужчины пьют, играют в карты и стучат на барабанах, а женщины обсуждают детей и хвастаются украшениями. Западный эталон им как будто бы не догнать — крикливые, харкающие, плюющие непалки на леди не похожи. Вот только за внешней этой растрепанностью скрывается все та же женщина, которая по-своему следит за собой, пряча лицо от солнца за зонтиком или широким платком, которая любит себя нарядить и приукрасить. Маникюрные салоны здесь заменяет мехенди, роспись хной на руках, а шоппинг — прогулка к

швее. И новый костюм тут собираются посмотреть всей деревней, как и демонстрацию сшитых мне доти-ширвал, слоеных восточных штанов.

Алкоголь в деревне не осуждают, а вот курение среди женщин здесь привычка постыдная. В основном курят лишь старухи, а молодым непалкам, вроде Девики-мисс, непальской учительницы, приходится скрывать свое пристрастие, забравшись под кухонный стол или спрятавшись в туалете.

Глубокая религиозность — почти обязательное женское качество. Не раз мы наблюдали посты по дням недели, когда женщина ела лишь вареные овощи, — проявление смирения перед Шивой или Вишну. Хранительница очага, она несет ответственность за домашнее благополучие, за привлечение богов в свое хозяйство. Вот почему несчастье дома — вина, которая целиком ложится на женские плечи. А смерть одного из родственников, в особенности мужа, до сих пор может стать причиной гонений и обвинений в колдовстве, как утверждает Асис.

И конечно же одна из основных забот непальской женщины — семья. Удачный брак — главная мечта любой деревенской девушки. О романтической традиции побега влюбленных не слышал даже Асис, пока не поселился в горах Удайпура, ведь ритуал этот соблюдают лишь в нашей местности. А заключается он в следующем: если молодая пара собирается пожениться, девушка сбегает из дома в семью жениха. Через несколько дней родители будущего мужа приходят в дом невесты и сооб-

щают о грядущей свадьбе. Если девушка и мужчина провели хоть одну ночь вместе, замужества не миновать. Вот почему родители девушки, которые недовольны выбором дочери, стараются вернуть беглянку так быстро, как только это возможно.

Одна из дочерей Макармамы однажды влюбилась и, согласно традиции, сбежала из дому. Вот только родители жениха не торопились с визитом, чем страшно рассердили Макармаму. Все кончилось тем, что, когда они все-таки пожаловали, Макармама их выгнал и согласия своего, понятное дело, не дал. Несколько месяцев девушка жила в семье мужа незаконно, и наконец, когда все уже потеряли надежду, Макармама сменил гнев на милость. Свадьбу (хотя была на ней вся деревня) сыграли тайную, в одну из последних ночей месяца.

Побеги в нашей деревне — практика постоянная. Сбегают здесь не только подростки. Жены, оставляя мужей и — навсегда — своих детей, нередко убегают с возлюбленным. Все тот же Макармама когда-то потерял так свою первую жену.

Но хоть последующие годы совместной жизни — невозможность уединиться молодоженам, когда вся семья живет в одной спальне, необходимость воспитывать ребенка в одиночку и взвалить на себя все тяготы домашнего хозяйства — простыми не назовешь, женщины здесь не выглядят несчастными.

Порой вечерами Фупу зовет нас к себе и угощает джаром, а мы сидим и наблюдаем за ее ра-

ботой. Она окидывает довольным взглядом кухню и магазин за окном, накормленного мужа, главу деревни, своих детей, Сабина, Сумана и Гому, и нас, иностранцев, коротающих вечера в ее компании. Фупу здесь космополит. Сабин читает ей учебник на английском, она ни слова не понимает и гордится. А уложив всех спать, в темноте догорающего огня она доплетает последнюю корзину, забирается под одеяло и закрывает глаза. Мне кажется, она счастлива, ощущая свою значимость. Все здесь держится лишь на ней — и несомненно развалится, стоит ей только отвлечься. Ведь действительный хозяин здесь она — необразованная и непобедимая женщина непальской деревни. Засыпает она без раздумий.

Наступает Досаин, один из главных фестивалей Непала. Не только в школе, но и по всей стране начинаются большие осенние каникулы. И потому мы с Асей, Яной и Элли решаем отправиться в Покхару, чтобы начать оттуда свое восхождение — трек по Аннапурне, первый горный поход в моей жизни.

Покхара — это город у подножия Гималаев, один из главных туристических центров и стартовая база для маршрутов среди восьмитысячников¹, по великой гряде Аннапурне.

Восьмитысячники видно уже из города — могучие стражи, они обнимают Покхару по краю и отражаются в спокойных водах озера Фева. На Катманду это место совсем не похоже, и, как заметила Элли, его даже Непалом не назовешь. Очень тихий и зеленый город в зарослях баньяновых деревьев словно продолжает Сваямбунатх, буддистский район столицы. Здесь много монахов и чув-

¹ Имеются в виду горы: Аннапурна I, Аннапурна Южная, Дхаулагири.

ствуется близость Тибета, ведь «столетиями Покхара была одним из перевалочных пунктов на торговом пути из Индии в Тибет». Но еще больше здесь альпинистов: новичков и бывалых, спустившихся и планирующих — на любой, в общем, вкус. Ведь практически все приезжают в Покхару с той целью, с которой тут оказались и мы. Трек здесь страсть повсеместная.

Селятся туристы в районе Лейксайд, местном Тамеле. С одной его стороны начинается бескрайний туристический базар, где можно отыскать буквально все для похода, от тренинговых палок до полного альпинистского снаряжения. Здесь же насажены и отели с недорогими уединенными номерами. Но мы решаем остановиться на другой стороне Лейксайда, хипповом и свободном правом берегу. Люди здесь раздеваются, гуляют босяком и курят прямо на улицах. Из открытых кофеен доносятся приглашения *Rolling Stones* и *Dors*, Джими Хендрикса и Боба Дилана, *Credence Clearwater* и буддистские мантры. Мы вдруг попадаем в семидеятые — в ту золотую эпоху, когда все начиналось.

Как-то раз мне попалась прекрасная книга Эллиота Тайбера «Взятие Вудстока»¹, в которой он рассказал мне подробно, кто же они все-таки, эти хиппи. Я восторгалась их культурой. Могла ли я тогда предположить, что попаду в самое сердце

¹ Вудсток — знаменитый рок-фестиваль 1969 года.

этой общины? Покхару называют мировой столицей «детей цветов». Именно они, босяки и изгои Запада, ворвались в начале 1970-х в закрытое прежде государство и стали первыми белыми поселенцами. «Факиры», «бандерлоги» или попросту «обезьяны» — так их прозвали консервативные непальцы, с опаской и брезгливостью смотревшие на белых чудаков. Лозунги мира, свободной любви и наркотических экспериментов местному жителю были непонятны. Но иммунитет восточной традиции дал осечку. Ведь молодое поколение страны было потеряно, поражено и очаровано этой бродяжьей романтикой, этой бесстыдной честностью, какую только способен проявить человек в отношениях с другим человеком, в своих желаниях и отрицаниях. И молодой Непал пытался подражать. Меня там не было, но многочисленные истории вторят моим словам. А тень этого стремления блуждает до сих пор — по нашей, кстати, улице, упрятав азиатское лицо за дредами Боба Марли.

Надолго в Покхаре обычно не останавливаются, ведь город очень маленький и осмотреть его можно всего за пару дней (особенно если на скутере). Говорят, что в Покхару приезжают и за духовным опытом, что здесь можно отыскать хорошие йога-центры и курсы медитации, но мне на глаза такие не попадались. В основном же тут занимаются одним из трех: либо готовятся к восхождению, закупая необходимое и оформляя доку-

менты, либо отдыхают в многочисленных барах и растаманят, либо же осматривают достопримечательности.

Подготовку к трену мы откладываем на пару дней, а расслабляться решаем уже по возвращении с гор. И все, что нам остается, — исследовать Понхару и ее красоты.

Начать решаем традиционно и отправляемся к Фева, «рукотворному», как его называют, озеру в найме разноцветных лодок. Здесь можно арендовать и ладью, и катамаран, и даже гребца, что мы и делаем, решив отправиться в один конец, к Ступе мира. Хотя приятней, конечно, плавать без посторонних — и временем не ограничен, и восторги скрывать не надо. А скрывать, поверьте, есть что. Еще ни разу мне не доводилось плыть среди гор, отраженных зеркальной гладью. Наслаждаться прохладой их снегов, не веря тому, что это лишь вода, и остывать в раскаленный непальский октябрь.

Мы огибаем островок, на котором виднеется храм Барахи. Легенда гласит, что на дне озера Фева покоится затопленный город, центр процветающей некогда долины, жители которой высмеяли странствующего нищего. Лишь одна женщина посочувствовала бродяге. Ей он и поведал о надвигающемся потопе. Семья этой женщины успела спастись, сбегав на возвышенность, когда поток

с ревом спустился с гор и погрузил долину под воду. Ну а нищим оказалась не кто иная, как богиня Барахи. Именно ей потомки женщины и возвели храм на острове в благодарность за чудесное спасение. И пускай храм маленький, а остров, как пишут в путеводителях, довольно грязный, у этого места есть бесценное преимущество — его история.

Спустя полчаса мы высаживаемся у дальнего берега, отсюда и начинается лесная тропинка — вверх и вверх без передышки. Хорошая тренировка перед треком, решаем мы, разминая непослушные ноги. Наконец, доползаем до верхушки.

Холм Ступы мира считается одной из лучших смотровых площадок Покхары. Он уступает, пожалуй, лишь Сарангкоту, отсюда встречают рассветы и запускают парaplаны, — туда мы, увы, не добрались. Но охватить Покхару от края до края, ее холмы и белоснежный хребет отлично получилось и с этой священной верхушки, отдыхая в тени пузатой пагоды, у ног одного из Будд.

Буддистская Ступа мира считается новоделом, и исторической ценности как будто бы не представляет. Что, однако, не убавляет к ней интереса приезжих. Эту ступу возвели на деньги одной японской организации под руководством монаха Нитидацу Фудзии. Говорят, что встреча Фудзии с Махатмой Ганди в 1931 году настолько впечатлила японца, что он решил посвятить свою жизнь пропаганде мира и ненасилия. Так появилась

идея возведения Пагод мира — символа единения всех рас и вероисповеданий.

В 1941 году началось строительство пагод (храмов, ступ) по всему миру, и к 2000 году их было уже около восьмидесяти: в Европе, Азии и США. Непальскую ступу начали возводить еще в 1973 году, но при местной пунктуальности закончить удалось лишь к 1999-му, когда наконец сюда добрались все Будды: из Японии, Шри-Ланки, Таиланда и, конечно, Лумбини. Теперь эти золотые статуи охраняют мир в четырех направлениях. А венчает ступу хрустальный камень — символ мудрости и благодати.

Мы обходим ступу трижды и разбредаемся по ее «этажам». Я подсаживаюсь к Элли, она сосредоточенно изучает карту.

— Почему ты не буддистка? — спрашиваю я ее. — Ведь ты же выросла в этой среде, твоя мама исповедует буддизм, я не ошибаюсь?

— О-ля-ля. Непростой вопрос, тата, — задумывается Элли. — Наверное, потому, что в детстве, когда я спросила маму, буддистка ли я, она ответила, что я сама это решу, когда вырасту. И вот теперь я выросла и не хочу ограничивать себя какой-то определенной религией. Сейчас я открыта всему и учусь у каждой из них. Но буддизм и, пожалуй, шаманизм, мне, наверное, ближе всего. А тебе?

— Я слишком мало об этом знаю. Мне нравится умиротворение, которое окружает все, что связа-

но с буддизмом. Отношения природы и человека, поиск себя в подсознательном. Но как быть с утверждением, что жизнь — это страдание?

— *Oh putain!*¹ Смысл здесь скорее в том, что человека подавляет его эго, оно же приносит ему страдание. Я это знаю не понаслышке — мое эго было невероятных размеров. И в Непал-то я уехала потому, что поняла: страдание оно приносит не только мне, но и окружающим меня людям. Буддистские практики как раз учат от этого страдания избавляться. Это не то христианское бремя, которое ты несешь до конца в обмен на статус мученика. Я встречала очень много буддистов, монахов в том числе, с прекрасным чувством юмора, супер-жизнелюбивых. Буддизм лишь утверждает, что гармония и то, что мы называем счастьем, не безусловная опция, но мы за него можем и должны бороться.

Элли складывает карту и поднимается на ноги.

— Ну что, пойдем дальше? — продолжает она и зовет Яну с Асей. — В Покхаре есть еще парочка музеев — например, Музей гор, или про солдата гуркхи², чего желаете?

¹ Вообще говоря, это слово переводится как «путана». Однако французы — не только Элли, но и многие другие, каких я встречала в Непале и раньше, — говорят это между делом, вроде обращения, без какого-либо оскорбительного подтекста.

² Отважные войска Британии и Индии, набирающиеся из непальских добровольцев.

— Такси! Вам нужно такси? — окружают нас сразу несколько человек, стоит лишь выйти на дорогу.

— Нет, спасибо, того, — отвечает Элли, — у нас есть по паре прекрасных ног и необыкновенное удовольствие ими пользоваться.

Это и становится нашим лозунгом на всю последующую неделю.

9.1. ПОДГОТОВКА К ВОСХОЖДЕНИЮ

Волонтерская помощь и трек — две основные причины, по которым приезжают в Непал. А чаще всего их умудряются совмещать, как это решаем сделать и мы, ведь побывать в Непале и не сходить в горный трек — это просто нелепо. Какая еще страна может похвастаться восьмеркой из четырнадцати мировых восьмитысячников? К тому же время нам выпадает самое подходящее, ведь каникулы приходятся на октябрь, «непальское лето», как сообщает нам Асис.

Октябрь — ноябрь и апрель — май считаются лучшим сезоном для трека. В первом случае муссоны уже заканчиваются, во втором — дожди еще не успевают начаться. Поэтому погода стоит ясная и теплая, лучшее комбо для высокогорья, а в особенности для тех, кто собирается ночевать в палатках. Такое бывает в том случае, если вы предпочитаете экспедиционное, автономное восхождение и останавливаетесь в отдаленных от поселений

районах. Но чаще все-таки выбирают тип трека, который называется «ти-хаус»¹, когда можно остановиться на ночь в деревенском приюте, обогреться вечером у общей печки, принять горячий душ, заказать ужин, зарядить свои гаджеты и даже поймать Интернет.

Треки бывают самые разные. Их можно различать по уровню сложности: легкий (*Poon Hill*, 3210 м), средний (*Annapurna Base Camp, ABC*, 4130 м) и сложный (трек к Эвересту, с высшей точкой *Кала-Патхар*, 5645 м, что на три метра выше Эльбруса). По длительности: от однодневных прогулок до трека вокруг Манаслу в 15–16 дней. По уровню самостоятельности и комфорта: кто-то нанимает для похода специальных носильщиков-портеров и гидов, а кто-то полагается лишь на свои силы. А есть и такая разновидность, как *хилтрекинг*, когда походников забрасывают на вертолете в наиболее интересные и отдаленные точки маршрута.

Каждый составляет себе ту программу, к которой он физически подготовлен, на какую ему хватает опыта и времени. Мы же, ограниченные сроком каникул и совершенно не имеющие представления о собственных возможностях, решаем остановиться на шестидневном любительском маршруте с высшей точкой на горе *Poon Hill*.

¹ Teahouse (англ.) — досл. «чайная».

И первое, с чего мы начинаем подготовку, это оформление документов.

В зависимости от высоты и сложности восхождения условия и цены варьируются, но две необходимые бумажки, которые оформляет любой турист для горных прогулок, это специальное разрешение на трекинг-пермит (*Trekking permit*) и карта *TIMS* (*Trekkers' Information Management System*), подстраховка путешественника в случае непредвиденных ситуаций. С условием нашего маршрута оба этих документа обходятся по 19 долларов каждый (2000 непальских рупий). Оформить их можно заранее, еще до приезда в Непал, а также на месте — в отделении *Nepal Tourism Board*¹ Катманду или Покхары. Открыто это отделение с десяти утра до пяти вечера, мы же приходим к двум. И может быть потому, что это лишь начало сезона и туристов еще немного, а может, нам просто везет, в любом случае, очередей нигде нет и вся процедура занимает не больше получаса.

Единственное, что требуется принести с собой кроме денег, это конечно же паспорт с визой, а также четыре стандартные цветные фотографии — по две для каждого документа. Если фотографий недостаточно, как оказывается в случае с Яной, их сделают на месте и совершенно бесплатно. Но лучше позаботиться об этом заранее, например, ответственная Ася привезла с собой в Непал, не

¹ Информационно-туристический центр.

больше и не меньше, целую сотню. Фотографии нужны в Непале на каждом шагу — при оформлении и продлении визы, покупке сим-карты (серьезная процедура с отпечатками пальцев) или аренде скутера.

В первую очередь мы оформляем пермит — заполняем анкету со стандартными вопросами (вроде даты рождения и рода занятий) и вопросами специальными, ответы на которые нужно подготовить заранее: название маршрута, точка начала и конца пути, длительность трека (лучше указывать с запасом). Анкету вместе с документами и оплатой отдаем здесь же и, получив разрешение, переходим к стойке оформления *TIMS* у входа, где заполняем еще один бланк, очень похожий на предыдущий. На этом подготовка и заканчивается, мы получаем бумаги и отправляемся за покупками.

Нет смысла привозить в Непал все вещи для трека, гораздо проще купить (или арендовать) на месте. Здесь можно отыскать и фирменные магазины, но в основном все берут подделки — достаточно качественные и очень дешевые. Например, ботинки для трека я покупаю за 34 доллара, куртку — за 10 и знаменитую джилленхоловскую шапку с косичками¹ всего за доллар. Спальный мешок здесь можно найти за 25 долларов, штаны — от 12 долларов, а еще очень много необхо-

¹ Из фильма «Зверест» 2015 года.

димых атрибутов, о которых я по своему невежеству даже не подозреваю. Вот только торгуются здесь, как я заметила, без особого энтузиазма — наверное, потому, что иностранцев в Покхаре гораздо больше, чем в Катманду. Но я не сдаюсь и продолжаю спорить с продавцами.

— Тата, так нельзя, — подходит ко мне Элли. — Здесь так не принято. Я знаю, что в Индии, например, или на Филиппинах торговаться надо как дьявол, но в Непале продавец обижается. Ты ведь вынуждаешь их — а особенно в не сезон — продавать тебе вещь за такую низкую цену. А здесь это крайнее неуважение к продавцу. Торговля в Непале — дело привычное, но рассматривать ее надо скорее как игру, которая должна быть приятна для обеих сторон.

— Но ведь это обман, — возражаю я. — Своим они продают в три раза дешевле.

— Не буду спорить, — пожимает плечами Элли. — Торговля — это схватка между собственной выгодой, которую ты называешь справедливостью, и чувствами других. Решать тебе.

Я выхожу из магазина и размышляю над тем, что вообще здесь считать справедливостью. Сколько бы непальцы ни завышали цену, все это остается дешево, безумно дешево для западных стандартов. Ведь продают товары по себестоимости, а те копейки, которые, пускай, пытаются удвоить, это стоимость труда человека. Многие вещи в Непале сделаны вручную. Сбивая цену, ты тем са-

мым говоришь о том, что ни во что не ставишь местный труд, оценивая его даже ниже, чем делают это сами непальцы. Ну а потом, спрашиваю я себя, выторговав пару рупий, что ты получаешь? Неужели, отправляясь на рынок, как на войну, и оставив продавца (которого воспринимаешь не иначе как врага, который хочет тебя надуть) сердитым и расстроенным — и сэкономив эти несчастные несколько рупий, — ты чувствуешь удовлетворение?

Мне становится стыдно. Я захожу в следующий магазин и обращаюсь к продавцу, как еще не проговаривала — с большой учтивостью. И встречаю там того, с кем повстречаться не ожидала. Я встречаю там человека.

9.2. ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ

Впервые в жизни я планирую путешествие не сама. Все вопросы организации берет на себя Яна. А все, что я знаю, стартуя из Покхары, это что трек наш называется *Pool Hill — Gorepani — Ghandruk*, проходит он по горам Аннапурны и длится дней шесть или семь, в зависимости от скорости восхождения.

От Покхары до Наяпул, стартовой точки подъема, мы добираемся местным автобусом — около двух часов скачек с индийской драмой «Султан» на экране. Все лишние вещи вроде нетбука и летних юбок оставляем в хостеле, но даже без них

рюкзак каждой из нас весит не меньше семи килограммов. Спальный мешок, бутылка воды, небольшая аптечка, термобелье и куртка, шерстяные носки и шапка, вьетнамки, душевые принадлежности, полотенце, смена белья и пара футболок — набор базовый, но увесистый. Из еды мы берем лишь несколько упаковок мюсли-батончиков *Mountain Man* и орехи, решив не останавливаться на обед и сэкономить тем самым около трети расходов на путешествие.

Все дело в том, что еда, наравне с водой, две самые дорогие вещи в треке. Ночлег, для сравнения, обходится в доллар на человека, еда же — будь то завтрак или ужин — обыкновенно не меньше пяти. В дополнительные траты входят горячий душ, слабосильный *Wi-Fi* и подзарядка телефона (если это не включено в цену номера) — около доллара на каждую опцию. И в среднем, без учета затрат на воду (мы берем с собой обеззараживающие таблетки и набираем воду из источников), но с учетом оформления пермита, *TIMS* и трехразового питания, скромный недельный трек обходится около полутора сотен долларов на человека.

Но хватит о цифрах. С остальными трекерами мы высаживаемся на станции Наяпул, проходим небольшой туристический перевал и пару контрольных пунктов, где наши документы отмечают разноцветными печатями. И сразу же начинаем

восхождение. А спустя всего пятнадцать минут подъема я уже плетусь в хвосте, выдумывая оправдания: быть может, дело в том, что накануне я отравилась и была еще не совсем здорова? Да нет, проблема из-за того, что я почти не спала...

Однако действительная причина, я понимаю, лишь в том, что нулевой уровень подготовки не позволяет идти быстрее. Спину нещадно ломит, ноги подводят (тут я осознаю, почему ботинки в треке должны быть высокими), а одежда липнет к телу. Добавьте сюда беспощадное солнце, и вы получите полную картину моих впечатлений. Все, о чем мечтаешь, это вода и отдых, но и эти простые желания теперь под запретом. С каждой остановкой мышцы расслабляются, и продолжать восхождение становится еще сложнее. А вода выходит моментально, и чем больше ты пьешь, тем сильнее, соответственно, потеешь. Даже туалет на подъеме ни к чему — вода тут выходит иначе.

Но больше всего беспокоит то, что мой темп задерживает остальных, и в первую очередь Асю, которая каждые пять минут останавливается и ищет меня глазами. Наконец она дожидается меня и показывает маршрут на карте, чтобы я смогла самостоятельно и без труда отыскать наш первый пункт привала — деревню Тинедунга в четырех часах пешей прогулки от Наяпул.

— Найти ее не сложно, — говорит мне Ася, — держись реки и не заблудишься. А встретимся уже на месте.

Перед тем как уйти вперед, Ася поправляет мой рюкзак. Как выясняется, я закрепила его неправильно, и вес распределялся неравномерно. А как же важно, оказывается, уделить этому особое внимание! Идти становится гораздо проще, плечи расслабляются, весь вес берет на себя таз.

Теперь я ни от кого не завишу, выбираю собственный темп и могу наконец осмотреться. Природа в начале восхождения не очень отличается от той, что мы видим каждый день среди гор Удайпура, — субтропики низины, пальмы и ступени полев. Единственное отличие, которое бросается в глаза сразу же, — дома тут гораздо более крепкие, чем в Мальбасе. Построены они уже из кирпича, покрашенного в белый цвет, крыши застелены черепицей из камня, а на окнах с порывами ветра моргают ставни. Где-то даже виднеются трубы — приманка для туристов, но все-таки. Вспоминую хижины Мальбасе из бамбука и коровьих лепешек, крытые соломой и безо всяких дымовых отверстий.

Так я и иду, окруженная разноцветными тропическими бабочками, а одиночество разбавляют звуки: шум горной реки, соревнования птиц и насекомых. Радуюсь, что позабыла плеер: соблазна отвлечься не возникает. С каждым шагом ухожу все дальше от искушения вернуться назад, а чем больше удаляюсь, тем роднее становятся пейзажи: все эти лысые скалы, и бешеное течение, и го-

ры, за исключением разве что риса, безумно напоминают наш Кавказ. «Как это похоже на Францию», — скажет мне потом Элли. Для каждой из нас начало трека украшал дорогой сердцу символ, и это помогало забыться.

Весь первый день провожу в одиночестве. Попутчики меня не догоняют, навстречу проходит лишь несколько компаний. Чаще всего это парочки, но проводники и навьюченные портеры (с неременной надписью OBEY¹ на кепке) неизменно сопровождают высокогорной романтике. А я иду и размышляю над тем, как все это мешает проникнуться тем единением с природой и культурой, за которыми, собственно, и едешь черт-те куда, в Непал.

Мы проводников брать не стали, решили обойтись картой и смекалкой, но даже без них заблудиться едва ли вышло бы. И вместе с тем я понимаю, почему люди берут проводника. Когда ты приезжаешь в Непал и собираешься в трек, это кажется очень естественным — нанять человека, который в чужой стране, в незнакомых горах, укажет тебе путь. К тому же предложения подобных услуг сыплются на тебя со всех сторон, и ты принимаешь — раз их так много, значит, спрос на них высокий². А раз высокий, то, значит, в горах

¹ Подчиняйся (англ.).

² Около трети мужчин в Непале работают в сфере туризма, в основном гидами по Гималаям.

они действительно необходимы. Ведь представляются непролазные чащи, безликие тропы и всевозможные развилки, вывести из которых могут лишь опыт и разве что интуиция. Никому не хочется доверять свою жизнь интуиции, а за опыт приходится платить (и, кстати, немало — от тридцати долларов в день, без учета питания и проживания твоего бесполезного спутника).

На деле же картина выглядит иначе. Есть четкая тропа, она выложена камнем и отмечена «польским флагом»¹, и заплутать, следуя указанному направлению, невозможно. Пару раз за день встречаются перекрестки — в компании конечно же, указателей, которые разрешат любые сомнения. Ну и на крайний случай дорогу можно спросить у встречных путников или же их свиты. Ощущение при этом, правда, такое, словно залез в чужую экскурсию. К тому же по пути встречаются деревни, и всегда остается возможность запасного варианта — объясниться на пальцах. (Если не знаешь непальского.) А еще на каждой вывеске написано название деревни, в которую ты забрел. Неподалеку несложно отыскать и саму карту, где будет белым по черному (непальский дизайн, понимаете) написано: вы здесь. И стрелка. Остается выбрать приглянувшуюся комбинацию, и с боль-

¹ Бело-красная маркировка, которую мы прозвали «польским флагом», обозначает направление основного маршрута. Бело-синий прямоугольник указывает на дополнительные тропы.

шой, поверьте, долей вероятности вы найдете выход самостоятельно.

Но конечно же есть разные ситуации. Когда идешь по дикой местности, помощники необходимы. На высоте 4000 метров деревни уже не встречаются, поэтому надо брать палатки, горелки и прочую амуницию. А самостоятельно с этим подниматься достаточно сложно. Полагаю, и с тропами там уже не все так очевидно, потому и говорить про более серьезные маршруты не стану. Но если планируете обыкновенную любительскую прогулку, то обойтись без лишней помощи просто. К тому же в проводниках есть еще один недостаток: они — показатель вашей обеспеченности. А нам же, независимым бродягам, удавалось платить за ночлег гораздо меньше, чем прочим трекерам.

Кроме парочек мне встречаются и компании бодрых старичков. Они, словно гномы, весело вышагивают стройными рядами, разве что песен не поют. И мне, стонающей от усталости, удивительно и совестно одновременно. Успокаивает лишь то, что конец маршрута уже близко. Одна из потрясающих особенностей трека — это то, что ты находишь счастье в малом. Идешь, изнемогаешь, проклинаешь все на свете, но ясно понимаешь, что к вечеру будешь счастлив. Хотя бы тем, что вкусно поужинаешь и выспишься. Такое вот простое счастье, примитивное, но неизбежное. И вдруг осознаешь наибанальнейшую вещь на

свете, которая остается всего-то цитатой, пока не представится возможность прожить каждую ее букву. Как писал Генри Торо, тот человек богат, что может обойтись наименьшим.

В подтверждение этих слов я доплетаюсь наконец до деревни, до своей спартанской постели, и сразу же забываюсь — одним из самых блаженных снов, каким только награждала себя за упорство.

9.3. POON HILL, 3210 МЕТРОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ

На следующий день дождь льет стеной, даром что сезон муссонов закончился месяц назад. Мы пробуем переждать пару часов и, изрядно проголодавшись, начинаем засыпать. Выхода не остается. Замотавшись в дождевые накидки и укутав рюкзаки, отправляемся в путь.

На сей раз, выспавшись и вернув бодрость духа, я настроена решительно. Нам предстоит самый тяжелый день трека, рывок в семь часов, три из которых — непрерывный крутой подъем, а оставшиеся четыре — волнообразная прогулка, ничто в сравнении с первой половиной дня. 1320 метров вверх до деревни Горепани, откуда ранним утром мы планируем свой заключительный подъем на пик маршрута — *Poon Hill*.

Температуру в Горепани обещают низкую, до плюс пяти, к тому же влажную. Поэтому надеваю

термобелье — что оказывается, конечно, большой ошибкой. Уже через пару минут восхождения я начинаю чудовищно потеть и не могу подниматься дальше. Приходится задержаться, и, пока я переодеваюсь, девочки уходят далеко вперед.

Снова остаюсь в одиночестве, без надежды отвлечь себя разговором, а впереди — три часа ступеней вверх. Если брать — при лучшем раскладе — одну ступень за секунду, то выходит 10 800 ступеней за 180 минут. Поделить это число на 20 — будет здание в 540 этажей высотой. 540 этажей крутых и скользких ступеней в сыром непроглядном облаке и в полном одиночестве. Настроение мое уходит в глубокий минус.

Идти последней психологически сложно. Ты видишь отрезок пути с его препятствиями, которые одолели уже все, кроме тебя, и устаешь заранее. Ползу и переживаю это липкое и омерзительное чувство обиды. Представляю, как девочки идут, помогая друг другу, весело и легко, почти, конечно, на самом верху, а я тут умираю у подножия лестницы. И если упаду, думаю я, никто об этом не узнает прежде вечера. Никто не сможет мне помочь, если вдруг подверну себе ногу или, скажем, моральный дух. Всю тоску мира я влачу за собой на верхушку. Проклинаю решение испытать собственные силы, проклинаю своих скороходных спутников, проклинаю идущих навстречу альпинистов — за их бодрый спуск, но больше всего проклинаю себя — за слабость, нытье и зависимость.

Как поется в песне Высоцкого, «парня в горы тяни, рискни...». Хочешь проверить друга, возьми его с собой на подъем. Так вот, не желала бы я оказаться тем самым другом. Прекрасно понимаю, что, будь девочки рядом, пришлось бы гораздо сложнее: в своих одиноких причитаниях я хотя бы свободна. Мне не нужно подстраиваться под чужой темп, и я избавлена от чувства вины за то, что задерживаю остальных. Но одолеть своих собственных бесов, кажется, не под силу. Я совершенно беспомощна и в то же время раздражена настолько, что чуть не набрасываюсь на идущего навстречу проводника, который весело замечает: «Русская? Отстаешь». И вдруг я вижу себя со стороны — злая как черт, одинокая, исполненная жалости к себе, — и мне становится противно. Зачем же тогда я вообще поехала в Непал, если не была готова? Зачем отправилась в горы Аннапурны?

И в этот самый момент я ясно осознаю, что, если что-то не поменяю, трек мне не пройти, и начинаю успокаивать себя тем, что миллионы других людей на это даже не решились бы. Сомнительный, знаете, выход — искать помощи у чувства превосходства. Наверное, потому, что так и остаешься на «темной стороне», но также и оттого, что продолжаешь концентрироваться на проблеме. Тогда я просто пытаюсь отвлечься и думать о хорошем. Да, я причитаю, но причитаю и иду, а не стою, и это уже не настолько безнадежно. А с каж-

дым шагом — на ступеньку, на полметра, на метр — я все ближе к концу пути.

И тогда я начинаю, не имея другой поддержки, подбадривать себя самостоятельно и каждые десять ступеней говорю себе: «Молодец». Одно простое слово, совершенно бессмысленное первые полчаса, в какой-то момент вдруг сотворяет чудо: уже достигшая уровня «Супермолодец», подкрепленного от скуки другими эпитетами, я внезапно понимаю, как глупо выгляжу. Я начинаю смеяться как сумасшедшая, не в силах остановиться. И вот тогда становится легче.

Следующее мое решение — здороваться с каждым, идущим навстречу. Действительно с каждым, будь то одинокий путник или же группа в сорок человек. Отделаться хмурым приветствием себе не позволяю, и если поначалу моя улыбка остается фальшивой, то спустя какое-то время я понимаю, что и правда рада новым лицам. А убеждая остальных в своей решимости и оптимизме, я и не замечаю даже, как успеваю уверить в этом саму себя.

Откуда-то берутся силы и на следующий шаг. Я начинаю прикидывать, что дает мне трек. В первую очередь, безусловно, он расставляет все по местам. Что же для нас действительно ценно? Там, на горе, у тебя не остается сил переживать из-за каких-то глупостей, вроде безответных симпатий или неудачной прически.

Безусловно, трек дает выдержку. С недавнего времени я начала мечтать об одолении тропы

Святого Иакова сквозь Испанию — пеший маршрут в 900 километров, — но я даже не задумывалась о том, насколько сложно это дается. Теперь же, всего на второй день подъема, я ясно осознаю: романтика подобного приключения скрывает серьезную подготовку. И в этом качестве мой гималайский эксперимент отнюдь не бесполезен. К тому же он дарует мне впечатление — основной источник сюжетов и главную цель моего азиатского путешествия. Конечно же сложно. Но тем ценней представляется опыт, и наконец я беру себя в руки.

— Энни? — спрашивает меня вдруг спускающийся путник.

Я киваю.

— Девушка сверху передает вам привет. Говорит, чтобы вы не унывали, она подождет вас. — Незнакомец подмигивает и уже через десять секунд скрывается в тумане.

Оказывается, все это время я была не одна и Ася шла всего в паре десятков метров от меня. Я вижу это, когда поднимаюсь выше облака, затуманившего надежды и сделавшего меня совершенно близорукой. Дальше мы идем уже вместе, сквозь высокогорные деревни на сваях, сказочные джунгли, через реки и водопады, все выше и выше.

До деревни Горепани добираемся поздним вечером. Здесь гораздо холоднее, и мы подсаживаемся к остальным измученным путникам, собрав-

шимся вокруг печки. Радуюсь тому, что прихватила спальный мешок — пускай использовать его мне доведется лишь однажды. «Завтра утром будет болеть все тело», — предупреждают трекееры, и мы с Асей растираем друг друга *Tiger balm*, местной «Звездочкой». Наскоро поужинав горячим бульоном и чашкой имбирного чая с медом, я поползаю до кровати и засыпаю в полминуты.

А просыпаюсь, как и ожидаю, от боли. Вот только ноги и спина, вопреки нагрузкам, не беспокоят, а что действительно саднит — это легкие. Дышать тяжело и больно, но впереди еще заключительный подъем. Времени на жалость не остается.

Забираю из коридора задубевшие ботинки. «Пожалуйста, снимите обувь и используйте сандалии в ванной комнате», — написано на каждой двери номера. Грязные и мокрые ботинки трекееров внутрь не пускают, и они стыдливо дожидаются нового дня в проходе. Так рано (ведь нет еще и четырех) встали только мы. Печь уже, конечно, остыла, и вся одежда, развешанная вокруг нее и не успевшая высохнуть, заледенела. Надевать сырые тряпки — чувство отвратительное, и холодно к тому же настолько, что пар идет изо рта.

Но долго мерзнуть не приходится. Восхождение начинается сразу от нашей гостиницы, и уже через пять минут мы возвращаем обыкновенный для подъема жар тела. Вверху, внизу и сбоку мелькают в темноте огоньки. Мы их не видим, но с нами поднимаются множество путников, решивших, как

и мы, встретить рассвет на горе *Pool Hill* в компании великанов Аннапурна I (8091 м), Аннапурна Южная (7219 м) и Дхаулагири (8167 м) — трех из четырнадцати самых высоких точек мира. И пуск наш заключительный подъем в сорок минут невыносимо сложный, это того, безусловно, стоит. Подбадривает и то, что на сей раз небо чистое.

На полпути встречается касса. Хочешь увидеть мировое достояние — покупай билет. Цена, правда, символическая: 50 рупий — и в кармане документальное свидетельство твоей целеустремленности.

Чтобы ослабить боль в легких, я поднимаюсь, стараясь дышать как можно спокойнее. Дышать спокойно, когда тяжело, когда страдаешь или даже радуешься, — что-то подобное я прочла накануне в книге о йоге и медитации. Что, в общем, пытаюсь практиковать каждый день: не раздражаться от навязчивости окружающих, смотреть на проблемы в перспективе и сверху. Лучшей, чем трек, возможности проверить, чего же ты стоишь и над чем тебе надо работать, назвать непросто. Вспоминаю о том, как мы привыкли себя жалеть, окружая поблажками и снисхождением: работать, например, учиться или даже жить так, словно это наша обязанность. А того, кто от нас этого требует, мы стараемся обмануть, избегая усилий. Хотим всего и сразу, пока не встречаем возможность достигнуть задуманного в слове «работа». Тогда наш

энтузиазм и вдохновение гаснут. А так ведь и с характером. Когда же я вдруг решила, спрашиваю себя, что тяжело — это обязательно плохо? Хотелось бы верить в силу собственной выдержки, но откуда же ей взяться, если возможности развивать ее мне раньше не представлялось?

Когда мы добредаем до вершины, уже светает¹. Здесь еще холоднее, однако многие, разгоряченные подъемом, остаются в футболках. Те же, кто пробыл тут больше времени, успевают переодеться в куртки, шарфы и шапки и теперь потягивают кофе из термоса или даже глинтвейн. Так что понять, какая температура, здесь сложно. Природа тоже лукавит. Несмотря на мороз, вокруг все остается зеленым. А спустя, должно быть, минут десять перед нами — рукой подать — вырастают снежные восьмимысячники, рельефные, словно изрезанные смелым стеклом Творца или времени. Они окружают меня, и их немое одобрение растворяет все и всех: длинноволосого японца, одетого в перуанское пончо, его коротко стриженную спутницу с татуировкой гор на руке. Раздетых хиппи, укутанных дредами, группу пожилых французов, китайских студентов, пытающихся поймать на ладонь Аннапурну миллионы кадров подряд. Я за-

¹ Для подъема в темноте я использовала фонарик телефона, но из-за низкой температуры он разрядился уже спустя полчаса. Поэтому рекомендую обязательно иметь при себе автономный фонарик.

бываю об Элли, не помню Яну, и даже Ася для меня исчезает. Остаюсь лишь я и Аннапурна I — свидетель моего отчаяния, Аннапурна Южная — компаньон преодоления и Дхаулагери — символ победы. Они всегда были тут, и единственное, что было нужно, это только поднять свою голову.

9.4. ОСТАВШИЙСЯ ПУТЬ

За каную-то неделю ты успеваешь побывать во всех сезонах года: из дождливой весны Сагарматхи попадаешь в лето Покхары, осеннюю серость Тадропани, в зиму заключительного подъема на *Roop Hill*, затем снова в сонную весну Толки. И наконец, петляя между тропических посевов, спускаешься в лето Педи, откуда уже автобусом добираться до Покхары.

Каждый день ты спишь на новом месте. Каждый день встречаешь новых людей, ешь новую еду и наслаждаешься совершенным непостоянством своей жизни. Но тем очаровательней и роднее становятся повторяющиеся моменты. Например, встречи с одними и теми же людьми на разных отрезках маршрута. В Горепани мы с Асей знакомимся с двумя итальянскими студентами и до самого Ландрука соревнуемся с ними в скорости. Порой они нас обгоняют, но мы наверстываем упущенное, стоит им лишь отвлечься на обед. А каждый раз, опережая их на несколько часов, мы оставляем на камнях поддразнивающие по-

слания, вроде *Why so slowly, semi doctors?*¹ — итальянцы учатся на последних курсах мединститута. Из таких же ребят и Чиаго, моя волшебная палочка. Каждый раз, когда мне нужна помощь, этот бразилец появляется и выручает меня — например, когда в пути я сворачиваю не туда. «Одиночки должны помогать друг другу», — говорит Чиаго, отслеживая мои промахи и указывая верную тропинку.

Ведь теперь, от самого Горепани, я часто ухожу раньше всех и иду впереди. Одиночество меня больше не пугает, и я им даже наслаждаюсь, ведь восхождение — это особый род медитации.

— Почему вы отправились в горы? — спрашивает Яна как-то раз за ужином. — Что для вас значит трек? Челлендж?

— Даже не говори мне о челлендже! — восклицает Элли. — Терпеть этого не могу.

— А в чем дело? — удивляется Ася.

— Тата, мне кажется, что челлендж — это всегда от эгоизма. Ведь что, по сути, дает тебе вызов? Он лишь умножает твои амбиции: я сумел, я добился, посмотрите, какой я классный. А вы что думаете?

— Ну, я слишком ленива, чтобы утруждать себя всякими челленджами, — отвечает Ася. — Но если появляется шанс вроде этого, почему бы не попробовать?

¹ Почему так медленно, почти доктора? (англ.)

— Ну да, такой челлендж я понимаю, — кивает Элли. — Когда жизнь подбрасывает тебе возможность и остается только решать — ловить ее или нет. Я называю это естественным испытанием. Но есть такие вещи, которые человек себе придумывает самостоятельно, а потом пытается преодолеть. «Если я не пробегу этот марафон, моя жизнь ничто», — сказал мне один знакомый. Ну не бред ли? Сама я буду заниматься чем-то лишь до тех пор, пока наслаждаюсь этим. Думаете, почему, имея три образования¹, я работаю официанткой? Лишь потому, что люблю это, мне приносит огромное удовольствие работать с людьми, и плевала я на статус. Да и трек то же самое. Если бы я поняла, что меня это напрягает, сразу бы развернулась в Покхару. Я не из гордых и ничего доказывать не собираюсь. А в трек отправилась лишь затем, чтобы узнать, нравится мне это или нет. Получается, узнать себя получше.

— Да, и я тоже, — киваю. — Много раз прежде слышала, что путешествия — а особенно трек — это отличный способ изучить себя самого. Но я и представить не могла, как именно это работает. Ведь поначалу трек был для меня лишь новым опытом и возможностью определить свои границы. Но чем выше я забираюсь, тем яснее понимаю, что никаких границ нет. Ты словно выходишь

¹ Бакалавр философии, бакалавр искусств и магистр фотографии.

на новый уровень и осознаешь вдруг, что все, что знал о себе прежде, осталось там, внизу. Вместе со всеми привязанностями, задачами, обидами... Сегодня, например, мне вдруг захотелось пообщаться с людьми, с которыми когда-то поссорилась и несколько лет не связывалась. Здесь ты словно перерождаешься, словно с потом и кровью из тебя выходит все отрицательное и остаются лишь доброта и безмятежность. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Прекрасно понимаю тебя, тата, — смеется Элли. — Сама того не ведая, ты только что пересказала нам основную идею буддизма. Божественная душа в поиске нирваны.

— В самом деле? — Я задумываюсь. — А может, только так человек способен достичь духовности? Ведь здесь это как на ладони — отражение безымянного бога в реальных пропорциях человеческого присутствия: деревня из трех домов и километры дикой природы. Общей и ничьей.

Мы умолкаем и смотрим на горы.

— Все верно, — нарушает тишину Элли. — Рядом с ними ты понимаешь: когда над тобой что-то настолько же величественное, прекрасное, вечное, любые переживания превращаются в ничто. Ты смотришь на воплощение могущества и неприступности — заснеженные вершины, на их фоне создания поменьше — зеленые горы, леса, и еще меньше — ты сам — и чувствуешь себя частью этой грандиозной системы, великого замысла. Ты на-

столько же ничтожен, как камешек под ногами, и настолько же величественен, как Аннапурна Южная. Здесь нет иерархии.

— Но почему человек не может сохранять это ощущение в городе? — вздыхает Яна. — Ведь даже в Мальбасе в сезон дождей, когда все перекрыто тучами, ты это теряешь.

— Верно писал Ральф Эмерсон, — улыбается Ася. — Здоровое зрение требует, чтобы ему постоянно был открыт горизонт.

От Горепани мы спускаемся в Тадопани, по ущелью, мимо горной речки и Сада камней¹. Затем сквозь волшебные чащи (словно из фильма «Властелин колец») попадаем в настоящие индийские джунгли с лохматым баньяном и извивающимися лианами. Из Гандрука, по самому краю скалы с видом на долину, спускаемся и снова поднимаемся к Толке сквозь несколько этнических деревень. Порой мы идем только три часа в день, а временами — не меньше пяти. Останавливаемся в самых разных местах, от аскетической нельи Толки (которая, кстати, обошлась нам даром²) до настоящей белокаменной виллы с лужайкой в Гандруке. Ну а горы сопровождают нас неотступно, поворачивая к нам то один, то другой свой

¹ Возведение башенок из плоских валунов — одна из традиций трекеров, отмечающих свое участие подобным символом

² С условием, что мы закажем ужин, который обычно в пять раз дороже ночлега.

снежный бок. А в конце пути каждый день я встречаю молитвенные флажки, покровительство Будды деревне и маршруту. Шагая по лесу несколько часов в одиночестве и изнывая от усталости, я приветствую флажки ликованием, ведь знаю, что скоро буду на месте. На тропе я рада видеть их как никогда, ведь теперь они для меня — символ надежды и облегчения. Голубой — знак пространства и космоса. Белый — символ воздуха. Красный — огня, зеленый — воды, и желтый — цвет Земли. С мифической лошадью ветра (символ энергии жизни), несущей Будду, дхарму (учение) и сонгах (буддистскую общину), они развеваются, посылая слова мантры и ее мистическую силу в пространство.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПАРК ЧИТВАН

— Белый цвет в сафари не пойдет, слишком яркий для носорогов. Видно издалека. Лучше поменять футболку на что-нибудь темное, зеленое, если есть. С рукавами — самое то. Сандалии тоже нужно заменить. У вас есть кроссовки? И не забудьте шляпы: днем будет жарить как следует, — в первую же минуту знакомства заявляет наш спутник.

Говорит он медленно и с расстановкой, держится прямо и смотрит очень серьезно. И хотя Саросу Бхата всего двадцать пять, а выглядит он точным Маугли — длинноволосый жилистый парень с какой-то звериной пластикой и оскалом вместо улыбки, — он имеет солидный опыт работы проводником и знает джунгли Читван как свои пять пальцев. Сопровождает его Раби Али, приземистый и молчаливый непалец с очень теплой, почти отеческой улыбкой.

— Обед прихватили? — продолжает Сарос. — И не забудьте про воду. Как минимум, три бутылки должны быть при себе.

Почти по всем пунктам подготовку мы провалили. Что поделаться, в сафари-приключение мы с Асей отправлялись впервые. Ни мне, ни ей не доводилось прежде бродить по диким джунглям, а все, что мы знали до того, как отправиться в Читван, только то, что это один из лучших национальных парков Азии.

— Сейчас Читван — объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, заповедник, сохранивший редкие виды птиц и животных, — рассказывает Сарос по дороге к реке. — По последним данным, здесь можно отыскать 56 различных видов млекопитающих, 27 видов амфибий, 27 видов рептилий, шесть разновидностей кошек, 23 вида змей...

— Опасных змей? — спрашивает Ася.

— Некоторые из них смертельны, — кивает Раби Али. — Например, королевская кобра.

— Национальным парком Читван стал лишь в 1973 году, — продолжает Сарос, — а до этого здесь был охотничий курорт для англичан и членов королевской семьи. Например, в 1911 году британский король Георг V посетил Читван и убил на охоте 39 тигров и 18 носорогов. А в 1939 году губернатор Индии и премьер-министр Непала отправились на охоту и уничтожили за двадцать дней 120 тигров, 38 носорогов, 25 леопардов и 15 медведей.

Мы спускаемся к реке, где нас уже дожидается каноэ — длинная узкая посудина, вырубленная, со слов Раби Али, из одного ствола дерева.

Когда мы приехали в Читван и оформили еще один пермит¹, на сей раз в джунгли, нам предложили несколько вариантов прогулки. Например, отправиться в сафари на джипах, что занимает обычно часа четыре. Или прокатиться по парку на слоне — полтора часовая экскурсия в диких джунглях². А можно, как выбрали мы с Асей, исследовать парк пешком, около девяти часов лесного сапиенса. И начать мы решили с короткого часового сплава по реке Рати, чтобы увидеть как можно больше.

— Вон там, — указывает Сарос на кусты и передает мне бинокль, — лежит крокодил, видите?

— Вижу, — кивает Ася, — даже бинокль не нужен.

— Тут его называют гария, длинноносый крокодил.

— Выглядит дружелюбным, — улыбается Ася.

— Да, так и есть. Обычно он людей не трогает, — отзывается Раби Али, сидящий в каноэ позади остальных.

— Крокодилы нападают только в том случае, если идешь по воде, — говорит Сарос. — Иногда набрасываются на рыбаков. Гария не любят, чтобы их беспокоили. А вот марш магар — вон, по-

¹ Пермит на одного человека — 1700 рупий, 2300 за гидов, 900 каноэ.

² Как рассказал нам Сарос, слона нужно выбирать особенно вонючего, чтобы перебить запах человека, который обычно отпугивает животных.

смотрите, на том берегу. — Сарос показывает на коротконового толстого крокодила в нескольких метрах от каноэ. — Вот он может напасть на человека, если голодный.

— Вы любите птиц? — спрашивает Раби Али и достает из рюкзака потрепанную книгу. — В Непале их очень много, а больше всего, конечно, в Читване. Говорят, до 543 тысяч разновидностей. — Он открывает книгу «Птицы Непала», откуда высыпаются разноцветные перья-закладки, и протягивает книгу нам. — Видите, это змеешейка. Шея у нее длинная, и она похожа на змею, особенно когда высовывается из воды. Вон она охотится.

Мы поднимаем головы и наблюдаем, как птица, точь-в-точь как на иллюстрации, кружится над водой, а потом стремительно ныряет и поднимается в небо уже с рыбой в длинном узком клюве.

— А вон каштанка-пчелоед, — показывает Раби Али на зеленую птичку в сухих кустах. — А это, смотрите, большой индийский кало.

Над каноэ пролетает огромная черно-желтая птица с мощным клювом.

— Ее еще называют птица-носорог, — продолжает Раби Али. — Видите нарост над глазом? В этом роге у кало хранится масло. Оно считается очень целебным, и многие охотятся за птицей, чтобы заработать. Но если убьешь самца — убьешь все семейство. Поэтому кало осталось так мало, не больше двадцати штук в Читване.

— Это как? — хмурится Ася.

— Когда самка кало откладывает яйца, — поясняет Сарос, — она садится в дупло, а самец замуровывает ее внутри дерева, оставляя лишь маленькую дырочку для кормежки. Все время, пока самка сидит на яйцах, он приносит ей еду. И только когда птенцы вылупляются и готовы летать, самец разбивает стенку и помогает им выбраться наружу. Так вот если самца убили браконьеры, самка с яйцами остается замурованной и умирает от голода.

Каноз причаливает к небольшому обрыву, Раби Али помогает нам выбраться из лодки.

— А кто здесь самый опасный? — спрашиваю я, когда мы сходим на берег.

Сарос задумывается.

— Медведи, наверное, — отвечает он. — Носороги, буйволы. Кошки, безусловно.

— Тигры?

— Ну, тигры у нас не настолько опасны, как, например, в Индии. Вот там есть разновидность человекоядных, которые действительно нападают, чтобы загрызть тебя. Говорят, что во время войны — уже не помню какой именно — трупы выбрасывали в джунгли, где их съедали тигры. Человеческое мясо им понравилось, и спустя какое-то время они начали нападать на деревни. В нашем парке таких тигров нет, обычно они обходят человека стороной. Но правил безопасности придерживаться надо. Например, если вы повстречали тигра, никогда не поворачивайтесь к нему спиной, смотрите в глаза, не отрываясь. Ведь тигры обычно набрасываются сзади.

— Да, точно! — соглашается Ася. — Я где-то читала, что в Индии, где тигры порой атакуют лодки, рыбаки носят маски на затылке. Тогда тигры думают, что рыбаки стоят к ним лицом, и нападают гораздо реже.

— То же самое с медведем, — кивает Сарос. — Повстречали в джунглях медведя — и не думайте убегать, он догонит вас даже на дереве. Единственное, что остается, — смотреть ему в глаза и попытаться напугать его: криками, стуком или хлопками. И лучше поднять над головой руки, чтобы казаться больше. Ну а на крайний случай можно притвориться мертвым. Говорят, порой этот трюк срабатывает: медведь обнюхивает человека и уходит, не тронув. А вот с носорогом ситуация обратная. От него нужно убегать зигзагами или забраться на дерево как можно выше. Вот, кстати, если о носорогах, один из них побывал здесь, и совсем недавно. — Сарос указывает на большую кучу помета в пару метров шириной. — Носороги всегда выбирают определенное место и испражняются там от 10 до 15 дней. А если учесть, что каждый раз он выдает не меньше килограмма, неудивительно, что навоза здесь так много.

Раби Али, изучавший в это время местность с верхушки дерева, спрыгивает с ветки и кивает — пора.

— Идти нужно как можно тише, — говорит нам Сарос, — наступать на траву бесшумно и стараться не разговаривать.

Мы киваем и выстраиваемся в колонну. Первым шествует Сарос, следом я, потом Ася, а замыкает нашу маленькую процессию Раби Али. Оба проводника держат бамбуковые палки и внимательно всматриваются в джунгли.

— Туда, — говорит наконец Сарос, и мы осторожно крадемся в самую чашу.

Я смотрю на него и не могу понять, притворяется ли он, разыгрывая шоу перед иностранцами, или действительно серьезен. Сарос припадает к траве, обнюхивает землю и ощупывает кору деревьев. Порой он жестами велит нам остановиться, идти быстрее или медленнее, а иногда достает бинокль и изучает горизонт. Мы выходим из зарослей и попадаем в тростниковую рощу, когда Сарос вдруг останавливается, вытягивает шею, как кошка, и напрягается.

— Вон там, — показывает он в никуда, — детеныш носорога.

Говорит Сарос одними губами, затем прикладывает к ним палец и увлекает за собой полубегом. Мы добираемся до ближайшего дерева, он указывает вверх и велит — забирайтесь! Я карабкаюсь первая, все еще сомневаясь в реалистичности происходящего, когда вдруг совершенно неожиданно вижу большого белого носорога в нескольких метрах от нашего дерева.

— И это детеныш? — шепчу я Раби Али, примостившемуся на ветке рядом со мной.

— Конечно, — кивает он, — взрослые носороги гораздо мощнее. Но детеныши более агрес-

сивны, поэтому их стоит опасаться в первую очередь.

Мы ждем какое-то время, пока носорог не уходит в джунгли, затем спускаемся и продолжаем свой путь. Но спустя всего пару минут слышим рев, треск мятого тростника и надвигающиеся на нас тяжелые шаги.

— Бежим! — приказывает побелевший Сарос, и через кусты мы ныряем вниз, к самой реке.

Затем замираем и прислушиваемся. Рев повторяется пару раз, но потом все смолкает.

— Сражающиеся носороги, — поясняет Раби Али.

— А почему они дерутся? — все еще шепотом спрашивает Ася.

— Скорее всего, делят территорию, — пожимает плечами Сарос. — Или сражаются за самку. В любом случае, на глаза им лучше не попадаться. Ведь проигравший носорог обычно зол и унижен, и он пытается напасть хотя бы для того, чтобы отыграться. Я слышал об этом много раз. — Сарос замолкает и принюхивается. — Чувствуете запах? — спрашивает он. — Это тигриная моча, особенный аромат, ни на что не похожий.

— Ну прекрасно, — смеется Ася, — зажатые между тигром и сражающимися носорогами... Даже не знаю, кого и выбрать!

— Лучше не выбирать, — серьезно отвечает Сарос. — Когда попадаешь в настоящие неприятности, становится не до шуток.

— А вы попадали? — спрашиваю я.

— Да, бывало, — кивает Сарос. — Например, однажды, пару лет тому назад, мы пересекали подвесной мост: я, еще один гид и четыре туриста. А внизу, у реки, был медведь. Он спустился на водопой, и я его не заметил. А когда мы уже почти прошли весь мост, медведь вынырнул откуда-то снизу в паре метров от нас... — Мы возвращаемся на тропинку, и Сарос продолжает рассказ на ходу: — Когда медведь нас увидел, он сразу же встал на задние лапы, растопырил когти, начал размахивать ими и попытался напасть.

— Большой медведь? — спрашиваю я.

— Ну как, — задумывается Сарос. — Ростом с человека, немаленький. Два туриста до того испугались, что прыгнули в ближайшие кусты. А я стоял перед медведем и стучал палкой по земле, чтобы напугать его. И вдруг — можете себе представить? — моя палка сломалась! Я оказался безоружным и совершенно не представлял, что делать дальше. Сам того не ожидая, я закричал и побежал на него. Ударил ногой. Медведь упал на землю. В этот момент как раз подбежал второй проводник и ударил его по голове. Медведь развернулся и убежал в лес. Да, вот вам и история, порой и такое случается, — улыбается Сарос нашим восторгам.

Потом вдруг замирает, прислушивается и снова увлекает нас за собой, за широкое дерево банныя. И спустя каких-то несколько секунд тропинку пересекает носорог — в том самом месте, где

только что стояли мы с Асей. Огромный, бронированный своими непробиваемыми доспехами, он выглядит фантастической «зверушкой», сбегавшим из древности динозавром. Настолько близко я носорогов еще не видела.

— Идет на водопой, — шепчет Раби Али, и мы бесшумно крадемся за ним до самой реки.

— Но ведь это — единственное, что отделяет деревню и джунгли, — говорит Ася, кивая на воду. — Неужели животные не переходят на противоположный берег?

— Да, бывает и такое, — говорит Сарос, указывая на оленей, пробегающих вдалеке. — Например, всего две-три недели назад из заповедника в деревню пришел дикий слон. Мы зовем его Рональдо. Шуму он тогда наделал — будь здоров. Я как раз заканчивал экскурсию и пытался пересечь на каноэ реку, когда увидел кричащих людей и агрессивного слона на другой стороне. А в этот момент одновременно подъехало четыре джипа с туристами и проводниками, то есть около шестидесяти человек разом оказались прямо перед слоном. Люди, конечно, перепугались. Кто-то полез в каноэ на берегу, кто-то попрыгал в воду. А слон, увидев все это, побежал прямо на нас. Я уложил людей на дно лодки и начал стучать по ней и кричать. Люди помогали мне, и слон испугался. Он развернулся и побежал в обратную сторону, прямиком на парня, который менял в то время масло. А он, на его беду, глухой от рожде-

ния и слона приметил не сразу. Но когда увидел, побегал со всех ног — как и был, вместе с канистрой. — Сарос вспоминает и смеется. — Слава богу, все обошлось. Слона загнали обратно в лес, а люди не пострадали. Но могло случиться всякое. Надо понимать, это же дикая природа.

Когда мы возвращаемся в деревню, уже темнеет. Единственное, о чем мечтаем, — добраться до постели и вытянуть уставшие ноги. Для нас, туристов, гоняющихся за дикой экзотикой, этот день заканчивается возвращением к электричеству, Интернету и безопасности. А парк оживает заново — на сей раз в новых лицах, воплощая образ свирепого и беспощадного духа ночных джунглей.

И раз уж ездить по Непалу мне приходится довольно много, пришло, думаю, время рассказать об этом подробнее. А именно про автобусы Непала, отличное средство знакомства со страной.

Автобусные рейсы — основной способ путешествовать. Здесь есть и железная дорога, и находится она в Джанакпуре — точка. Должно быть, самое локальное полотно на свете, да и, пожалуй, самое бесполезное — по Джанакпuru мы предпочли путешествовать пешком. А есть еще и самолеты, но их используют лишь тренеры, для остальных телодвижений возможности тут довольно скромные. Не успевает самолет разогнаться, как уже пора на посадку. Поэтому остаются автобусы. Как и самих жителей, их можно разделить на две категории: деревенские и городские.

Городскими автобусы называются лишь в том случае, если маршрут их включает остановки Катманду или Поухары. Их зовут еще туристическими, но за несколько наших поездок это название

оправдывали только мы. В основном же ими пользуются местные, да и условия не подтверждают заявленного статуса: разбитые, громыхающие каждой частью своего организма, эти автобусы трясут тебя настолько, насколько способны отвечать дороги их заразительному энтузиазму. А чтобы притупить твою бдительность, тебя стараются оглушить — представьте самую громкую вечеринку, умножьте эффекты на два, и вы получите примерную картину того, что происходит в непальском автобусе ночью и днем.

Еще в таких автобусах бывают кондукторы — молодые мальчишки, которые, высунувшись из открытых дверей, тормозят любого встречного, приглашая на борт, даже если шагает человек в другую сторону. Да это и не важно — сила обаяния творит чудеса: поворачивает реки вспять, раздвигает горы и дурманит несчастных прохожих. Забывая обо всем, они запрыгивают на ходу и едут в неведомые дали.

И так, раз за разом, автобусы набиваются донельзя. И кажется, мест больше нет, но это лишь наивное заблуждение. Увлекательная головоломка для мальчиков-кондукторов — как утрамбовать всех настолько, чтобы не осталось и свободной щели. Кругом стоячие, сидячие, сидячие на сидячих и лежащие люди — поверить в это сложно, надо просто увидеть. И вот что интересно — при всей этой угнетающей духоте и близости пассажиры чувствуют себя прекрасно. Смеются, общаются

всем автобусом и помогают новому бедняге поместиться. Когда же кто-то достает телефон и начинает разговор в обычной здесь манере — а это сплошные крики, — никто не раздражается и даже не обращает внимания. «Бистаре, бистаре» («Помедленней, помедленней»), — говорят здесь тому, кто выходит, — не торопись! Никто тут не торопится, и ты не торопись. Здесь это общее правило, вот почему непальские автобусы никогда не приходят вовремя.

Так мы обычно и едем — с ребенком на одной коленке, со старушкой на другой и с кем-нибудь посередине. А еще с нами пытаются общаться — порой на ломаном английском, но чаще всего на непальском. Вопросы обычно одни и те же: «Куда едешь?», «Сколько живешь здесь?», «Чем занимаешься?», и наши скудные познания непали всегда приводят всех в восторг.

Но настоящий Непал городскими маршрутами, как водится, не понять. И если вам хочется привести отсюда еще одну невероятную историю, отправляйтесь в деревню. Только учтите, нервы ваши должны быть крепкими, а желудки — пустыми. Иначе не выдержать сумасшедшего серпантина или же пассажиров, которые его не выдерживают. Иронии происходящему добавит музыка — здесь песни нескончаемы, и меняют их лишь тогда, когда и водителю они уже надоели, а выходит, крайне редко: этого парня так просто не проймешь.

Деревенский автобус напоминает цыганский балаганчик: портативный алтарь на приборной панели, щедро забитый цветами, свечами и ароматическими палочками — здесь в воздаяниях Шиве или Кришне скупиться не принято; толстая разноцветная бахрома по лобовому стеклу и прочие украшения на вкус водителя: фонарики, засохшие венки, плакаты с Лакшми или белыми младенцами.

Заговаривать с тобой здесь уже опасаются, зато внимательно рассматривают и тебя, и твои книги всем автобусом. Потрогать тоже пытаются — ненавязчиво так, почти деликатно. Зато уж если вы сами кого-нибудь задели, будьте уверены — теперь это станет историей недели на всю деревню. Ну а самые смелые достают украдкой телефоны и делают селфи — носовые, подбородочные и еще миллион различных вариаций, где в верхнем левом углу можно найти маленького белого человека.

В деревенском автобусе бывает еще теснее, ведь на сей раз делить его приходится не только с людьми, но и козами самодостаточного вида, курами, периодически сыплющимися с верхних полок, мешками с рисом, кукурузой и прочей снедь. Поэтому половина автобуса едет снаружи — вывалившись из дверей, всегда открытых, или наверху. И среди этих счастливцев можно теперь отыскать и нас, возвращающихся в Мальбасе, болтающих ногами и облегчающих мандариновые запасы на крыше.

Когда останавливаюсь где-нибудь на несколько дней и уж тем более селюсь надолго, я придумываю маленькие традиции, связанные с этим местом, чтобы почувствовать себя как дома. Например, выбираю любимую кофейню и ужинаю там каждый вечер. В Катманду для меня таким местом стала кондитерская и вегетарианская столовая по совместительству *J.M.B. — Janaki Mithan Bhandar*, что в переводе означает «Сладости лавки Мистан», а Мистан — это индуистский храм неподалеку.

Чистое, по меркам Непала, очень светлое и просторное заведение, где каждый вечер в компании местных жителей, буддистских монахов и тибетских старушек я ела бесподобные овощные момо, пури таркарри (воздушные промасленные лепешки с острой подливой и нутом) и самые вкусные самосы (непальские пирожки с картошкой и бобами), какие мне доводилось встречать здесь.

А чтобы избежать однообразия, я заказывала каждый раз новую сладость.

Маленькие, невзрачные, словно вылепленные из сырого теста, непальские сладости заслуживают, однако, высшей похвалы. От привычных нам западных лакомств они отличаются не только внешне — по вкусу я никогда не пробовала ничего подобного. В первый день, например, заказала барфи, крошечный молочный тортик с запахом кардамона. Потом попробовала творожные шарики *расбари*, шарики из теста *лалмохан*, пропитанные медовым сиропом, с кунжутом и *джалеби*, хрустящие завитки, *ладду* из обжаренной нутовой муки и сухофруктов и, наконец, *юхир*, сладкий молочный рис с фруктами и орехами. Запивала все это обычно чаем *масала*, традиционным как в Индии, так и в Непале: сваренным в молоке с различными специями. Однажды попробовала и тибетский чай, но решила оставить подобные эксперименты — поклонником соленого *бо-ча* с молоком и маслом яка я точно не была.

Помимо еды, всегда с печи, горячей и свежей, я наслаждалась тем, что выражает это скупое слово — «сервис». Мне всегда были рады, я подружилась с девочкой на кассе, которая каждый вечер расспрашивала о том, что я успела увидеть за день. Она всегда выбирала мне кусочек побольше, а усач-разносчик старался обслужить меня в первую очередь. Чаевые в Непале включены в счет, так что подобный жест говорил лишь об особом расположении, что я очень ценила. И одной из главных причин, по которой я выбрала именно

эту кофейню, была — как вы думаете? — скорость. Так быстро, почти по европейским стандартам, меня не кормили нигде.

В среднем еду в Непале приходится ждать от получаса до целого часа, а в редких случаях даже дольше. Поваров на непальской кухне обычно не больше двух, а чаще всего это один человек, который, как поговаривала Элли, готовит тебе еду «с большой любовью», а это значит неторопливо и со вкусом. Кормят в Непале действительно бесподобно, но чтобы узнать и оценить это, нужно иметь недюжинную выдержку.

А еще тут не умеют говорить «нет». Нередко так бывает: заказываешь простой рис и чашку крепкого черного чая, а тебе приносят сладкий молочный масала и тарелку лапши, порой даже две — вдруг ты смертельно проголодался? Риса, выходит, на кухне не оказалось. Ну а масала, будем думать, творческий подход повара.

Но особую изобретательность проявляют хозяева гест-хаусов в треке, которым нужно во что бы то ни стало оставить тебя в своих объятиях на грядущую ночь. Что только они не пишут в своих меню! На деле же оказывается лишь картошка, лапша да яйца на завтрак, ну и, конечно, знаменитый даль бат. *Dal bat power 24 hours*¹ написано на футболке каждого третьего проводника в треке. Не уверена насчет целых суток, но то, что чечевица

¹ Сила даль бата — 24 часа (англ.).

(даль) и рис (бат) — лучшая еда для подъема и питают они тебя долгие несколько часов, проверено практикой.

А вот в Покхаре, например, кухня самая разнообразная. На этом туристическом перевале мы оторвались как следует. Помимо обыкновенных непальских туклы (суп-лапша с овощами или мясом), момо (пельмешек) и даль бата, мы перепробовали каждую пиццу, спагетти и даже бургеры, какие нам только встретились. Хотя нет, неправда, бургер с яком я отведать так и не решилась. Мне хватило кофе с молоком яка в трене — неповторимый и насыщенный вкус вонючих носков (хотя до «колы масала» с солью и перцем, которую заказала в Джанакпуре Ася, кофе с яком еще далеко). А по утрам в Покхаре мы заказывали капучино и круассаны в ближайшей пекарне — извините за этот виртуальный смак, но, питаясь в деревне рисом три раза в день, мне ничего больше не остается, как вспоминать эти счастливые моменты.

Но если уж говорить о деревне, об этом самом бесконечном рисе, то нелишним будет добавить — готовят его здесь так, что даже спустя два месяца он мне ни разу не надоел. Секрет тут, должно быть, кроется в специях, а их же бесчисленное множество: перец черный и чили, тюрмирик, горчица, кориандр, куркума, зира, карри... Все это на масле с обжаренным луком, чесноком и имбирем, с добавлением кинзы и маринада ачар. И эта гремучая смесь уже через неделю делает кожу и во-

лосы жирными, а пот — желтым, но превращает как будто бы знакомый тебе рис каждый раз в новое блюдо. Едят его тут с овощами — бобами, картошкой, редиской и зеленью, — добавляют сказочно вкусное топленое масло гхи и мясо, но только по большим праздникам.

Говядину здесь, ясное дело, не едят, так как корову — священное животное — в Непале почитают за образ матери. Ведь она отдает человеку свое молоко, и при том добровольно: корова сама просит, чтобы ее подоили. А еще она символ удачи. Не раз я видела, как человек, проходя мимо коровы, касается ее мимоходом — в точности как нашего пса на «Площади революции», затертого уже до золота.

Зато в Непале с удовольствием едят курятину, козлятину и свинину (те касты, которым разрешено есть свинину). В Мальбасе, например, живут два поросенка, а зовут их Рождество и Пасха, попробуйте угадать почему. Коз школа тоже разводit, в основном, правда, для того, чтобы удобрять землю фермы, но случаются и другие причины, как, например, школьный пикник. Убивают их здесь по-особенному. Как-то раз мне довелось застать эту кровавую и древнюю церемонию.

Жертвоприношения обычно оправдывают жаждой крови богини Кали — жестокого женского архетипа (как много «ж» в одном предложении — не зря же иностранцы говорят, что русский язык жуж-

жит). Все здесь происходит не просто так — и животное убивают ради божественного утешения и с целью «очистить энергетику от дурного». Готовятся долго: приносят жертвенный камень, длинный и острый, обматывают нитью его и три стебля растения позади. Между камнем и стеблем втыкают белый цветок. Как поясняет Асис, неважно какой, лишь бы не желтого цвета. На верхушку камня кладут монету и бумажные рупии — символ благосостояния. Сам камень обмазывают красной пудрой и зажигают ароматические палочки у его подножия. Туда же кладут и рис, завернутый в листья, — символ успешного урожая. Начинается молитва. «Могущественная Кали, благослови эту землю, и эту школу, и всех детей в этой школе и дай им терпения и усидчивости», — переводит мне Асис слова шамана. А потом приводят козла. Спокойный, он стоит и с удивлением ждет, что будет дальше, — ждет, пока его не начинают поливать водой из кувшина и сыпать на голову и тело рис, смывать его и сыпать заново. Тогда он жалобно блеет и пытается вырваться, его возвращают обратно и ставят мордой на юг — туда, где в нескольких километрах от школы прячется в горах храм богини Кали. Недоумевая, но уже успокоившись, козел решает не терять времени даром и начинает жевать все вокруг себя — жует, пока его поливают и осыпают рисом, и даже тогда, когда привязывают на шею веревку. «Вот сейчас его и задуют», — думаю я, но ошибаюсь. Вербку чуть

позже снимают — она оказывается лишь символом одежды, о которой просят крестьяне. А потом козлу брызжут водой под хвост, заламывают копыта и запрокидывают голову (впечатлительным дальше читать не советую).

Кричит он совсем недолго — просто не успевает понять. Шаман достает кукури и отрезает ему полголовы. Кровь брызжет во все стороны, и он направляет ее на жертвенный камень, потом на рис в листьях. Когда же поток слабеет, он снимает голову до конца и бросает у камня. Красный рис шаман перемешивает и ставит им тикку — Асису и нескольким наблюдавшим индустам, собравшимся ради этого нечастого представления. А голова у кровавого камня продолжает жевать траву.

МАГИЯ
ИНДУИСТСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ

В один из последних дней лета непальская женщина встает ранним утром, оmyвает свое тело и надевает лучшие одежды и украшения. Не выпив и стакана воды, она выходит из дому и идет в храм — помолиться о том, чтобы найти себе мужа: такого же славного и красивого, как сам Шива-бог. Так начинается второй день Тиджа — женского фестиваля и первого праздника, который мы здесь увидели.

Мы с Асей приехали в Непал в конце августа и попали прямоком в разгар Тиджа, на улицы, разукрашенные зелеными, красными и золотыми пятнами сари, где под музыку и национальные песнопения происходило действо, которое нам довелось наблюдать со стороны. А вот Элли и Яне в деревенской компании повезло гораздо больше. Их нарядили в ярко-красные сари¹ и провели с ними все надлежащие обряды, о которых они после и поведали нам.

¹ Красный цвет в Непале — цвет ответственности за семью, как рассказал нам Ринеш, друг из Патана.

— Фестиваль длился три дня, — рассказывает Яна, — и каждый день происходило что-нибудь новое. В первый день, например, они переоделись в красивые одежды, собрались вместе и танцевали.

— И пели, тата, — добавляет Элли, — религиозные песни, восславляющие отношения Парвати и Шивы. Я слышала, что это единственный день в году, когда женщина получает полную свободу самовыражения, поэтому в своих песнях она рассказывает о нелегкой судьбе. Делится болью, о которой в обычной жизни должна молчать и сносить безо всяких жалоб. А в городах в этот день женщины обсуждают всякие социальные вопросы, выступают против дискриминации.

— И организовывали весь этот праздник, что интересно, мужчины, — продолжает Яна. — Женщины в этот день вообще не работают, только обходят братьев, которые угощают их и дарят подарки. А они танцуют и поют до самой полуночи. А следующие сутки постятся.

— Я тоже пробовала, но ни черта не вышло, — вздыхает Элли. — Два часа в гору в сари голодной — задача не из легких. Нас ведь тоже нарядили, и мы ходили в храм, ставили свечи. Просили о муже...

— Только представить такое в России, — улыбается Ася. — В определенный день женщина надевает свое лучшее платье, идет в церковь и молится о том, чтобы у нее был муж, как Иисус Христос! А замужним что делать?

— А они молятся о мире и достатке в семье, — отвечает Яна. — О детях и долголетию мужа.

— А вечером, когда все возвращаются из храма, — говорит Элли, — они зажигают масляные лампы и следят за тем, чтобы те горели всю ночь. Мне они сказали, что это символ мира и процветания. Третий день — омовение в кустах дативан. Такой вот акт очищения. Считается, что, если ты искупаешься в пыльце этого куста и помолитшься семи каким-то там мудрецам, твои грехи обнулятся.

Непальский фестиваль — событие красочное и особенно громкое. Нам посчастливилось побывать на трех из них. Но особенно подробно я хочу рассказать о двух главных — это Досаин и Тихар. Праздники, которые увидит тот, кто приедет в Непал ради трена в самый сезон, в октябре.

Досаин, или, иначе, Дурга Пуджа, самый длинный и ожидаемый фестиваль в Непале. Он длится целых пятнадцать дней. Без религии здесь конечно же не обошлось. А поводом выбрали сюжет почти тривиальный — победа добра над злом, или победа Дурги, богини мудрости и правды, над демоном Махисасурой (попробуй-ка выговори). Ну а если же по-простому, это праздник семьи и кровных уз, который собирает всех членов семьи за ужином *нактиа*, когда проводятся специальный обряд тини и другие совместные ритуалы. Но обо всем по порядку.

Начинается Досаин на вторую неделю месяца ашвин церемонией *Гатасталана*, что в буквальном переводе означает «положение горшка». Горшок этот называют *калаша*, и символизирует он здесь саму богиню Дургу. Обыкновенно его наполняют святой водой, накрывают сухой коровьей лепешкой и засеивают ячменем, рисом или кукурузой. А после помещают в специальную комнату, темную и закрытую для женщин, в песчаный прямоугольник, который тоже засеивают. Каждый дом приглашает священника, тот читает молитвы (*пуджа*) и просит Дургу о благословении и подарках. Дважды в день мужчины поливают посеvy, и к десятому дню прорастает священная трава *джамара*.

Но главное празднество происходит на седьмой день Досаина, *Фулпат*, когда священная процессия шествует мимо резиденции президента (а раньше дворца короля) и непальская армия устраивает праздничную стрельбу.

Восьмой день, кровавый *Маа Астами*, — время жертвоприношений богине Кали. В этот день, как рассказывает Асис, ненасытная Кали расстилает свой длинный язык, покрывает им землю и требует крови.

— Вот вы знаете, как выбирают богиню Кумари? — спрашивает Асис. — Ту самую живую богиню, девочку, запертую во дворце до первой менструации? Последним испытанием, решительным экзаменом, так сказать, является одна кровавая

церемония, которая происходит как раз на восьмой день Досаина. В храм Теледжу Бавани сгоняют 315 животных — 105 буйволов, 105 козлов и 105 быков — и рубят им головы, всем до единого. А потом оставляют там девочку на ночь, запирают ее со всеми отрубленными головами. Утром ворота распахивают и выпускают ее наружу — уже богиней Кумари.

На девятый день, *Маа Навами*, церемонии жертвоприношений достигают пика — на королевском дворе под салют продолжается кровавая резня. В индуизме есть один эпизод, где рассказано о том, как демоны пытались спрятаться в телах животных и птиц. Так вот, кровопролитие оправдывают ловлей демонов. Защитники животных негодуют, но традиция, подкрепленная веками, я думаю, еще не скоро изживет себя.

В этот же день поклоняются Висава Карману, богу творения, и механики, ремесленники и торговцы поливают кровью свои инструменты. Ею же кропят и машины, так как верят, что поклонение технике позволит избежать несчастных случаев.

Ну а следом, начиная с десятого дня, *Биджа Дашами*, и кончая пятнадцатой ночью полной луны (*Коджаграто Пурнима*), происходит самая приятная часть Досаина — покупка новой одежды (а для бедняков единственный повод в году приобрести ее), семейные ужины и церемонии нанесения тики. Обыкновенно тика, точка меж бровей,

это украшение, а у корней волос — отличительный знак замужних женщин. Тика в храмах и священных местах — благословение, как то, что мы получили от брахмачария в ашраме вишнаитов. Нанесение тики по праздникам — особый ритуал; на каждом фестивале он проводится по-разному и несет свое значение. Нанесение тики во время Досаина — это напутствие и благословение старших родственников младшим. Ее ставят рисом, замешанным на йогурте с красной пудрой вермилион. Младшие родственники обходят дом за домом, и их тика все растет и растет, пока уже весь лоб не будет покрыт красным слоем риса вперемешку со священной травой джамара.

— Получив тикку и немного денег — *дакшину*, — ты обязан покачаться на качелях — такой ритуал, — рассказывает Асис.

Бамбуковые качели *линг* — один из главных символов Досаина. Как и воздушные змеи, которых запускает со своей крыши каждый, это способ напомнить богам, что пора бы уже прекращать дожди: Досаин приходится на самый конец муссонов.

А в последнюю ночь Досаина никто не спит. В эту ночь Непал поклоняется Лакшми, богине достатка. Здесь верят, что в это полнолуние она спускается на землю и дарует богатство тем, кто бодрствует.

Конечно, в эти пятнадцать дней фестиваля никто не работает. Все магазины и предприятия за-

крыты, детей отпускают на каникулы. А спустя всего две недели начинается Тихар, фестиваль света, праздник, в котором мы принимали уже непосредственное участие.

Фестиваль этот необыкновенно красивый. Индуисты прибирают свои дома, красят их заново и освещают — иллюминацией в городах и свечами в деревне. Вечерами рассыпают на пороге цветной песок и рисуют им узоры, приглашая в дом Лакшми.

Тихар длится пять дней, и каждый день непальцы поклоняются кому-то новому. В первый день, например, воронам. Их карканье — символ смерти и печали, поэтому ворон стараются накормить и задобрить.

Второй день Тихара — поклонение собаке. Ее угощают, вешают на шею венок из рыжих бархатцев (мериголдов) и благодарят за преданность и любовь в отношении к человеку.

На третий день поклоняются корове, символу матери, и богине Лакшми. В этот день мы с Асей оказались в Джанакпуре, побродили по ярмарке, где продавали цветы, разноцветный песок, орехи, сладости (особенно много кокоса) и праздничные гирлянды. На наших глазах несколько грузовиков привезли целый ворох пальм, которые в считанные часы установили почти у каждой лавки и украсили свечами, словно у нас новогоднюю елку.

Всю следующую ночь непальцы танцуют и поют: девушки — свои песни бачло, парни — баллады

деуси, где один человек запеваёт, а остальные повторяют его строку. Одновременно здесь петь не принято, вот почему песенки с малышами, вроде «Хуки-Пуки» и «Старого Макдональда», мне даются не без труда. А иногда, как рассказывал Субасдай, происходят музыкальные соревнования между девушками и парнями — бесконечные, как и все непальские песни, порою до самого рассвета. Это всегда сплошная импровизация, один куплет поют парни, другим им отвечают девушки, и так до тех пор, пока кто-нибудь не запнется. Если проигрывают девушки, парни выбирают себе спутниц; если парни — выбор за девушками.

На четвертый день Тихара поклоняются горе Говардан, которую Кришна, по легенде, поднял над землей и заслонил ею людей от ливней. А символизирует эту гору коровья лепешка, и поклоняются, выходит, ей — украшают ее цветами и отмечают начало непальского года.

И наконец, последний день Тихара — день человека, праздник тики. По преданию, бог смерти Ямарадж посетил в этот день свою сестру, богиню Ямуну. Она поставила ему тикку, угостила всяческими яствами и повесила на шею цветочный венок. Они разговаривали, наслаждаясь обществом друг друга. Ямарадж подарил сестре подарок в знак привязанности, а она не осталась в долгу. Тогда Ямарадж в пылу теплого чувства провозгласил, что никто в этот день не умрет, если получит тикку. И с тех пор сестры в последний день празд-

ника ставят тилу на лоб своим братьям, благодаря их за защиту и молясь об их долгой и достойной жизни. Такова легенда.

Когда Гома, дочь Фулу и Макармамы, ставит тилу Сабину и Суману, меня зовут фотографом, а девочек — зрителями. Мы наблюдаем красочный ритуал, а когда он заканчивается, нас вдруг сажают на место мальчишек и совершают над нами все то же самое: обходят по кругу с ароматическими палочками и стелющим парафином горящей свечи. Смазывают волосы маслом и ставят семицветную тилу, черпают пудру из своей индуистской палитры. В рот нам кладут кокос, а на шею вешают цветочный венок. А потом приносят угощение — овощи, свинину и рис на листовых тарелках.

Впервые в жизни я получаю тилу. Пускай нелогично — ведь какой из меня брат? Но сестру я внезапно обретаю, а вместе с ней и все непальское семейство. Жест получается очень красивым, и Фулу, с которой прежде мы общались не так уж и часто, с тех пор становится мне гораздо ближе.

Как-то однажды, еще в начале нашей практики, я призналась Асе, что этих детей можно либо возненавидеть, либо полюбить. И как же рада я, что случилось последнее!

Смешно сравнивать нас прежних с нынешними, сидящими на лавочке у школы и весь перерыв болтающими не о книгах, не о фильмах, а о детях: кто сегодня тебя рассмешил, чем пришлось завоевывать внимание и как удалось поставить очередного умника на место. Теперь и Ася, и я уже не робкие, заикающиеся новички — спустя каких-то два месяца мы уверенно заходим в класс, добиваемся тишины одним взглядом, а интереса — шуткой. Нас начали уважать, перестали стесняться, и отношения между нами и детьми теперь определяет доверие, которое с нашей стороны разрешает им оставаться детьми, шумными, энергичными и несерьезными, а с их — побуждает становиться внимательными и усидчивыми учениками. Теперь уже не мы, а они пытаются нам понравиться и соревнуются за на-

ше внимание, ведь только от учителя, как мне кажется со времени приезда, они могут получить ласку. И именно ему они и пытаются выразить свою скупую, порой грубую, порой стеснительную, но искреннюю детскую любовь.

Да, с детьми в Непале не возятся — они работают наравне со взрослыми, с утра и по вечерам, когда заканчивается школа. Они работают и по выходным — собирают рис, пасут скот, переносят тюки с травой, таскают сучья и камни, присматривают за младшими, но при этом удивительным образом сохраняют мировосприятие и жизнелюбие, свойственные детям в любой части света. Я смотрю на них и угадываю себя, своих друзей много лет назад — ничего не поменялось, все тот же восторг и жадное любопытство, и чудеса за каждым углом. Вот только мечты у них гораздо скромнее, ведь смелость фантазии определяет горизонт. И в наших историях они находят единственную возможность услышать о том, как может быть и к чему надо стремиться. Когда осознаешь значимость дела, которое увлекло тебя, значимость мысли, какую ты несешь формирующемуся сознанию, уже невозможно оставаться в стороне, не получится. И это истощает и наполняет одновременно — впервые в жизни я чувствую, что занимаюсь чем-то важным. Чем-то, у чего есть результат, конкретный и положительный. И тем, что я наконец полюбила.

Моя работа до сих пор не кажется мне простой — за каких-то четыре часа в день я устаю гораздо больше, чем за восемь когда-то в издательстве. Но иду на урок с удовольствием, а порой это единственный способ сбежать от «творческих кризисов» и угнетающих мыслей, когда не можешь написать и строчки.

Учебный процесс здесь организован иначе — полной тишины никто и не ждет. Оценок не ставят, дневников не ведут, родителей в школу не вызывают. Единственный способ контролировать обстановку — полагаться на свой авторитет, вот почему так тяжело поначалу. Кричать приходится много — не потому, что кого-то ругаешь, а лишь затем, чтобы все тебя услышали. В какой-то момент я придумала уловку и стала назначать двух капитанов — учеников, которые должны следить за тишиной. Обычно это два самых шумных ребенка.

Домашние задания давать смысла нет — почти никто их не выполняет. Меня это сердило поначалу, пока Яна однажды не объяснила мне, что возможности делать дома уроки нет почти ни у кого — из-за работы, которая ждет после занятий, а еще из-за отсутствия электричества. Поэтому освоить всё стараемся в классе — в *ischool* (ишколе): смешная особенность непальцев прибавлять букву *i* ко всем словам, начинающимся на *s*.

Учиться дети любят, особенно отвечать на твои вопросы и писать у доски. «Мисс, меня! Спросите

меня! Меня, Энни-мисс!» — кричат они со всех сторон даже тогда, когда и понятия не имеют, что от них требуется. Им просто нужно твоё внимание. Они постоянно соревнуются поэтому и ябедничать здесь не считается постыдным. «Сантос списывает, мисс! А Сусилла меня ударила! Хотите, я расскажу Асиссеру, что Житен разговаривал на уроке?» — ябедничают тут все, и никто ни на кого не обижается. Хотела бы я отучить их от этого, да не могу — такова политика школы. А может быть, и всей страны. Меня это поначалу коробило, как и общая здесь привычка не говорить «пожалуйста» и «спасибо» — в Непале люди не выражают свою благодарность словами, но всегда показывают это делом. Поэтому я и ухожу каждый день с подарками: дети несут мне апельсины, мандарины, крыжовник и мускатный орех.

Да и на школу, если говорить откровенно, наши глинобитные, обмазанные коровьими лепешками и накрытые соломой хижины с пробоинами вместо окон и дверей похожи мало. Зато все дети носят форму, красную, в клетку (напоминающую, правда, пижаму), и шлепают по земляному полу босыми — уже привыкли.

Девочек от мальчиков, особенно в младших классах, отличить бывает сложно — бритые отвшей, с разукрашенными облезшим уже лаком ногтями, сережками в носу и ушах (или же просто палочками, когда денег на украшения не хватает)

и обязательной тикой меж бровей. В Непале нет разделения на женское — мужское, когда дело касается яркого и красивого, и наш сорокалетний Макармама, хозяин деревни, разгуливает по двору, обмотанный в ярко-малиновый шарф с фиалками. Здесь это не осуждается. Как, например, и проявление мужской симпатии — мальчишки обнимаются и держатся за ручки. Но стоит только кому-нибудь из них дотронуться до девочки, сразу же начинаются крики, смех и кривляния.

Когда дети мерзли и я принесла спальные — по одному на парту, чтобы кутаться, как в одеяло, — мальчишки и девочки наотрез отказались делить спальник на двоих.

Может быть, как раз из-за этих порядков или же потому, что воспитываем мы начальные классы — до 13 лет, я ни разу не видела проявлений школьной любви. «Любовь приходит в нашей стране после брака», — говорит Асис, а брак в деревне до сих пор устраивают родители. Такая установка.

И может быть, говорить это неправильно, но лукавить не хочется — какие-то дети мне нравятся больше, какие-то меньше, а с некоторыми я просто заставляю себя вести так же, как с остальными, и получается это не всегда. Такие ребята, как Дев и Падам, слывут здесь наглецами, но главный их недостаток не в этом. Вся эта наглость — обыкновенная фамильярность, лишь неудачный способ привлечь внимание учителя, какое в другой ситуации они стараются завоевывать лестью или доносами.

Другое же дело — настоящие бунтари. Сломить их невозможно — им проще проглотить язык, чем извиниться перед тем, кого они обидели, как им казалось, справедливо. Они не гонятся за симпатиями, и потому гораздо сложнее заставить их делать что-то, что им не нравится. К таким детям всегда нужен особый подход и больше внимания, но редкий учитель на это способен. А зря, ведь обычно упрямство и независимость такого ребенка скрывают большой потенциал. Как, например, у бойкой семилетней Дурги или у дикой Асы, нашей Маугли, потерянной в детстве в джунглях.

Учителям, насколько я помню со школьных времен, гораздо больше нравились дети, как Ревати или президент школы Сабин, сын Макармамы и Фупу, — серьезные, усидчивые и довольно амбициозные: им важно быть первыми. С такими работать проще всего, но смертельно скучно. Мне же по душе энергия и задор Тики, Мандипа или Бимала. Не менее способные, они все схватывают на лету, а оставшееся время просто не могут усидеть на месте. Урок с их подачи проходит с боем и шутками. А есть просто смешные ребята, их я тоже очень люблю: добродушного коротышку Гошала, который похож на гнома, ушастую Рузму и глазастика Ужала, Прабина с его беззубой, но самой очаровательной улыбкой на свете.

В Непале дети, увы, не очень творческие, и им всегда нужен пример, который можно копировать.

Первое время это меня расстраивало. Мне хотелось писать с ними книги, иллюстрировать сказки и выдумывать новые игры. Но все, чего удавалось добиться, было блеклым и неловким. И потому, когда я разглядела наконец художника Сандеса и его самостоятельное воображение, неординарного Имана, они стали моими любимыми учениками. Но об этом я, конечно, им никогда не расскажу.

ПОСЛАННИКИ
ДОБРОЙ ВОЛИ

— **М**альбасе, — это зачарованный лес, только представьте, — говорит как-то Элли. — Каждый обитатель здесь персонаж. Фупу, например, хоббит. Я это сразу поняла, как только ее увидела. А Бимала — это, конечно, тролль.

Я смеюсь, вспоминая, как пронзительно та кричит по утрам.

— А я? — спрашиваю Элли.

— А вы с Асей — духи воды. Обходите все камни и спокойно добираетесь, куда шли. Бруно точно такой же.

— А я дух огня? — подключается Яна.

— Ветер. Ты слишком импульсивна для огня.

— А кто же тогда огонь? Асис?

— Нет, тата. Асис скорее камень.

— Так ты для себя эту роль оставила? — смеется Яна.

— Ну, — Элли улыбается, — порой мне кажется, что я маленькая фея Тин-Тин. А иногда — сказочный великан, защищающий лес от опасностей.

Удивительно точно она смогла передать то, что думала о ней я сама. В свои двадцать девять лет крупная Элли с сильным, почти мужским голосом сумела сохранить какой-то ребяческий задор, что выглядит инфантильным, пока не узнаешь ее поближе.

С прекрасным чувством юмора, очень прямая и свободная, Элли сразу мне понравилась. Она выросла во Франции, работала в Германии несколько лет и путешествует с самого детства. Своими поездками Элли живет — настолько не привязанного ни к чему человека я встретила впервые. Даже серьезные отношения ее пугают, не говоря уже о семье, ведь оседлость для Элли смерти подобна.

— Общество навязывает нам модель: к такому-то возрасту женщина должна иметь ребенка, семью и кучу ответственности, — говорит Элли. — И теперь мне приходится встречаться с парнями младше меня, потому что мужчины моего возраста ждут от отношений определенного сценария. Через полгода они говорят тебе — ну всё, я готов, давай делать детей. Дружнице, ты позабыл спросить, готова ли я. Вообще говоря, мне очень сложно довериться. Мой отец был безответственным мудаком, и плодить одиноких людей и дальше у меня нет никакого желания.

То, что отец ее был немцем, Элли узнала, когда ей исполнилось почти двадцать лет. Его семья, несмотря на то что была фермерской и никакого отношения к СС не имела, скрывала свою нацио-

нальность после Второй мировой войны. Даже «постыдную» немецкую фамилию они сменили на французский манер, как и образ жизни.

— Я всегда была белой вороной среди своих французских родственников, маленьких и чернявых, и не могла понять, в чем моя проблема. Они-то вообще из испанских цыган родом. Да и по характеру мы совершенно разные. Я вспыльчивая, непримиримая, а вот мама — человек очень спокойный, супермиролюбивый. В молодости она жила в одной из этих хиппи-коммун. Ее семья переехала из Марокко, и она сразу же угодила в этот революционный мир Франции тех лет. Я выросла в этой среде. У мамы был мотоцикл, и мы часто катались по стране с ее друзьями. Я была там единственным ребенком, и меня все, конечно, обожали. Тискались со мной, как с маленькой принцессой. А по выходным мама часто будила меня пораньше, и мы путешествовали по окрестным деревням на ее минивэне — знаете, этот маленький хиппи-автобус. Я была суперсчастлива.

В Мальбасе Элли прожила пять месяцев, а после, не изменяя своим привычкам, двинулась дальше. И за несколько совместных недель она оставила мне многое, гораздо больше, чем я получала от остальных за годы. Она научила меня принимать чужую культуру, уважать традиции и верить людям.

Простились мы без сожалений, ведь это главный урок путешественников: пока место занято,

никто не сможет войти в твою жизнь и дать тебе что-нибудь новое. А «новое» обещало все то же французское обаяние, с дорогими сердцу *merde*, *putane* и *U-lala*. И вошел в нашу жизнь Камиль, с другом Марвином на несколько недель приехавший в Сагарматху.

— Мерси бою, — кричат Камиллю пробегающие мимо дети.

Он усмехается и поворачивается ко мне:

— Знаешь, в чем разница между «мерси бою» и «мерси боу»? «Мерси бою» значит «красивая задница».

— Спасибо за готовку, — говорит Ася, подсаживаясь за стол.

— Да у меня не было выбора, — разводит руками Камиль.

— Чем займешься сегодня?

— О, у меня тут целый список. — Манерным жестом он открывает блокнот. — Загляну в бассейн, а то абонемент кончается. Потом у меня массаж. Пообедаю в хорошем ресторане, а потом схожу на этот новый фильм...

Камиллю тридцать. Хотя родом он из Франции, на вид скорее ирландец: рыжая борода, глубоко посаженные темные глаза и целая карта избородивших его лицо впечатлений — география сложная и откровенная. К пятому году своих странствий он дважды успел поработать в Австралии, исколесить ее вдоль и поперек и двинуться даль-

ше, к берегам Новой Зеландии и Новой Каледонии, оттуда — к островам Индонезии, Вьетнаму, Таиланду и через Лаос — на байке. В Непал он попал, работая над своим проектом, и в школу нашу скатился напрямик со склона Эвереста, который штурмовал со своим другом Марвином; его же он прихватил и в Сагарматху.

За пару недель до поездки в Индию, грядущую станцию его проекта, он собирается воплотить свою задумку. А идея следующая: международная коммуникация детей разных стран. Отправной точкой стала когда-то Франция, откуда чистые и аккуратные дети передавали привет и задавали вопросы школьникам Новой Зеландии. А те, в свою очередь, подопечные строгой системы островного образования, немного смущенные, немного зажатые, но очень ответственные малыши, салютовали нам. Лохматым, чумазым, свободным и непосредственным чертятам непальской деревни. «Есть ли у вас чистая вода?», «Что вы выращиваете?», «Сколько часов добираетесь до школы?» — долетают до нас вопросы с материка. «Говорите ли вы по-английски в своей школе?», «Видите ли зеленые холмы?», «Кем хотите стать, когда вырастаете?» — отправляем мы свои индийским школьникам.

Каждое утро мы обнимаемся, приветствуя друг друга, на церемонии утреннего круга. Не знаю даже, кто выдумал эту традицию, но смысл она несет гораздо более глубокий, чем может показаться.

Она сближает детей разных наций, социальных слоев и вероисповеданий. Утверждает равенство, основанное на доверии и взаимопомощи. Несколько минут мы тратим на то, чтобы круг был идеально ровный и чтобы все могли видеть друг друга. Проект Камиля всегда представлялся мне таким же утренним кругом. Масштабом, конечно, посмелее — от Индии он планирует двинуться к острову Шри-Ланка, а после — во Вьетнам и Камбоджу. А может быть, удастся добраться и до Африки, Южной Америки и — кто знает! — Мексики. Так далеко Камиль не загадывает.

Все планы его сводятся к следующему — познакомиться с детьми, на что он тратит целую неделю. Предложить им написать поэму. Разрисовать одну из учебных хижин. Спеть песню и рассказать о себе. Ответить на вопросы и задать свои. И снимать, снимать без остановки — школу, деревню, страну. Камиль живет своим проектом, а вечерами, когда отвлекается, мы узнаем удивительного человека, и каждый день заново.

— Есть люди вроде Марвина, — делюсь я с Асей. — Их жизнь безумно интересна, но они умудряются рассказать о ней сразу и целиком. В пару вечеров Марвин уложил все свои трехлетние приключения — и произвел, должно быть, то самое впечатление, которого добивался. Он выглядел героем, безбашенным путешественником, следующим пророком, не иначе. Я ходила за ним хвостом

и ждала продолжения, вот только рассказывать ему было уже нечего. А есть такие, как Камиль. Сразу сложно понять, что он из себя представляет. Посмотришь — как будто бы и ничего особенного. Ну, с юмором все в порядке — да и все, пожалуй. А нет, каждый день в нем открываешь что-то новое, и чем больше узнаешь, тем больше понимаешь, насколько он тебе незнаком.

— Верно, — кивает Ася, — очень глубокий. Ныряешь, а дна все нет.

Когда мы только встретились, я обратила внимание лишь на мимику Камиля. Шутит он без перерыва, а вот взгляд остается серьезным и проницательным. Он будто бы изучает тебя, но ничего о себе не рассказывает. Я знала, что Камиль музыкант, но то, что он умеет играть на одиннадцати инструментах, мне рассказали дети, которым он сразу приглянулся. «Хвастовство, — подумала я, — выучил пару аккордов и решил, что освоил инструменты». И я так думала, пока сама не услышала его игру. Марвин показал мне записи, сделанные в одном из австралийских кемпингов, где три месяца они жили в разрисованных хиппи-вэнах, курили, бездельничали и наслаждались этой *Gypsy life*¹, а между делом зарабатывали игрой Камиля.

— Этот сукин сын умудряется за какой-то час заработать на половину путешествия, — смеется Марвин. — Я неделями вкалываю плотником, а у

¹ Цыганская жизнь (англ.).

него выходит на раз-два-три! Но он действительно хорош.

И это правда. Камиль заставляет петь все, что его окружает, — стаканы, тарелки, столы и стулья (женщин — усмехается Марвин), а если под рукой ничего не оказывается, он начинает стучать по себе. Вокруг него всегда музыка, а еще приключения и загадка.

Камиль любит фокусы и выполняет их виртуозно. Все деревня собирается на его представления, считая его колдуном. «Черная магия», — перешептываются непальцы.

— Ну представьте, — рассказывает Камиль, — заходит ко мне Фупу и говорит: «У меня голова болит, можешь вылечить?»

— Да где ты этому научился? — восклицаю я, когда в очередной раз он отвлекает мое внимание.

— Ходил по больницам с клоунами, — отвечает он. — Я играл, а они показывали фокусы. Ну, я и подглядел.

— А что за больница?

— Госпиталь для детей с психологическими проблемами. Каждый второй там пытался покончить с собой. Смотришь на них и думаешь — вот этот прыгал с окна. А вон та резала себе вены. И охреневаешь, как в жизни все устроено.

А еще Камиль — непревзойденный мастер историй. Порой ночами, когда мы возвращаемся в де-

ревню, он останавливается, выключает фонарь и начинает рассказывать о небе — в Непале удивительно близком и звездном. И мы стоим по полчаса и слушаем его истории о Треугольнике и Орионе, о том, что звезды, на которые мы смотрим, могут быть уже мертвы, ведь скорость света конечна, а их романтическое мерцание объясняют непрерывной ядерной реакцией.

Мы устраиваем целые вечера историй. Записываем на бумажках слова, мешаем их и наугад вытягиваем тему рассказа — выдуманного или реального, чужого или собственного. *SEARCH* (поиск). *FREE SPIRIT* (свободный дух). *DESTINY* (судьба). *CHOICE* (выбор).

— Когда человек путешествует по свету, — говорит Камиль, — всегда находятся люди, которые говорят ему: «Послушай. Ты всюду мотаешься, но не способен оставить после себя ничего значительного». — «Ну как же так? — отвечает им странник. — Вот там я школу построил, вот здесь — бедняков накормил». — «Так-то оно так, — говорят ему, — да только все это по мелочи. А вот большого ты ничего не создал». Когда я услышал это впервые, долго размышлял над этими словами, а потом вдруг увидел, что это неправда. Да, я мотаюсь по свету, но многому и учусь. Делюсь впечатлениями о разных странах, рассказываю людям истории друг друга, передаю им свой опыт и вдохновение. Оставляю частицу себя в каждом из них и меняю, надеюсь, их жизнь к лучшему. Разве это

назовешь мелочами? А если и так, уж лучше я буду жить в мире добровольных мелочей, чем ожидаемых свершений.

Я украдкой смотрю на Камиля и понимаю, что он счастлив. Бродяга, один из тех, на кого еще пару лет назад я бы посмотрела с сожалением как на человека, который сбился с пути. Но сейчас я смотрю на него с восхищением. Ведь для того, чтобы выбрать такую жизнь, нельзя быть потерянным. Нужно многое знать и понимать не только то, от чего ты отказываешься, но и бессмысленность прежней жизни.

И не важно, когда ты решишься на подобный выбор — в тридцать или шестьдесят, как это сделала Клаудиа, волонтер из Швейцарии. Ее жизнь и взгляды могут служить отличным доказательством того, что нам отпущено гораздо больше времени меняться и менять, любить и учиться.

Сейчас ей уже шестьдесят пять лет, но возраст выдает только внешность: короткие седые волосы, немного грузное тело. Однако, если начинаешь ее слушать, совершенно забываешь о том, что она на сорок лет старше тебя, — настолько она свободна в любом вопросе, настолько полна жизни и оптимизма. И далеко не оптимизма наивности, к которому мы привыкли и с каким почти не считаемся, а приобретенного, заслуженного ежедневной работой над собой после нескольких лет глубокой депрессии.

Причиной тому был неудачный брак, который Клаудиа смогла порвать спустя много лет, когда ее дети (пятеро) выросли. Как только она развелась, она отправилась в долгое путешествие по Азии — Турция, Индия и Непал. С нами она повстречалась в свой второй приезд в Сагарматху. Впервые Клаудиа побывала здесь несколько лет назад, прожила в этой школе полгода, обучая детей английскому и обустраивая библиотеку за собственный счет. Это ей дети обязаны замечательной коллекцией: здесь можно найти и Роальда Даля, и Эрика Карла¹, и Доктора Сьюза², и многие другие книги, каких они никогда не увидели бы, если бы не Клаудиа.

Когда я повстречалась с ней, первое, что отметила, это то, как ее любят дети и с какой теплотой и пониманием она к ним относится. Ради детей Клаудиа и вернулась в Непал: хоть на несколько недель — узнать, как сложилась судьба Риты по окончании начальной школы, услышать, что дядя больше не трогает Упендру и его ссадины наконец зажили, что Дев пошел по стопам отца, и с удовольствием отметить, как все подросли. А они висели на ней по очереди, не давая проходу.

Затем я обратила внимание на ее отношения с местными жителями. Ведь Клаудиа действительно их любит, заботится о старых людях и навещает их с угощением. Ее тоже часто зовут в гости, где она проводит долгие вечера в окружении непальской

¹ Автор книги «Очень голодная гусеница».

² Автор детских книг о приключениях Кота в шляпе.

семьи, не понимая ни слова и совершенно не переживая на этот счет. Легкость в общении с кем бы то ни было, наверное, одно из главных ее качеств. На многие вопросы Клаудиа имеет свою, порой совершенно неожиданную точку зрения, но при этом никому ее не навязывает и с уважением относится к чужой.

Зная местность лучше нас, она открывает нам новые деревни, скача по горным тропам и не отставая ни на шаг. Мы расспрашиваем ее о жизни, она рассказывает о своей семье, о приключениях и отношениях.

— Когда ты старая и у тебя нет мужчины, — говорит она, — все начинают тебя жалеть. «Кто же о тебе позаботится?» — спрашивают они. Но я прекрасно могу позаботиться о себе сама — гораздо лучше, чем под указку человека, который не ценит тебя и не уважает. Теперь я могу заниматься всем тем, чем жертвовала в угоду брака: путешествовать, общаться с людьми, которые мне нравятся, читать, что люблю, — и я чувствую себя наконец свободной. Разве я достойна жалости? Когда я вернусь домой, на моем счету будет всего двадцать пять долларов, и я совсем не представляю, что буду делать дальше. И несмотря на это, я знаю, что все сложится как нельзя лучше.

Однажды мы спрашиваем ее, не буддистка ли она.

— Нет, — отвечает Клаудиа. — Я слишком люблю жизнь, чтобы поверить, будто весь наш путь — это

страдание. Да, случаются порой неприятности, но и они идут нам на пользу. Разве стала бы я тем, кто я есть сейчас, повернись моя жизнь другим боком? Я вообще не верю в ошибки — это всего лишь другой путь, который говорит о том, что у нас есть выбор. Зачастую нам кажется, что мы что-то испортили, где-то упустили. Мы можем впасть в отчаяние, но после, вернувшись к этой ситуации, понимаем, что иначе и быть не могло. К тому же мы не всегда осознаем, что именно нам нужно. Когда я была ребенком, думала, что, если у меня будет то и это, я буду счастливой. Но идея счастья гораздо сложнее, оно скорее вопреки отсутствию этого и того, в независимости. Хотя в буддизме я, признаюсь, почерпнула кое-что для себя. Например, я действительно верю в перерождение, но без этих кармических заморочек. Мне кажется, что все мы души, пробующие пожить человеком. Души вечные. Именно поэтому я так легко отношусь к смерти. Когда мой сын умирал на моих руках, я понимала, что это один из самых счастливых моментов моей жизни. Я это чувствовала — словно кокон превращается в бабочку и вырывается наконец на волю. — Клаудиа улыбается и смотрит на нас. — Да, понимаю, как это звучит. Но я верю, что его душа всегда неподалеку, что он продолжает жить, но на другом уровне, где все происходит иначе. За несколько недель до своей смерти он пришел ко мне, такой внешне здоровый и сильный. Я смотрела на него и не могла поверить, что скоро он

уйдет. «Я тоже не могу представить этого, — сказал он мне тогда, — но знаешь, мам, мне чертовски интересно, как это бывает». И он совершенно точно выразил мои собственные мысли. Мне невероятно любопытно — как же там? Это не значит, что я спешу на тот свет, я просто его не боюсь. Но и этот мир я люблю. — Она окидывает взглядом лужайку, на которой мы сидим. — Я люблю эту траву, и этого козленка, и эти горы... К тому же у меня еще много планов из списка «Обязательно сделать».

— А что, если не секрет, в вашем списке? — спрашивает Ася.

Клаудиа смеется, наклоняется к нам и заговорщически шепчет:

— Ну, я хотела бы еще разок заняться хорошим сексом.

ШАМАНЫ ГОРНЫХ
ДЕРЕВЕНЬ

Мне ни разу не пришлось пожалеть, что я попала в Сагарматху, где беззастенчивая анатомия деревни позволяет наблюдать настоящий и первозданный Непал, со всеми его традициями и секретами, запрятанными подальше от стороннего любопытства. Один из секретов мне удастся подглядеть в последнее полнолуние уходящей осени, когда Субасдай зовет нас с Камилем на шаманский шабаш.

И вот ночью, без фонариков, в свете тяжелой налитой луны, мы углубляемся в джунгли. В полном молчании и тишине петляем в темноте около получаса и наконец слышим музыку — дикую и устрашающую, а потом видим отблески огня. Нас встречают тени — зловещий авангард; они еще долго прыгают вокруг, пока мы ищем взглядом хозяев: задыхающихся в трансе шаманов, старых и молодых. Они скачут по кругу, прыгая с одной ноги на другую в такт, отбиваемый тарелками и барабаном, в который колотят с двух сторон мальчишки. Один из шаманов поет, но на привычную нам пес-

ню это не похоже. Скорее — набор нагнетающих завываний, разряжающийся криками, которые становятся все истощней и истощней. А вокруг этой компании сидят настоящие зрители. Они теснятся на земле и на ступенях одинокой, упрямой в лесу шаманской хижины и во все глаза наблюдают за представлением. На лавках жмутся дети, укутанные толстыми стегаными одеялами, и кто-то уже уснул, а кто-то греет ладони над дрожащим огоньком свечи. Рядом с ними сидят старухи и курят длинные, теряющиеся в складках необъятных балахонов трубки. Дым из трубок завивает вокруг главного шамана причудливые узоры, наполняя еще большей загадочностью все его действия.

Он одет в голубую льняную робу и национальную шапочку толи, а на плечи наброшен старый пиджак. Шея его в многочисленных тяжелых бусах с колокольчиком, словно бы собранных из грецких орехов. В правой руке шаман держит бамбуковую тросточку, раздробленную и завитую на концах, а в левой — деревянную вазу, до краев переполненную водой. Этой тросточкой он черпает воду и обрызгивает ею зрителей и меня. И наконец, подскакивает, колотит в свою тарелку что есть мочи и убегает через хижину в джунгли.

— Это необъяснимо, но по всем частям света шаманы одинаковы, — делится со мной Камиль наутро. — Они не знают друг друга, никто никого не учил, а культура эта сложилась очень давно. Она древнее кастовой системы. Но везде проис-

ходит одно и то же: в Южной Америке, в Африке я видел что-то подобное. И это как будто бы и неудивительно. Мне кажется, в этом есть что-то корневое, гораздо старше и натуральнее человеческого учения. А может быть, и слова.

Всего через пару недель мне представляется возможность наблюдать это еще раз. Когда старушка Азур Ама заболевает, на выручку зовут шаманов-лекарей. И вот опять среди ночи я слышу знакомый мне звук тарелки, отбивающей ритм, и завывания, и я выхожу посмотреть, что происходит. На сей раз людей гораздо меньше. Вокруг шаманов и больной старухи, сидевшей чуть позади, под срубленной и установленной накануне пальмой, столпились всего пара дворов. К дереву привязан несчастный козленок — несложно догадаться для чего. Длинная нить протянута от ствола пальмы до самого шамана, сидящего напротив, и прячет свой конец под его шапочкой толи. Она нависает над выложенным рисом изображением человека, на груди у которого лежит искус — местный колючий овощ, на животе — цветок от побега тыквы, и ниже — монета. Церемония проходит быстро. Приносят красную пудру и ставят ею тiku старухе, обмазывают монету, цветок, искус, пальму и козла. Читают молитву и тлеющим огарком, принесенным из дому, поджигают протянутую нить. Она лопается в одном месте, и ее поджигают в другом. Потом края связывают, выжженную

сердцевину разрубают на части, а следом монету, цветок, искус, пальму и козленка. Палач, обмотанный в оранжевый платок (священный цвет в индуизме), оборачивается, и я узнаю в нем Манармаму, хозяина деревни.

За завтраком пересказываю все до мелочей.

— Ох, как же я люблю шаманов, — отзывается Марвин. — Каждый раз, когда их встречал, происходило что-нибудь невероятное. Например, однажды в Таиланде я путешествовал с другом на байках, и мой заглох. Пришлось останавливаться в одной из деревень на ночь, чтобы разобрать его и посмотреть, в чем дело. И там, в этой деревне, я встретил странного парня. Он увязался за мной и все время повторял: «Друг, эй, друг, я хочу сделать тебе тату, вот здесь, на спине, тату». А я тогда был противником всяких татуировок, и в особенности не хотел ничего набивать на спину. «Ну, о'ней, — говорю ему, лишь бы отвязался. — Только не на спину, а давай вот тут», — Марвин хлопнул себя по лодыжке. «Нет, на спину тату, на спину». Ну, ничего больше не оставалось, как согласиться. А утром он принялся будить меня. «Сэр, — говорит, — пойдемте, пойдемте, тату». — «Погоди, — говорю ему, — я не умылся еще, не позавтракал». — «Потом, потом», — схватил меня за руку и отвел в этот храм. А повсюду свечи горят, фимиамы. Уложил меня на пол и петь начал, а набивал он бамбуковой палочкой. Рисунка заранее я не знал, чувствовал лишь — что-то круглое. А потом я вдруг отключо-

чился. Только это не сон был, а что-то другое. Боли я в тот момент не испытывал. А очнулся, только когда он закончил. Друг меня в хижину отвел, где я еще четыре часа провалялся, в себя никак прийти не мог. А потом в одном из храмов ко мне подходит монах и говорит: «У тебя этот знак, я чувствую, покажи». Я обалдел — как он вообще мог это понять через одежду? Показал ему, монах дотронулся до татуировки, и я чуть не вскрикнул — так стало горячо. Вот как это объяснить?

— Так что в итоге получилось? — спрашиваю я.

Марвин задирает футболку и поворачивается спиной, где между лопаток, движимый мышцами, волнуется рисунок — высеченное тайскими иероглифами подобие солнца.

— А был еще один случай, — продолжает Марвин, опустив футболку, — в Камбодже. Когда один шаман приложил ладонь к моей обожженной руке — и ожога как не бывало. Сложно поверить? Вот и я обалдел. И после таких вот ситуаций начал медленно понимать, что все-таки существует что-то за гранью нашей науки, что мы называем иррациональным. Не знаю даже, как это назвать... Энергия? Магия? Да еще несколько лет назад я бы уверил тебя, что все это чушь, а сейчас вот сам говорю. Великое чудо путешествия — держать открытыми не только глаза, но и сердце.

И снова шаманы приходят поздним вечером, ближе к ночи. На сей раз — очищать энергетику,

«выгнать дьявола», поясняет Фупу. Готовятся к этой церемонии с обеда — развешивают тент посреди двора, расстилают соломенные тюфяки, обмазывают центр этой сцены глиной — место алтаря, как я поняла уже к ночи. Людей на этот раз собирается гораздо больше — наверное, вся деревня. Они рассаживаются по кругу, женщины и мужчины отдельно. Угол у алтаря занимает главный шаман, обмотанный белой простыней и похожий на бедуина, и музыканты-барабанщики. На самом же священном месте раскладывают цветы, ставят плашки с рисом, а в центр помещают свечку, накрытую листьями пальмы. Когда же этот «абажур» догорает, его меняют на новый — несколько раз за всю ночь. Это как атрибут светомузыки.

Сама церемония длится долго, в несколько сессий, нагоняя все большее волнение среди деревенских. Начинаются подобные церемонии одинаково, издалека, когда за общим разговором шаман вдруг принимается тихо стучать по тарелке. Замолкают все уже в разгар представления, когда, раскачиваясь из стороны в сторону, шаман повторяет слова на два голоса, один из которых — жалостливый и молящий, а второй — достаточно жуткий, каркающий и пронзительный. Всех слов, к сожалению, я понять могу, но кое-что разбираю: «Огонь, огурец, видеть, рис, прятать, вода...» И одно слово повторяется раз за разом. Это слово «бабу» — ребенок. Все громче и громче. Когда у

шамана кончается воздух, его начинает трясти, глаза закатываются, язык заваливается — и музыка в этот момент прекращается. Только венчик из листьев трясут что есть мочи в такт шаманских беснований. Шамана отбрасывает, он начинает рычать и прыгать на деревенских, а те в ужасе отшатываются. Женщины даже визжат. Потом он принимается бегать по двору и в какой-то момент вдруг запрыгивает в открытое окно нашего дома. Мужчины подскакивают, захлопывают ставни и дверь с другой стороны. Запертый, шаман мечется прямо под нашей комнатой, начинает ломиться в закрытую дверь и истошно визжать. Мы слышим звон посуды — шаман громит кухню Фупу. Но спустя пару минут он затихает, и его, обессиленного, почти без сознания, выносят во двор.

Я же прячусь в тени своего крыльца и наблюдаю за происходящим, и особенно за деревенскими, с серьезными лицами созерцающими церемонию. И гадаю — насколько они верят всему этому? Быть может, для них это лишь театральное представление, одно из немногих развлечений деревни? Они выглядят взволнованными, порой напуганными, порой впечатленными, но, может быть, и это входит в обязательную программу шоу? И пока я размышляю, люди шепотом обсуждают происходящее. А потом вдруг это шипение прерывает голос — строгий и властный. Я слышала его и раньше, со школьного двора, но никогда не могла понять, кому он принадлежит. Подняв глаза, я с

удивлением обнаруживаю, что, заложив руки за спину и прохаживаясь туда-сюда в своих желтых резиновых сапогах, надетых явно не по сезону, но по статусу, говорит не кто иной, как Макармама. Заискивающий, улыбающийся нам самой сладкой улыбкой и посмеивающийся дурачком, теперь он оказывается жестким и серьезным мужчиной. И я наконец могу признать в нем хозяина деревни. Ему отвечает другой голос, требовательный и уверенный, и я поражаюсь, ведь говорит это Фупу, отбросив всякое жеманство и лесть бесед с иностранцами. И все они — мои соседи, люди, про которых я думала, что знаю их, снимают вдруг свои маски, и я вижу настоящую деревню с ее реальными проблемами — проблемами, о которых они рассказывают нам с таким равнодушием, но которые действительно существуют в их закрытом обществе. И в тот момент я понимаю, что шаманам они все-таки верят.

— А ты что думаешь? — вернувшись в комнату, спрашиваю Асю.

Шум за стеной не дает ей уснуть. После долгой паузы она наконец отвечает:

— Был у нас в один преподаватель. Можешь представить себе — МФТИ, кафедра физики, сплошные рационалисты. А он вот мог задать нам какой-нибудь совершенно скандальный вопрос, например: «Как экстрасенсы могут слышать мысли умершего человека?» Так вот он тогда пояснил.

«А что, — говорит, — такое по сути своей мысль? Набор электрических импульсов от определенных нервных окончаний, которые в своей комбинации создают электромагнитную волну, отправляющуюся гулять в пространство. Подсчитайте, как быстро такая волна затухнет, и узнаете, как долго после смерти человека его мысли будут летать вокруг нас. Почему бы не допустить того, что некоторые люди могут быть настроены на прием таких вот волн?» — Ася улыбается. — Я не пойду лечиться к шаману, если у меня есть таблетки, но вполне могу представить, что есть травы, которые содержат что-нибудь очень полезное. Я не попрошу шамана поиграть мне на тарелках, чтобы вылечить мигрень, но могу предположить, что все это может работать, как гипноз в кабинетах у психотерапевтов. Я не поверю шаману, предсказавшему мне будущее, но могу представить, что он способен прочесть мои мысли или по крайней мере почувствовать эмоции и сделать выводы. Я не хватаюсь за непроверенные способы, чтобы справляться с проблемами, но я и не тот человек, который категорически отрицает все, что не изучено в лабораториях. И если можно попробовать объяснить что-нибудь рационально, зачем наотрез говорить, что все это неправда?

По окончании фестиваля Досаин мяса в каждом доме остается еще навалом. Что такое холодильник, в непальской деревне даже не знают, готовят всё на раз. И поэтому (но не забудем и о чувстве глубокой симпатии, чтобы сделать наши встречи приятнее) нас приглашают всю неделю, и каждый вечер мы посещаем новый дом. За это время я успеваю разглядеть его, этот самый непальский дом, в деталях и теперь хочу рассказать об этом подробнее.

Начать, наверное, следует с того, что оград здесь нет. Да и пятачка перед домом — того, что мы называем двором, — тут не оставляют. Есть один, перед нашей хижинкой, но здесь это скорее центральная площадь. Она обнимает сразу несколько домов, собравшихся вокруг единственной лавки округи. Тут можно и выпить, и потанцевать, и даже позвать шаманов — словом, разгуляться.

«Огород» — а здесь аккуратно уложенные в геометрию лестницы плантации — к домам не приле-

гает. Нередко это единое полотно, поделенное деревенскими на части, чуть ниже крутого склона нашей вершины. Здесь и рис выращивают, и коров пасут. Вся жизнь крестьянина проходит именно тут, на необъятных просторах высокогорья. Поэтому и смысла отделять себе кусочек личного пространства непальцы не видят, а может, и потому, что об этом самом личном пространстве здесь никто и не слышал.

Дома в деревне строят обычно в два этажа. Нижнюю часть отдают под кухню, а верхние комнаты заняты спальнями — чаще всего одной, где спит вся семья. Здесь можно отыскать только пару лавок-кроватей и стул для одежды. Минимализм не разрешает даже бытовых мелочей, и всё покупают тоже на раз — шампуни, порошок и крошечные тюбики зубной пасты. Остальные комнаты верхнего этажа отдают урожаю — кукурузе, пшенице и прочей снеди. Или вот нам, бездомным волонтерам, которые не против кукурузного соседства. Но иногда семья укладывается прямо в кухне — так теплее. Как делают это, например, Макармама, Фупу и два их сына, Сабин и Суман, которые спят на одной лавке (в той же, кстати, одежде, в которой ходят днем) у самого очага.

Системы отопления в непальском доме, как трудно догадаться, нет. Привычные, непальцы ходят раздетыми (или по крайней мере разутыми) даже зимой. А в самый лютый мороз на этой высоте (нулевая температура в начале года) непаль-

цы сидят у очага, к которому привязаны натуральным образом: целиком и полностью. Огонь в Непале — и тепло, и пища, и свет. От него, как тысячи лет назад, зависит здесь жизнь и деревенских, и волонтеров — наша с Асей, например. Поэтому огонь горит, почти не прекращая, а вот вытяжек тут нет. Невыносимый поначалу, но привычный нам уже смог — обязательный гость любого «застолья». Спасаться от него можно лишь присев. Весь дым оседает сверху. Вот только «верх» еле дотягивает до человеческого роста: потолки здесь крайне низкие. Хотя невысокие непальцы не жалуются.

И в большей степени из-за огня, а еще, пожалуй, потому, что жители здесь — люди непритязательные, кухня — почти единственное место обитания в доме. А выглядит она обычно так: голые, обмазанные коровьим навозом стены, земляной непокрытый пол и очаг посреди — два камня или глиняная люлька. Рядом — что-то вроде шкафа, в котором хранят посуду, а также сушат продукты. Соломенные тюфяки и подстилки разбрасывают по полу для гостей и убирают, когда те уходят. В углу можно отыскать кувшины с водой и перевернутые плетеные корзины, куда на ночь прячут кур и цыплят. И лавка для сна в глубине каморки. Вот, пожалуй, вся мебель. Ни столов, ни стульев, ни шкафчиков, ни занавесок. Да и покрывать ими нечего. Окна в непальских домах напоминают скорее бойницы, и почти всегда их прячут за став-

нями. Дверь зато не закрывают — и гостеприимство тебе, и вентиляция.

Дома побогаче могут позволить себе лампочку, напिताвшую заряд от солнечной батареи, и металлическую крышу. Бедняки же кроют дома соломой, справляют нужду в джунглях и спят на полу, вот и вся разница.

Едят в Непале¹, сидя на тюфяках, придерживая рукой тарелку и черпая ладонью рис — четыре пальца на захват, а пятый, большой, помогает проталкивать еду в рот. Кости складывают прямо на пол, где их терпеливо дожидаются тараканы. До еды, как правило, руки не моют, зато после споласкивают — воду льют в ту же тарелку, из которой ели; даже если там что-то осталось, не страшно: все объедки отправятся свиньям. Или собакам: Кали, если черная, и Рати, если рыжая, — дословный перевод. Другие имена здесь не приветствуются. А кошек в непальской деревне почти и нет — какой в них смысл? Возиться с ними не нравится даже детям, и когда у нашей кошки появляется котенок, играем с ним только мы с Асей.

Гостей принимать в Непале любят, и делают это особенно. О времени тут, например, никто не беспокоится, приглашают обычно «на глаз». И нередко бывает, что приходишь, когда хозяйка толь-

¹ Едят обычно дважды в день, поздним утром и ранним вечером.

но начинает готовить, а иногда еще даже не вернулась с полей. В этом случае просто сидишь и ждешь на ступеньках, развлекая себя, как умеешь. Приглашают, как правило, всю деревню, а за неимением достаточного пространства по очереди: провожают одних и зовут других. Поэтому весь праздник сводится обычно к трапезе: поел — уступил другому. Иногда, правда, приносят барабаны, и начинаются песни, но редко — хозяева, которые традиционно едят последними, не приветствуют длительных празднеств. Приходят непальцы обычно с детьми, даже поздним вечером. В Непале дети укладываются спать, когда захотят, никто их специально не гонит. Поэтому крошка Айсма и хвостатый Бибас¹ могут гулять до поздней ночи. Хотя ночь в нашей деревне — понятие относительное, и к девяти обычно все уже спят.

Когда же приглашают нас, вечер начинается каждый раз одинаково. Нам наливают огромный стакан рокси, местного самогона, и сажают в ожидании ужина. Отказываться от выпивки здесь смысла нет, уговаривать будут до тех пор, пока не согласишься. А остальные гости с удовольствием понаблюдадут за развернувшейся драмой.

— Рокси, мисс.

— Но, даньяват. (Нет, спасибо.)

— Тори-тори, мисс. (Чуть-чуть, мисс.)

¹ До пяти лет даже мальчикам здесь волосы не стригут. Первая стрижка в непальской деревне — специальная церемония.

— Но, даньяват, Макромама.

— Тори-тори рокси.

— Но-но-но.

— Тори-тори.

— О'кей, ла, тори-тори, — вздыхаешь ты и забираешь стакан-самобранку: рокси в нем не кончается никогда. Стоит сделать глоток, как сразу же его восполняют.

Я решаю не пить вообще и оставляю стакан нетронутым. Увидев это, деревенские идут на компромисс.

— Рокси или джар, Энни-мисс? — встречают они с порога. В переводе на российские реалии, как метко подметила Ася, это звучало бы следующим образом: «Водка или вино, Анастасия Вадимовна?» Так здесь приветствуют учителя.

Джар, молочный коктейль из забродившей пшеницы, за алкоголь здесь и не принимают. Наливают его целыми мисками и дают даже детям, которые, шатаясь после, врезаются в стенки. «Полезен для желудка», оправдываются деревенские, и даже грудничкам дают джар, замешанный с рисом. «Когда женщине нужно в поле, а ребенка оставить не с кем. Так засыпает быстрее», — рассказывает нам Асис. Да и непьющим настам удобно — меняя рокси на джар, они выходят из положения вроде бы честно. Вот только крепостью джар не уступает, скажем, «Изабелле». Добавьте сюда пропорции, и вы получите полное уравнение непальской изворотливости.

Когда ужин наконец готов, его раскладывают в порядке старшинства. В Непале это целая система, очень сложная. Как-то раз я попыталась в ней разобраться, не без труда, признаюсь. По имени здесь почти никого не зовут — разве что «сэров» и «мисс», иностранцев от школы. Между собой же непальцы общаются иначе. Мамми и буха — обращаются тут к матери и отцу. Дай — обычно к мужчине, который старше тебя, что переводится здесь «старший брат»; и бай — к мужчине младше, что, соответственно, «младший брат». Богини в Непале — младшая сестра, диди — старшая, но не все так просто. В категории диди есть, например, своя градация: дзети — старшая диди, майли — средняя и канси — младшая. Поэтому я здесь либо богини, либо майли, между Яной и Асей. Старшего брата отца называют бадабау, его жену — бодиама. Старшую сестру отца — фулу, а ее мужа — фупазу. Младший брат отца — кака, жена его — каки; старший брат матери — мама, его жена — майзу; старшая сестра матери — тулиама, муж ее — тулибуха. Младшая сестра матери — саниама, муж — санубуха. Это я еще не вдаюсь в разбор веток азурама (бабушки) и азурбуха (дедушки). Достаточно, думаю, для наглядности.

И вот когда всех этих даев, диди и фупазу кормят, мы ждем. Когда начинают, однако, кормить и детей, мы удивляемся — может быть, тарелок не хватает? Но когда мы, голодные, провожаем взглядом несколько сменивших друг друга го-

стей, тут уж выходим из себя. Неужели эти настоящие заморочки велят им кормить нас, иностранцев, почти низшую касту в непальской системе, последними?

Мы посещаем несколько домов и везде встречаем одно и то же: гости едят, мы с жадностью следим за их размеренной трапезой, и голод наш негодует. А непальцы посматривают украдкой, словно посмеиваясь над нашей беспомощностью, — знайте, мол, свое место. Еды накладывают вдоволь, но всегда в последнюю очередь. А потом, в один из вечеров, когда Асис объявляет о еще одном приглашении, я отвечаю отказом.

— А в чем же дело? — спрашивает он.

— Надрело быть голодной, — отвечаю я с укором. — Приходится все время ждать своей очереди. Иностранцы тоже любят поесть.

Асис виновато улыбается, разводит руками и говорит:

— Так что же ты молчала? Я-то специально оттягивал с едой, чтобы посидеть, пообщаться. Так и говорил — накладывайте последними. Думал, хорошо сидим.

ФОЛЬКЛОР И СТРАШИЛКИ НЕПАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ

Можете себе представить, что в одну маленькую лачугу — три метра на три — при удачном стечении обстоятельств и большом желании страждущих помещается без малого вся школа в семьдесят человек?

Каждую пятницу мне вспоминается известная присказка — в тесноте, да не в обиде, когда дело касается просмотра мультфильма. Если вы помните, я люблю традиции. Традицию пятничного кинопросмотра нам оставил Камиль, когда передал мне свою космическую коллекцию анимации. И пятниц теперь ждут как никогда. Нетерпеливым гулом дети встречают мой нетбук, но стоит лишь первым кадрам «Планеты сокровищ», «Города героев» или «Планеты 51» объявиться на крошечном экране лэптопа, все разом замирают, и только дружное «Вааааа!» и «Абиии!» и неизменный вопрос «А где это, мисс?» разбавляют общий смех или гипнотическое молчание.

Значение слова «воображение» я объясняла всем классам по очереди. «Все это фантазия, такой

планеты не существует, а огромный паук — лишь выдумка автора». И хоть казалось, что мне поверили, эмоций это не убавило, и дети вместе с героями продолжали плакать и ликовать, пинать лавки, уничтожая злодеев, и выбегать из класса, когда кто-нибудь с аппетитом жевал на экране червяков. «Зачем выдумывать, если этого не существует?» Мне до сих пор не получилось ответить на этот вопрос — им, детям, которые никак не могут понять, откуда у морковки глаза и рот, когда мы иллюстрируем сказку («Ноу, мисс, вы ошибаетесь, у морковки глаз не бывает»), и у которых в графе любимая книга написано «Учебник естественных наук».

— Расскажите мне, какие книги вам читали в детстве?

— Нам не читали, мисс, мама не умеет читать.

— Ладно, но ведь она умеет рассказывать?

— Нет, мисс, нам ничего в детстве не рассказывали.

— Да бросьте, неужели вы не знаете ни одной сказки?

— А что такое сказка, мисс?

И дело, очевидно, не в трудностях перевода. Тут можно бы расстроиться, свернуть повествование — и обнаружить тем свою невнимательность, ведь смысл спрятан поглубже. Непал не любит сказок — он в сказки верит.

Окруженные детьми, мы спускаемся в нижние деревни. Каждую пятницу нас приглашает новый

дом — апельсиновая долина Нигале, христианская Наманта, сазочный соломенный Атитар. Нам впору бы набросать уже туристические маршруты, вот только официально этих деревень не существует. Безымянные холмы на карте Непала, зеленые и пустые.

— Гоутали! — кричат дети, показывая на небо. — Недавно змея съела птенца гоутали, мне брат рассказывал.

— Что за гоутали?

— Ну, птица, — отвечает Сантос. — Священная птица, у нас как бог. Ее убивать нельзя.

— Если убьешь руками, — добавляет Нисан, — то умрешь.

— А если из пистолета? Или палкой? — спрашивает Ася.

Мальчишки переглядываются. Такой вопрос, вероятно, им в голову раньше не приходил.

— Руками нельзя. А палка — это не руки. Значит, можно.

— А вот здесь за дедушкой Кришала гнался Мошал. Схватил его и выбросил вон туда. — Сантос показывает на дальние кусты. — Честное слово, я сам слышал.

— А Мошал — это кто?

— Да это призрак. Тела у него нет, одни кости. А еще человек его не может видеть.

— Так он невидимый? — спрашивает Ася, и дети кивают. — А откуда же вы знаете, что у него одни кости?

— Мне так папа сказал, — отвечает Нисан.

— Его папа — шаман, — поясняет Яман, — он видит призраков.

— Ага, видит, — кивает гордый Нисан. — У нас в семье их четыре. Шаманов, а не призраков. Три пьют кровь, а четвертому нельзя.

— Это как?

— Ну, когда специальный праздник, пуджа, собираются люди... — Нисан садится на корточки и чертит на песке прямоугольник. — Вот это наш дом. Люди сидят вот тут. А с другой стороны шаманы. А вот тут, перед домом, убивают козленка. И когда его режут, папа хватается козла и бежит с ним вокруг дома, пьет его кровь. Сырую, неприготовленную. А потом эту кровь пьют остальные шаманы. Кроме последнего — ему нельзя.

— А он что делает?

— Он ест цветы. И если хоть одна капля крови упадет на цветок и он съест его, то тут же умрет.

— Так и есть, — серьезно вторят дети, — умрет.

— А вот здесь специальная комната. — Нисан очерчивает дом посередине. — Тут боги. Здесь папа молится, и тут к нему приходит магия. Сюда нельзя ничего приносить.

— Почему?

— Ну, смотрите, если моя сестра принесет яблок из своей деревни, а папа съест их и пойдет в эту комнату, его начнет трясти и он будет болеть. Еще он болеет от мяса и ронси, ему их тоже нельзя.

— И ты будешь шаманом, когда вырастешь?

— Я — нет, а мой сын будет, — отвечает Нисан. — А его сын не будет. А сын его сына будет.

— Это если тебя не заберет Бонжакри, — вставляет Яман.

— А это еще кто?

— Ну, это такая разновидность человека, — отвечает Сантос, — нереальная.

— Он приходит из воздуха и забирает тебя в свой дом, — продолжает Яман. — А потом дает рис...

— А рис нужно есть вот так, — черпает Сантос воображаемый рис тыльной стороной ладони. — Мне бабушка говорила. Ее сына забрал Бонжакри, и он ел рис вот так, и Бонжакри его не убил.

— Ну да, — кивает Яман, — покормит тебя и спрашивает: хочешь ли ты стать шаманом? И если говоришь — нет, не хочу, отпусти меня лучше домой, он отдает тебя своей жене, и она съедает тебя. Вот так.

— А если хочешь?

— Тогда он учит тебя всему, что знает.

— Ровно семь дней.

— Да, а потом возвращает на то же место, откуда взял тебя.

— Меня не возьмет, Яманэ, у меня уже есть. — Нисан показывает на сережку в ухе. — Если у тебя есть такое, — поясняет он мне, — Бонжакри не заберет тебя. Такое правило.

Я смотрю на уши мальчишек — у каждого по сережке, а у кого-то целых две.

— А вот тут, — дети показывают на обугленное пятно от костра на дороге, — появился Раки Бут. Совсем недавно, на прошлой неделе.

— Это призрак такой, черный человек.

— Как из Африки? — улыбается Ася.

— Ага. Кожа у него черная, когти длинные, а зубы острые. И сзади мяса нет, одна дыра. Чего вы смее-тесь, мисс, я правду говорю, — хмурится Сантос.

— И если ты ночью идешь через джунгли, — добавляет Яман, — и встречаешь человека, который курит длинную трубку, это Раки Бут. Он подует на тебя, и ты сгоришь.

— Нет у него трубки, — возражает Нисан. — У Раки Бута огонь в руках. И приходит он из огненной стены. Это мне Деврат рассказал. На него Раки Бут напал в прошлом году.

— Да ты все перепутал, — отвечает Яман. — Кич Канди это была, она на Деврата напала. И не в прошлом году, а три года назад.

— Это женщина?

— Кто, Кич Канди? Ну да. Она приходит из женщины. Если мы сжигаем женщину (после смерти), а у нее из костей идет кровь, все понимают, что она стала Кич Канди...

И так всю дорогу, каждую пятницу, нас угощают новой порцией непальского фольклора. А ближе к ночи, когда, погостив, мы собираемся уходить (не любим мы ночевать не дома), нас начинают пугать с утроенной силой.

— Ну да, похищает меня Бонжакри, — усмехается Ася, — уносит в свое логово и торжественно спрашивает: *#%? А ты ему: «Чего? Непали не понимаю, давай нормально, по-русски».

— Дает тебе рис, — говорю я, — а ты ему: «Вилка где? Руками, что ли, есть предлагаешь?»

— И чешет он задумчиво затылок, говорит жене: «Ну чего, есть будешь?» А она ему: «Да ну, стремные какие-то. Вдруг больные. Положи лучше, где взял».

Мы смеемся и проходим мимо кострища, где какой-то неспящий чудак вроде нас решил согреть себя среди ночи. Мимо кустов, куда дедушка Кришала, впечатлительный, а может, и нетрезвый, угодил как живая легенда. Мимо гнезд гоутали, вспоминая на ходу, что во всех рассказах-легендах деревни, поведанных нам детьми, ни разу не прозвучало слова «ложь».

Скажу откровенно, естественные науки, если это не о космосе и географии, ужасно скучный предмет. Пусть проклянут меня все педагоги мира, но когда мы читаем про строение зуба, компостную яму и многофункциональность коровьих лепешек, я первая на очереди убежать. Как раньше — спрятаться бы в подвале или выдумать революцию. Вот только нельзя теперь, я же учитель. Поэтому приходится изворачиваться — отправлять ребят в джунгли в поисках «новой земли», когда учебник велит нам изучать почву, хватать фотоаппарат и ловить микромир, когда мы говорим о строении лепестка, или седлать всем классом «холм цивилизации» и показывать им — впервые, представьте, детям двенадцати лет, — что такое Интернет. Я рассказываю им о композиции кадра, первых людях в космосе и зодиаке, показываю кадры из фильма «Вудсток», учу линогравюре, иллюстрирую с ними сказки, расспрашиваю о поверьях и распеваю песни — все что угодно, лишь бы не возвра-

щаться к ней, этой строгой надзирательнице любого образования, которая зовется программой.

И именно поэтому, когда мы изучаем «загрязнение среды», я рада предложить им соревнование. Разделяю детей на группы, раздаю мешки и сигналю старт — кто соберет больше мусора, тот и получит приз. «Практическое занятие», — поясняю проходящему мимо Асису, которого дети в спешке за победой чуть не сбивают с ног.

Схватка выходит что надо, уже давно я не видела такого азарта. Спортивная площадка расчищается в момент, дети даже расстраиваются, что намусорили так мало. Следующими в ход идут отстойные ямы у каждого класса, потом они захватывают деревню, но и этого оказывается недостаточно. У кого-то пропадают ботинки — слишком, видимо, старые, чтобы продолжать свои странствия, у кого-то — чугунная кочерга. Затем начинаются раскопки — так на свет выходят зарытые кем-то штаны, небывалого размера кроссовка, которая занимает почетное место в коллекции, кусок пластиковой трубы, вилка, велосипедная шина (что для меня остается загадкой, велосипедов я здесь ни разу не видела), собачий череп, несколько бутылок и целый набор проржавевших гвоздей. А самые отчаянные пытаются ограбить школьный бак, но безуспешно — эту часть двора я внимательно патрулирую. Когда же мусор заканчивается полностью, они начинают

коситься на мешки друг друга, и тогда я понимаю, что пора подводить итоги.

Победителям вручаю призовые прыгуны, а остальным утешительный подарок, который привезла еще из России. Две пачки наклеек — хиппи-постер и комиксовый «Boom!», по девять и тех, и других. Сомнений в том, что все выберут одинаковые, не возникает, вот только понять, какие именно, заранее не успеваю. Выбор пал на «Boom!», и всю девятку расхватывают не задумываясь.

— Интересно, что чувствовали местные, когда наблюдали за нами? — делюсь я позже с Асей. — Неужели им не было стыдно за то, что иностранка мешками выгребает их многолетние залежи? И будут ли они теперь поддерживать чистоту?

— Конечно же не будут, — отвечает она. — И стыдно им не было, я уверена. А скорее они просто недоумевали: зачем она это делает?

— Но почему?

— Потому что это не согласуется с их картиной мира, — вздыхает Ася. — Ну вот представь, если к нам приедет немка и увидит окна в российской квартире. Я где-то читала, что в Германии женщины моют окна дважды в неделю. Конечно, наши окна приведут их в ужас. Но будешь ли ты, зная это, мыть окна так же часто?

— С ума сойти! Действительно?

— Есть даже история, не знаю, насколько правдивая, но все же. Говорят, что Гитлер очень не любил грязных окон — боялся, что в него из такого могут выстрелить. Поэтому издал указ — стрелять по грязным окнам без предупреждения.

На следующий день остальные классы нападают с просьбой устроить новое соревнование. «Погодите, — говорю им я, — еще слишком чисто для этой игры». Выход находится быстро, и уже к обеду дети разбрасывают всё как было.

НЕПАЛЬСКИЙ ЯЗЫК,
ИЛИ КАК
РАЗГОВАРИВАТЬ
ЧУВСТВАМИ

— В Лаосе не существует слова «проблема», — делился со мной как-то Марвин. — Там просто не понимают, что это значит. «Старик, — пытался я объяснить своему другу из Лаоса, — ну вот представь ситуацию. Ты опаздываешь на работу, забыл дома телефон и не можешь предупредить об этом босса. А тут еще в придачу твой байк ломается на середине пути. Что это еще, черт подери, как не проблема?» А он лишь пожал плечами и ответил: «Марвин, друг мой, значит, на то есть своя причина. Такова жизнь».

Ну а если говорить о Непале, то здесь вам не отыскать целой армии слов — например, необходимого как будто бы «извините». Как это переводится на непали, я решила узнать после одной неловкой ситуации. Фотографируя детей на улице, я разозлила старушку. Она принялась меня отчитывать, и все, что я смогла сделать, это развести руками. Не так уж и просто, как выясняется, извиняться пантомимой.

— Как «извините» на непали, Субасдай? — спрашиваю я после.

Он чешет затылок, вертит глазами и переводит мой вопрос непальским учительницам.

— Не существует такого слова, — отвечает Девика-мисс.

— Да как же, существует, — возражает ей Лаксми. — Вот только я забыла.

— И я, — кивает Сиржана.

— Мы не помним, — резюмирует Субасдай.

Я спрашиваю детей, все классы по очереди, но ответ мне так и не находят. Стоит ли удивляться, что неловкое *sorry*, английская версия, здесь прозвучит как пародия. И непривычным, но усидчивым непальцам приходится разучивать не только слово, но и саму эмоцию. Я говорю о смущении, а не о сожалении, последнее им знакомо не хуже нашего. А быть может, и лучше, ведь западная вежливость нередко лишь покрывает равнодушие. *Sorry!* — говорят они невольно, когда ты спотыкаешься и чуть не падаешь. *Sorry!* — когда приземляешь молоток на палец, занимаясь строительством дома для волонтеров. *Sorry*, что пролил кипяток себе на ногу. Нелепо? Но без тени лукавства.

«Пожалуйста» здесь также не в ходу. Быть может, это слово и существует, да только вот не в словаре деревни. И потому так непросто привить его детям. «А надо ли? — сомневался Бруно. — Ведь это их природа, и мы ее ломаем».

«Спасибо» тоже не популярно, и, может, поэтому, когда по привычке мы говорим «спасибо» на любую просьбу — выполненную или нет, не имеет значения, — непальцы хмурятся (не издеваемся ли мы?), а следом расслабляются, смеются и повторяют «Даньяват!», словно сказали мы что-то диковинное.

Такое отношение нам может показаться пренебрежительным, вот только с выводами здесь спешить не стоит. Слова в Непале служат изначальной цели, информативной, а чувства здесь выражают иначе. Вкусным угощением, например, вниманием, подарком, будь то конфета или целый праздник, как церемония тики на Тихар. Но чаще всего это эмоция — благодарная радость, удивление и немедленная демонстрация окружающим, скажем, фотографий, какие я так люблю дарить деревенским. А уважение здесь по умолчанию, и слово «азур», которым отклоняются и переспрашивают («что?», по-нашему), которым отвечают на звонок и соглашаются, тут переводится как «мое почтение».

Когда я только приехала в Непал, слушала Бруно, играючи передразнивавшего детей на непали и общавшегося именно на нем с малышами, следила за Элли, свободно болтающей с деревенскими на их языке, я восхищалась и ужасалась одновременно. «Ведь мне их никогда не догнать», — думала я, смущаясь каждый раз, когда ко мне

обращались местные. Это сейчас я вижу, что даже языка знать не надо, чтобы тебя поняли. Я хожу в соседние деревни и покупаю продукты, заказываю одежду швее, фотографирую жителей (отныне лишь с разрешения), и все на ломаном непальском. Я не освоила язык, мой лексикон довольно скромный. Вот только общаться нам это не мешает. Ну а когда слова заканчиваются, многолетний опыт игры в «Активити» дает о себе знать. В ход идет язык телодвижений. А знаменитый жест, прославленный Робертсом в его «Шантараме»: покачивание головой влево-вправо (что это означает, даже сами непальцы объяснить не могут; что-то среднее между согласием и сомнением), вертушка рукой в усиление «я не знаю», — и еще парочка комбинаций благословят любого невежду.

Но разговор здесь происходит одинаково. «Понимаешь непали?» — начинается тут каждая беседа, «А как тебя зовут?», «Сколько лет?», «Где твой дом?», «Тебе нравится Непал?» Зная эти вопросы, можешь не сомневаться, что знакомство закончится дружбой. Нередко этого хватало, чтобы люди бросались на помощь, приглашали домой, брали номер телефона и звонили каждую неделю, чтобы проверить, в порядке ли я.

С английским здесь дружат лишь городские да те, кто успел поработать за границей. А остальные как будто бы враждебны к нему, словно стесняются своей неучености.

— Почему? — спрашиваю я как-то Асю. — Разве в России люди стали бы конфузиться от того, что не знают английского?

— Нет, — отвечает она, — но в России нет и официальной радиостанции с английскими новостями, в лапшу не засовывают вкладыши с «Удивительными фактами» на английском, а на пачках сигарет не пишут кириллицей, как здесь санскритом «Кансар» («Опухаль»), «Фильтар», а на мешке риса — «Супар пфайн» («Супир хороший»).

Английский здесь — вещь как будто бы статусная, если не кастовая. Его тут культивируют, продвигают, вот только понять могут далеко не все. Конечно, это вызывает раздражение.

Верно говорят, чтобы выучить язык, нужно пожить в среде. В отличие от Яны и Аси, я подошла к делу не так серьезно и санскрит в пятьдесят букв и тысячу разнописаний учить не стала. Одна только буква «Т» и четыре ее вариации помогли мне быстро осознать легкомыслие своих намерений¹. Но некоторые слова я ухватила почти сразу, без лишних усилий. Слова, какие помогают мне управлять малышами на уроке: «цуплак!» (тишина!), «босну» (садитесь), «гарну» (делайте), «рамро ча»

¹ Разночтения здесь — камень преткновения, как буква «Ы» для иностранцев, изучающих русский. «Представьте, что вас ударили в живот, — объясняла им Ася, — и вы такой: «Ыыы». «Господи Боже, я обожаю русский язык!» — восторгалась Элли.

(хорошо) и «рамро чайна» (плохо), «ке гарнэ?» (что поделать?); бытовые подсказки, которые позволяют нам делить кухню с непальцами: «мейро» (мой), «тимро» (твой), «локаунэ» (готовить), «канэ» (есть), «пиунэ» (пить) — примечательно, что воду в Непале «едят»¹, а сигареты «пьют», — «тато» (горячий), «чисо» (холодный), «аго» (огонь), «масу» (мясо), «таркари» (овощи), «бат» (рис). Фразы, без которых не обойтись в магазине, это, конечно, числа (нелишним будет изучить и цифры непальской письменности, без знания которых мы были обмануты пару раз поначалу), а еще «кати пойсо?» (сколько стоит?), «ё» (это), «тьё» (вон то), «кей джи» (килограмм), «гуло» (большой), «сану» (маленький), «ман лорё» (мне нравится). Также пригодятся дни недели, чтобы обсудить «кайли аунчу» (когда приходит/забирать), или даже спросить, когда вернется продавец/почтальон/ремонтник, который нередко «джанча» по своим делам, серьезным и неотложным. И конечно, обязательным пунктом этой лингвистической программы будет выучить пару слов, какие спасут вас от неминуемой гибели в жерле непальского гостеприимства: это «пиро» (остро), «тори-тори/али-али» либо совсем «чайна» (чуть-чуть либо совсем не остро), «устэ-устэ» (точь-в-точь), «байо» («хватит», когда дело касается бесконечных закармливаний и за-

¹ Пьют здесь на весу, никогда не прикладываясь губами к стакану.

паиваний покорных иностранцев), «бирами» (больной) — мы нередко оправдывали «бирами» свою сдержанность или отказ остаться на ночь, «дери мито» («очень вкусно», что придется повторить как минимум дважды, ведь хозяйка любит переспрашивать, чтобы услышать похвалу еще раз), «бистаре» («медленно» — этим словом отклоняют твои возражения: «помедленней, тогда сможешь съесть еще больше») и «субо ратри» («спокойной», а если дословно — «удачной ночи») в завершение трапезы. И подучите главу о родственниках, ведь это первое (и скорее всего, единственное), о чем вас спросит уважаемая Азур Ама, бабушка этого дома.

До того, как поехать в Непал, я бывала за границей — путешествовала по Испании, Чехии, Индии, потом был скорый маршрут через Голландию, Бельгию и Францию, слонялась по северу Италии... И ни разу, перед тем как поехать в другую страну, я не пускалась учить язык, полагаясь на английский. А даже если и знала что-то, никогда не использовала. Это казалось мне лицемерием: интонации были чужими, и чувства, какие они выражали, словно теряли искренность, превращались в насмешку. Сейчас я вижу, что это было глупо. Гораздо проще сблизиться с человеком, понять его, общаясь на языке его мысли. Или хотя бы пытаться общаться, и это зачтется. Ведь интонации выражают чувства, какими, отказываясь по-

нимать их, ты пренебрегаешь и создаешь дистанцию, подтверждая свой статус ино странца. Куда как вернее, даже с известной долей нелепости, расположить человека попыткой встать на его место. И язык в этом деле — первый союзник. Сколько радости и теплоты приносили деревне пускай неуклюжие, но упрямые старания Марвина и Камилля понять и остаться понятыми. Да зачем ходить далеко — как мне самой было приятно обучать Элли в треке. Каждый день она старалась запомнить по пять новых слов, которыми была сложена моя жизнь и творчество. И которыми мы сумели попрощаться так безыскусно и доверительно, что даже безгласно.

ИЗ НЕПАЛА
В РОССИЮ.
С ЛЮБОВЬЮ

Мы с Асей заходим в учебную хижину. Нас ждут дети — здесь самые старшие сорванцы из «львов» (А-класс, четвертый, если мерить российским стандартом) и «лофофорусов» (В, третий), от девяти до тринадцати лет. Мы раздаем материал, и каждый получает по листочку с биографией и фотографию человека, которого мы для него выбрали. Фотографии смотрят всем скопом, но когда добираются до биографий, в классе повисает тишина. Только губы в беззвучном знакомстве отшлепывают приветствия, а жалобный скрип маркера в защиту оригинальности напоминает о работе. «Где ты живешь?», «Что любишь делать?», «С кем дружишь?» — пишет Ася на доске примерные вопросы, какими можно начать свои письма.

Идея написать людям из России сложилась в несколько подходов. Прежде всего, когда мы изучали коммуникацию, и выяснилось, что ни один из школьников не писал в своей жизни писем.

На отвлеченных уроках я рассказывала детям о профессиях, кроме тех четырех, что они отыскили

в учебнике. Художники, танцоры и музыканты — все это восхищало их, как восхищает сказка. Но поверить в это им, сыновьям крестьян и дочкам плотников, было непросто. Тогда я решила познакомить ребят с людьми, существование которых здесь оставалось под вопросом. Я предложила спросить обо всем, что было им интересно и что с такой осторожностью они пытались превратить в свою мечту.

И наконец, я просто хотела разделить свои впечатления с семьей и друзьями. Особенно с теми, кто каждый день смотрел на меня глазами детей Непала. Как удивительно похожи бывают люди с разных частей планеты, подумала я еще в первую неделю в Сагарматхе.

И вот однажды вечером мы с Асей сели и разделили между собой два класса, по восемь человек на каждую. А следом выбрали по восемь близких друзей, какие не только с радостью поделились бы опытом или вдохновением, но и могли поддержать настроение открытия.

Ведь дети отнеслись к нашей идее с чрезвычайной серьезностью.

— Я закончил, мисс! — первым кричит мне Нисан, как всегда. Я заглядываю в бумажку, его раздражает от нетерпения. — Хорошо? Вам нравится?

«Вова, — пишет Нисан моему брату, и я сразу же представляю недоумение и неловкую радость парня пятнадцати лет. — Привет, мое имя Нисан

Прасад Ачая. Я из Атитара. Моя деревня маленькая, из моей деревни мы видим горы. Много людей крестьяне в моей деревне. Моя деревня покрыта зелеными листьями. Мне одиннадцать лет. Моя любимая игра футбол и инвизан...»

— Мне кажется, он не знает, что такое инвизан, — говорю я Нисану. — В России в инвизан не играют.

— А я сейчас расскажу, — выхватывает он бумажку и приписывает:

«Инвизан мы делаем круг, и мы делаем две команды. И одна команда отличается от другой, а другая атакует, а другая ловит их, а они пытаются забежать в круг. Мы играем в инвизан как-то так».

— Теперь поймет? — скачет Нисан вокруг меня.

— Конечно, — улыбаюсь я, — теперь все встало на свои места.

«Я читаю в школе „Майя Юниверс Академия“. Я читаю в четвертом классе. Я имел три брата и одну сестру, но мой старший брат и старшая сестра умерли, и я имею два брата. Мой большой брат почитает в 12-м классе, и другой брат почитает в 10-м классе. Мой любимый предмет математика и науки. Моя мечта быть водителем. Я остался с моим папой и мамой и одним братом. Мы выращиваем овощи в моей деревне. Ты выращиваешь овощи поесть или покупаешь? В моей деревне есть плотники, крестьяне и портные. А в твоей деревне? Я действительно хочу быть водителем, моя мама работает в доме. Мой папа шаман. Мои два брата читают...»

— Почему читают? — спрашиваю я у Аси.

— Учатся, — пожимает плечами она. — Особенности перевода с непальского.

«Я верю индуизму. Ты можешь помочь мне стать водителем? Пожалуйста».

— Чудесное письмо, — говорю я Нисану.

Он улыбается мне, словно светится, и я знаю эту улыбку. Эту беззастенчивую дурашливость, которая осталась в прошлом, несколькими годами ранее. Тогда я только уезжала из дому и не смогла как следует с ней попрощаться — знала ли я, что буду так скучать по ней? Что, вернувшись, встречу незнакомые мне раньше серьезность и обособленность возраста первых чувств и первых секретов.

Закончив писать, Нисан начинает вертеться и доставать всех вокруг. И в первую очередь Сабина, который лишь отмахивается от его приставаний. Найти Нисану большую противоположность, чем Сабин, президент совета школы, невозможно. Невозмутимый и важный сын Макармамы, хозяина деревни, и Фупу, главного здесь коммерсанта. Он даже в футбол играет, не вынимая рук из карманов. А уж когда предоставляется возможность пообщаться с дипломатами, тут он, как говорится, *does his best*¹.

«Дорогой мой друг Рустем, — начинает он свое послание Рустему, студенту МГИМО. — Меня зовут

¹ Делает все, на что способен (англ.).

Сабин. Мне 11 лет, я из Непала. Непал разделен на 14 зон и 75 районов. Моя деревня в Сагарматха-зоне, районе Удайпур. Имя моей деревни Мальбасе....»

Единственная фотография Рустема, которую я отыскала, из Большого театра. Разодетые, мы с ним стоим у помпезной лестницы, в золотой раме громоздкого зеркала. Более нескромной фотографии и придумать нельзя. Вот только Сабина она заворачивает. Он просит показать ее несколько раз, словно бы отмеряя ей смелость своих откровений.

«Я люблю учиться и играть в футбол. Я хочу учиться, потому что в будущем я хочу быть президентом страны. Я хочу играть в футбол, потому что мы практикуем в нашей школе. Я не люблю быть вороватым человеком. Потому что я хочу быть добрым человеком. Я хочу идти в университет после того, как отучу школу. Потому что мы можем выучить много вещей через университет. Моя мечта быть приминистром или президентом. Я буду делать политически....»

Шагаю дальше, до Тики Кумари. Она смеется — всегда и в этот раз — и прячется за карточкой Рамины. Когда дети узнали, что волшебник из России, приславший мне коробку шоколада в деревню, Рамина, они устроили настоящее соревнование. «А Рамина — она кто?» — спросил меня Иман, как бы между прочим. «Она защитник растений», — от-

ветила я. «А я как раз люблю растения!» — воскликнул он. «А я защитников», — подхватил Сантос. И хоть на деле все любили конфеты, досталась Рамина Тике — по очень простой причине. Каждый раз, когда я слышала, как заливается Тика, я начинала искать глазами Рамину, так были они похожи.

— Рамина живет в большом доме с родителями. Она любит путешествовать... — читает Тика по слогам. «Я тоже люблю путешествовать», — отвечает девочка, и я вспоминаю, что единственным ее путешествием из деревни была поездка в Катманду, организованная Элли и Бруно.

«Я тоже живу в большом доме...»

Состоящем из кухни и спальни, в апельсиновой роще Нигале, где нам однажды довелось ночевать. Одно из самых приятных воспоминаний здесь — как мы сидели у очага, и Тика, ее мама и сестры выгребали угли, чтобы погреться перед сном. Как они подвинули друг друга и позвали нас с Асей разделить последнее тепло вместе с ними.

«Я живу в доме, и у меня много голубей. А у тебя много голубей? Да, я имею друзей, мое дружеское имя Пратима. У Пратимы длинные волосы. Я никогда не видела льва. А что ты никогда не дела?»

«Я никогда не видел музыкантов, — пишет Упендра брату Аси, тромбонисту Арсению. — Я мечтаю стать музыкантом...»

«Дорогой Паша, моя мечта быть художником, — выводит Сандес. — Я хочу рисовать после школы, потому что я хочу быть художником. Я люблю делать работу в доме, когда я не делаю работу, я начинаю засыпать. А что ты любишь делать?»

«Дорогая мама Энни-мисс. Мое имя Сунита. Мне 12 лет. Я христианка. Я люблю читать книги. Я хочу быть доктором. Это хорошо быть доктором? Это легко быть доктором или нет? Когда я вырасту, мои папа и мама говорят, пожалуйста, будь доктором...» — сочиняет Сунита, самая ответственная девочка школы. Ее тетрадка — образец для подражания, и дети понимают это слишком буквально. Особенно Кила, соседка по парте.

«Дорогая Аня. Мое имя Кила Рана Магар. Мне 11 лет. (На самом деле 9.) Ты любишь танцоров? (Наверное, все же танцы.) Танцоры легкие или тяжелые? Ты танцуешь с маленькими?»

Понусав карандаш, Кила улыбается и дописывает:

«У тебя есть бойфренд? Ты хорошенькая».

— А для меня медсестра? — спрашивает Ниса, когда получает свой листок. — Я хочу быть медсестрой, Энни-мисс.

— Нет, Ниса, но для тебя что-то совершенно особенное. Этот человек мне очень дорог, и я вы-

брала ее для тебя неспроста. Но прежде прочитай, что здесь написано.

Она с недоверием разворачивает листок и медленно читает. Об одинокой девочке, которая потеряла свою семью, когда была совсем маленькой. Едва не умершей от тифа и отправленной в детский дом в платье, сшитом для собственных похорон. О детстве, тяжелом и полном лишений, о непростой юности и силе продолжать бороться за счастье и сохранять жизнелюбие. О победах упрямства и, наконец, о старости в кругу близких людей, которые любят этого человека всем сердцем.

Взволнованная Ниса поднимает глаза:

— Это же совсем как у меня, Энни-мисс! Прямо как у меня!

И, затаив дыхание, она начинает свой рассказ:

«Дорогая бабушка Энни! Здравствуйте. Мое имя Ниса Сару Магар. Я живу в Непале. Непал очень хороший. Здесь хорошие-хорошие публичные места и гора Эверест. Моя деревня плоская и холмистая. У нас есть много джунглей. Мы выращиваем еду и фрукты. Мы тратим час часов, чтобы пойти в школу. Моя семья не рядом. Но я живу с дедушкой и дедушкой (зачеркнуто) бабушкой. Мой папа уехал в другую страну и не вернулся, а моя мама оставила меня и ушла с другим мужчиной. Моя сестра тоже вышла замуж. Я работаю в доме утром, и я прихожу в школу и иду домой, и я готовлю еду, и мы едим еду. Я люблю читать и хочу быть

как вы. Иногда я люблю делать работу, потому что мы должны быть хорошими и добрыми в большом количестве. Я не люблю драться, потому что это не хорошо. Я люблю делать после школы работу и опять читать, потому что я хочу читать больше. Моя мечта быть, как вы, и медсестрой. У меня есть маленький кот и собака. У меня есть подруга. Ее имя Ревати и Сусилла. Я никогда не видела моря. Мой любимый предмет в школе математика. Я верю в индуизм. Я щаслива, потому что я читаю и вижу зеленые холмы, и мои дедушка и бабушка как бо- ги. Что вы делаете после школы? У вас есть домашние животные? Вы щасливы или нет?»

Последней свое послание вручает мне Сусилла.

«Дорогая Камилла, я верю в мечту, — пишет она, — и я счастлива писать тебе это письмо».

Сусилла заворачивает его в смешной конвертик, кладет к остальным и выходит из класса. Я следую за ней, но на выходе меня кто-то ловит. Это Ниса. Она крепко держит меня и еще несколько минут не выпускает из объятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зима пришла в Мальбасе в конце декабря. Солнце, вопреки прогнозам Асиса, продолжало радовать, и днем температура обычно не падала ниже отметки в 10 градусов. А вот ночами она стремилась к нулю. Один спальник сменили целых три — спасительное наследство Элли и Бруно, которых я с благодарностью вспоминала каждый вечер. Я перебралась в кровать Аси, перетаскив одеяло вдобавок, которое поначалу брезгливо стелила лишь под себя. И если раньше мы просыпались от водопадов, стекавших с крыши конденсатом прямиком в постели, то теперь даже они застыли по велению температуры. А утром обесцвеченную холодами траву покрывала стружка инея, напоминавшего о доме, грядущем празднике и снеге, какого этой зимой я увидеть уже не чаяла. Было удивительно признавать это, но я скучала по капризам погоды: ночному ливню, чей оркестр не будил меня с самых муссонов, снегу, который обыкновенно приглашал ожидание Нового года и перемен. Шел наш четвертый месяц без всяких осадков.

Мы надели куртки, сняли конверсы, заменив их тяжелыми, но теплыми ботинками из трена, закутались шарфами, и жизнь потекла еще медленней и глуше. Но согреться все-таки не удавалось. Я стала кипятить воду для купания, отчаянная Ася продолжала мыться под колонкой — стремительно и с криками. Холода оказались не настолько лютыми, как мы представляли из дома, но нередко сразу после уроков, когда солнце садилось за гору и налетал жестокий северный ветер, мы бежали к огню и проводили весь вечер у очага, читая вслух Стейнбека, Набокова и Фаулза, сменяя друг друга на готовке: Ася и я да несмысленный новый охранник, трехмесячный пес Балу. Он кусал все подряд и умудрялся спать вверх тормашками.

Остальные волонтеры давно разъехались, а Яна и Асис отбыли в Катманду покупать новые книги для школы и продлевать непальскую визу. Субасдай коротал вечера в своей деревне, и мы впервые остались в школе за главных — готовили, проводили утренний круг и занятия, отпускали детей сигнальным свистком, следили за стройкой, охраняли школьные запасы. И занимались тем приятным произволом, за который журить нас было некому. Например, готовили друг другу подарки прямо на уроках. Или же вместо уроков — так будет сказать, пожалуй, вернее. Дети удивлялись, ведь даже дни рождения в деревне справляют без подарков, а единственное угощение для одноклассников — две мятные конфетки, можно ска-

зять, праздничный стол. Но они бережно хранили наши тайны («Точь-в-точь, как у Аси-мэм, то есть мы ничего не знаем», или: «Мы ничуть не догадываемся, что подарит вам Энни-мисс») и активно нам помогали. Мне — рисовать для Аси подарочные открытки от школьников старших классов, ей — разукрашивать упаковочную бумагу шестиугольниками-гексаграммами (звездами Давида, как мы привыкли их называть)¹.

Новый год мы встретили с тыквой, бережно хранимой целый месяц, яйцами, за которыми пришлось спускаться в нижнюю деревню, бананами и мандаринами, какими угостили нас дети, и, конечно, свечами и рождественским джазом. А вернувшись домой, я вручила Асе свой подарок — «Коробку воспоминаний» из десяти памятных деталей, в которую сложила билеты из Джанакпура, камешек из трека, страницу любимой книги, что мы читали вечерами, детские рисунки и другое, в том числе послания от Элли, Клаудии, Яны и Асиса, не успевших поздравить ее лично. Свой сюрприз Ася подарила мне утром — это бы-

¹ Именно этот вариант звезды здесь классика. Когда-то, еще в самом начале моей работы, глазастик Ужал из класса малышей попросил нарисовать ему звезду. «Неправильная звезда, — ответил он моему пятиугольнику, — смотрите, как надо». И показал звезду Давида. Ее же можно отыскать на эмблеме любой государственной школы Непала. Эта звезда здесь символ Венеры, а также мудрости и знания.

ла ее «страшная тайна». По которой я допытывалась весь декабрь. «Страшная тайна состоит в том, — написала она, — что больше месяца я готовила твой новогодний подарок, и ты постоянно меня засекала».

Но просто так я получить его не могла — прежде нужно было отыскать 13 записок с подсказками, одну за одной, и последняя рассказала бы мне, где лежит сокровище.

Например, записка 7

В клубах, в парках, на скамейках
Старых шахмат слышен стук.
Кто так странно возбуждает,
Вишнунитам худший друг?

Здесь мне надо было перевести слова «шахматы» (*chess*) и «стук» (*knock*) или вспомнить наш разговор с вишнунитами, чтобы найти следующую записку в коробке с чесноком.

Записка 8

Посложней теперь загадка:
Кто, какой ни вспомнишь век,
В королевстве самый сильный
И могучий человек?

Эта задачка была о шуте, и я нашла следующую записку под картой джонера, прибитой над нашей кроватью.

Или же вот, одна из любимых, записка 10
Денег, сколько б ни работал,
В рай с собой не унесу.
Накоплю-ка лучше досок
И построю дом в лесу!

Она указывала на Генри Торо, и записку номер 11 я отыскала в его книге «Уолдон, или Жизнь в лесу».

И наконец, добравшись до записки 13, я нашла в пакете с лекарствами несколько свертков, аккуратно упакованных в бумагу со звездами и перемотанных красной шерстью. Там были карты с игрой, которую так любила Элли. «Эллина игра», мы так ее и прозвали.

Пронгрываешь/выигрываешь, как угодно, — пьешь, правила простые.

«Карты старые, зато компактные — будешь брать с собой, — писала Ася. — Набор не полный, но напиться хватит :)».

Еще там были витамины, и — боже! — кальций:
«Кусайся покрепче и вообще не болей».

Набор черных ручек. Я улыбнулась — здесь местной шуткой был вопрос: «Куда подевались ручки?» Сомнений не оставалось ни у кого — они подевались в мой карман. Ручки нужны были мне постоянно, и они так быстро кончались, что за любой из них начиналась охота.

«Напиши юнжку, — гласила записка, — я хочу быть героем сказки».

Презервативы: «Тебе это нужнее, чем мне».

И перцовый баллончик: «Всегда носи в кармане. Надеюсь, он тебе не понадобится».

Так Ася провожала меня в Индию.

После Нового года вернулись Яна и Асис и привезли с собой новых волонтеров нам на замену — американку Шарлотт на естественные науки и Лорен, девочку из Южной Африки, на математику.

Весь следующий день я провела с Шарлотт, обучая ее общению с детьми, а она меня — как есть арахисовое масло с бананом (Господи, почему мне самой не приходило это в голову?). Я смотрела на нее и радовалась, что передаю детей именно ей. Шарлотт училась на геолога и в отличие от меня в самом деле любила и знала науки. Она прекрасно говорила на непали — это был ее третий приезд в Непал, и второй — в школу «Майя». И вела она себя как настоящий учитель, добрый, но строгий, с первых фраз установив необходимую учебе дистанцию, которую я не нашла и за пять месяцев работы. С детьми мы оставались сообщниками. Дурачились, шутили друг над другом. Они могли на меня обидеться, а я могла просить прощения. Могли мне рассказать, что их тревожит, даже если это шло вразрез со школьными установками. Мы могли сбежать с урока, если они находили пещеру Бонокри и хотели показать ее

мне. Могли танцевать под дождем и ловить друг друга.

Дисциплина. Субординация. Концентрация. Все эти постулаты с большой буквы, какие старался привить мне Асис, были чужды моим занятиям. Конечно, это не могло не влиять на качество знания. И как бы легкомысленно ни прозвучало, я рада была, что теперь у детей появился настоящий учитель, их грядущие экзамены были спасены.

Ну а мы оставались друзьями.

— Не уезжайте, Энни-мисс, пожалуйста! — каждый день уговаривали они меня. — Зачем вам уезжать?

— Но я не могу остаться.

Тогда они начали выдумывать причины, почему я заблуждаюсь на этот счет.

— Моя сестра выходит замуж на следующей неделе, вы не можете это пропустить, — сказала Сабуна с надеждой.

— Через один сукробар (пятница) будет главное собрание шаманов, а оно только раз в году, — дразнил меня Нисан.

— Но вы же вернетесь? — спрашивали они каждый день.

— Я очень хочу, правда, друзья, — отвечала я, — но не могу пообещать вам. Ведь я сама не знаю, что будет дальше... Но мы же с вами будем общаться?

— Конечно, — кричали они наперебой, — мы будем писать вам.

* * *

Последнюю неделю мы почти не учились. Дети сочиняли прощальные письма. Я раздала им марки и конверты с адресом, на случай, если они захотят написать мне еще. Еще я вручила им анкету, безобразно пеструю, чтобы понравилась наверняка, и пачку наклеек. Когда я была ребенком, это занятие было все рейтинги популярности, и каждый имел свой опросник. Вспомнив это, я решила рассказать о нем и показать, чтобы не быть голословной. За право первого ответа мы разыграли жребий — так всем хотелось попробовать.

Наконец мы закончили карту. Идея украсить картой мира голые стены библиотеки принадлежала Камиллю. Но он успел обрисовать только Америки, оставшиеся контуры заканчивала я. А разрисовывали карту мы вместе с детьми. Я разложила бумажки с государствами рубашкой вверх, как на экзамене, и каждый тянул по одной, а потом красил ту страну, что ему досталась.

Мы много разговаривали в эту последнюю неделю, я записала их на видео, сфотографировала классы по очереди на память. Раздала им последние ответы из России.

А потом пошел град. Он начался дождем, настолько слабым, что поначалу мы даже не заметили. Но вдруг кто-то закричал: «Пани (вода)! Смотрите, мисс, пани!» Все дети высыпали на улицу, ловили капли языком и скакали от радости. Они собирали крупницы града и показывали мне. Град

становился все крупнее и сыпал чаще, и дети, визжа от восторга и боли, попрыгали обратно в хижину. Вдруг резко похолодало, и даже пар пошел из рта. Конечно, все задрожали. «А ну-ка, поднимайтесь! — велела я им. — Будем встречать зиму танцами». К счастью, все были обуты — спасибо человеческой отзывчивости, какая помогла нам спасти детей в эти морозы¹.

За несколько минут все побелело. Я не узнала Мальбасе, настолько деревня преобразилась.

«Вы подарили нам снег, Энни-мисс», — написала в прощальном письме Протима.

Потом был последний утренний круг. Я прочитала прощальную речь, а дети спели мне *You are my sunshine*, «песню Боба-дая», как ее здесь называли. Мне казалось, что это о Марли, но потом я прочитала, что пели эту песню все кому не лень, от Рэя Чарльза до Джонни Кэша. Все, кроме Боба Марли. Должно быть, дети говорили о Дилане, но, подозреваю, никто, кроме меня, в подробности не вдавался. Об этом я думала на последнем круге, стараясь удержаться от сантиментов, какие бы обесценили пять месяцев моих необыкновенных будней. В конце концов, чем этот последний круг

¹ Когда начало холодать, я опубликовала в соцсети пост о том, что детям не хватает теплой одежды. На мою просьбу помочь откликнулось достаточно много человек, и в итоге мы переобули всех детей школы, утеплили их свитерами и шапками.

был важнее сотни предыдущих (девятиста двух, если включить педанта)?

Весь день я старалась вести себя как обычно, но под конец, когда мы прощались, когда я уносила с собой сумку, полную писем (ведь кто-то написал по нескольку штук), когда Нисан и Сандес, всегда такой сдержанный, повисли на мне, подав пример остальным детям, когда застенчивая Рупа, дождавшись, пока все разойдутся, вручила мне два лохматых браслетика, связанных ею из разноцветной шерсти, и, раскрасневшись, убежала, вот тогда я чуть не расплакалась. Как же буду я скучать по вам, как будет мне не хватать вас, мои дорогие «львы» и «лофофорусы», «гиппопотамы» и даже «динозавры», «кролики» и «инси-винси». Но понять это я смогу чуть позднее, не сразу, не в минуту возбуждающего ожидания перемен.

«Я приехал сюда учить вас, — сказал Бруно в своей прощальной речи, — но оказалось, что это вы научили меня, и вещам гораздо более важным».

Таким, как искренности. Как много в жизни взрослого бытового притворства, всевозможных условностей, чей толстый налет так усердно скрывает человека естественного. Как будто бы уязвимо, какого оберегаешь под масками равнодушия, или сатиры, или жеманства, и до которого сквозь эти баррикады оценке окружения не добраться. Вот только это небывалое заблуждение. И уязвимым становишься как раз в обратном слу-

чае, от невозможности защитить то дорогое, что не умеешь выразить прямо.

Я собрала рюкзак, в последний раз окинула взглядом нашу королевскую ночлежку¹. Со времени приезда она изменилась до неузнаваемости. Мы повесили гамак, который подарил нам Марвин, постер Шивы с десятком змей, развесили флажки, постелили на пол соломенный коврик. Все эти книги, свечи, записки и картинки, прибитые к деревяшкам, птица, которую мы нарисовали над кроватью, хранили образ наших вечеров, полных шуток, откровений и настоящих открытий. Теперь это превращалось в воспоминание, в гербарий из букв, который я засушила одной из глав своей книги.

Я попрощалась с Мальбасе и деревенскими. С лужайкой, на которой мы с Клаудией разговаривали о жизни без сожалений. С площадкой, отсюда открывался волшебный вид на гималайскую грядку. Здесь Бруно учил меня быть учителем, впервые назвав «Энни-мисс», и мне это страшно понравилось. «Я никогда не привыкну к этому», — сказала я ему тогда, кивнув на горы. «Как можно к этому привыкнуть? — эхом отозвался вопрос Шарлотт пять месяцев спустя. — Какая красота». И тогда я осознала, что почти неделю не вспоминала о ней.

¹ Речь идет о сарае, в котором жили мы с Асей.

Попрощалась с деревом, под которым Элли гадала мне по руне, и с холмом, откуда мы с Марвином и Камилем наблюдали за звездами и говорили об Австралии. Где каждое утро я встречала рассветы, писала и медитировала. И оттуда, с этого холма, я поймала закат, одну из лучших его вариаций. Меня провожало голубое небо, отливавшее снизу молочно-розовым, поглощенное фиолетовым и серым горизонтом. И горы — всех оттенков синего.

Прощайте, зефирные кручи, я буду вспоминать вас во снах. Прощай, Эверест. Я еще вернусь познакомиться с тобою поближе.

* * *

«Наша главнейшая задача — сформировать свободного человека, способного самостоятельно находить цели и направление для собственной жизни».

Рудольф Штейнер

«А что касается меня,
Я не знаю ничего больше,
Кроме чудес...»

Уолт Уитмен

Надписи на обеденном столе волонтеров школы *Maya Universe Academia*.

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Нужна ли виза?

Визу можно сделать как заранее, так и по прибытии, в аэропорту Катманду: на две недели, месяц и три месяца (25, 40 и 100 долларов). По истечении трех месяцев визу можно продлить до пяти месяцев (2 доллара в день), а с новым годом счетчик «обнуляется».

Для оформления визы нужно иметь с собой паспорт и деньги. Ксерокопии, анкету и даже фотографию обычно делают на месте, в аэропорту Непала.

Продлить визу можно в иммиграционном офисе Катманду или Покхары.

Нужно ли делать прививки?

Для въезда на территорию Непала это не обязательно. Но если вы едете на длительный срок, особенно в южные районы страны, советую обезопасить себя базовым минимумом: гепатиты, дифтерит-столбняк и брюшной тиф. Рекомендуют также сделать прививки от кори, паротита и крас-

нухи, ВПЧ (вирус папилломы), пневмонии, менингита и опоясывающего лишая. Перед тем как поехать в Непал, я сделала целых восемь прививок (большинство — в государственной поликлинике, а особенно экзотические — в московской Поликлинике № 1), а в Катманду — еще одну, от японского энцефалита (в клинике *Ciwec Hospital*, напротив британского посольства). В России ее не найдешь.

Нужна ли страховка?

Для въезда в страну она не обязательна. Но если планируете трек, должны прикидывать, насколько это рискованно. Некоторые туристические компании (на случай, если вы опасаетесь самостоятельного восхождения) объявляют страховку обязательным условием. У меня ее не было. Медицинские услуги мне тоже ни разу не понадобились, но это как повезет.

Какие документы нужны для трека?

Для трека нужно подготовить два документа: специальное разрешение трекинг пермит (*Trekking permit*) и карту *TIMS* (*Trekkers' Information Management System*) — подстраховку путешественника в случае непредвиденных ситуаций. Обе эти бумажки можно сделать за день в отделении *Nepal Tourism Board* Катманду или Покхары. Для оформления вам потребуются паспорт, четыре стандартные цветные фотографии и деньги. В зависимости от высоты и

сложности восхождения цены варьируются. Для нашего трека *Poon Hill — Gorepani — Gandruk* каждый документ обошелся в 19 долларов.

Что брать с собой в трек?

Зависит от высоты, времени года и длительности трека. Чем меньше вы возьмете, тем лучше, ведь на восхождении каждый килограмм идет за десять. Для своего недельного октябрьского трека с ночевками в гостиницах я прихватила спальный мешок, бутылку воды, небольшую аптечку, термобелье и куртку, шерстяные носки и шалку, вьетнамки, душевые принадлежности, полотенце, смену белья, пару футболок и упаковку граноловых батончиков.

Когда лучше ехать?

Если вы собираетесь в трек, октябрь — ноябрь и апрель — май — лучшие месяцы для восхождения. А вообще в Непале комфортно в любое время года, кроме лета, сезона дождей. Даже зимой, в январе, днем температура поднимается до двадцати градусов тепла (ночью, правда, прохладно). А весной совсем не жарко, около 25 градусов в Катманду.

Как быть с деньгами?

В Непале пользуются непальскими рупиями. Доллары и евро можно обменять на них в любом обменнике города или аэропорта. А вот обратно

сложнее. К тому же вы должны учитывать, что за пределами Непала обменять рупии на другую валюту и вовсе невозможно. Сделать это проще всего в аэропорту, перед отлетом. Если вы собираетесь снимать деньги с карты, советую пользоваться банкоматом *Nabil-bank*, который выдает сразу крупные суммы — 35 000 рупий. Остальные банкоматы обычно выдают не больше 15 000, также требуя комиссию в 500 рупий. Если у вас есть карта *Mastercard*, рекомендую предпочесть ее *Vise*, которая предполагает в Азии двойную конвертацию.

Какую сим-карту лучше выбрать?

Для разговоров внутри страны *NTC (Nepal Telecom)* — оптимальный вариант. Но Интернет работает быстрее с оператором *Ncell*, который выбирают для общения в трене. В гест-хаусах на подъеме можно найти слабенький Интернет, но за него придется доплатить. Для оформления сим-карты в Непале у вас попросят фотографию и — не пугайтесь — отпечатки пальцев. Это стандартная процедура.

Насколько безопасно в Непале?

Безопасно. Конечно, не берусь отвечать за природные катаклизмы, но что касается людей — здесь я уверена. Непал — страна достаточно спокойная даже для девушки, путешествующей в одиночку. Несколько раз я сама жила в Катманду — в Тамеле и буддистском районе Сваямбунатх. Из лы-

сх группировок там только монахи. Соблюдаешь элементарные правила поведения: не носишь откровенную одежду, не ведешь себя вызывающе, уважаешь традиции — этого достаточно. А выучишь пару непальских фраз — так вообще на руках носить будут. Единственная проблема — это воровство, зевать в Непале не стоит. Но опять, в сравнении с той же Индией, это вообще детский лепет. Советую быть внимательными с деньгами при сделках и все обсуждать заранее: цены за продукты, такси и экскурсии (например, один ушлый гид у кассы в Пашупатинатх проводит экскурсию без всякого разрешения. Неопытные туристы теряются, считая, что это входит в стоимость билета, а потом платят круглые суммы). Накручивают цены тут обычно в два-три раза, поэтому торговаться в Непале необходимо, отставив в сторону всякую скромность.

И последнее. Воду здесь, конечно, пить не стоит. Первое время я даже зубы чистила бутилированной водой, но потом перестала, и вроде все обошлось. А вот курятиной я однажды отравилась. Что не удивительно — холодильник тут редко встретишь, и мясо зачастую хранят прямо на улице.

А что попробовать?

Непальские пельмешки момо, без всякого сомнения. Лапшичный суп тукпа. *Дальбат*, лучшая пища в трене. Отправляясь в Бхактапур, обяза-

тельно попробуйте знаменитый йогурт джу-джу дхау. А вообще не бойтесь, экспериментируйте! Или читайте главу «Непальская кухня».

Какие примерные цены?

Опять же зависит от места. В Катманду и Покхаре можно снять бюджетную кровать в хостеле за 3-5 долларов в сутки. На еду уходит около двух долларов за один прием пищи. Вот и считайте — примерно десять — двенадцать долларов в день. В треке же ситуация обратная. Ночевка почти ничего и не стоит — 1-2 доллара, а иногда и вовсе бесплатно. А вот еда обходилась нам каждый раз не меньше пяти долларов.

Можно ли уехать в Индию по земле?

Можно. Я поехала в Варанаси через Саноули, пограничный город рядом с Лумбинни, местом рождения Будды. Границу пересекала не больше получаса. Визу в Индию делала тут же, в Катманду, в индийском посольстве. Вся процедура заняла ровно неделю. В первый день (с 9.30 до 12.00) приносишь документы: заполненную заранее анкету (нашла на сайте посольства) с фотографией, ксерокопию паспорта, непальской визы и предыдущей индийской, если такая имеется. И платишь взнос — около 50 долларов. Через пять дней приходишь снова (с 9.30 до 12.00) и отдаешь свой паспорт. А на следующий день (в пять вечера) забираешь паспорт с визой.

Какие приложения помогают путешественнику?

Для меня это, безусловно, приложения почты, банка и *maps.me*, лучшие карты с возможностью работать офлайн. Также конвертер XE и переводчик Google (офлайн я использую *reDict*).

Маршруты выстраиваю обычно через *Rom2Rio*.

Жилье бронирую с недавних пор только через *Hostelworld*, хотя иногда заглядываю и в *Booking*.

Для покупки билетов использую либо *Skyscanner*, либо *Momondo*.

Читаю через *PocketBook*.

В Азии ни разу не использовала, но для бюджетных путешествий советую *Couchsurfing* (жилье у местных) и *Blablacar* (поиск попутной машины).

Ну и, понятное дело, стандартные приложения *WhatsApp*, *Messenger*, *Skype* и *Instagram*.

На каких сайтах лучше искать волонтерские программы и стажировки?

Таких сайтов существует множество. Но основные для меня — это *HelpX*, *Woofing*, *Workaway* и *Worldpackers*.

И наконец, не забывайте о российском посольстве в Непале, которое поможет вам в непростой ситуации:

P O Box 123, Baluwatar, Kathmandu.

Телефоны: (9771) 441 2155; (9771) 441 1063

Счастливых вам путешествий!

P.S. Фотографии моего непальского путешествия можно найти по ссылке: <https://bigtravelasia.tumblr.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	3
Глава 1. Как все начиналось.....	8
Глава 2. Городской Непал.....	17
2.1. Сокровища Катманду. Три королевские площади.....	17
2.2. Жители Катманду.....	28
2.3. Кто и зачем приезжает в Непал.....	36
Глава 3. И все-таки: индуисты или буддисты?.....	49
3.1. Во что же верят индуисты?.....	49
3.2. Джанакпур, город паломников.....	60
3.3. Кому молятся буддисты?.....	68
3.4. Лумбини, место рождения Будды.....	76
Глава 4. Мальбасе, первые впечатления.....	85
Глава 5. Школа.....	96
5.1. «Академия Майя», альтернативная школа.....	96
5.2. Один на один.....	104
5.3. Первые занятия.....	106
Глава 6. Глазами волонтера.....	116
6.1. Жизнь волонтера в Непале.....	116
6.2. Верные спутники добровольца.....	125

Глава 7. Деревня	129
7.1. Как же там все устроено.....	129
7.2. Отношение к иностранцу	135
7.3. Женщина в Непале	144
Глава 8. Покхара, хиппи-Мекка	151
Глава 9. Трек	159
9.1. Подготовка к восхождению	159
9.2. Первые километры	164
9.3. <i>Roop Hill</i> , 3210 метров преодоления... ..	171
9.4. Оставшийся путь	179
Глава 10. Национальный парк Читван	185
Глава 11. В дороге	196
Глава 12. Непальская кухня	200
Глава 13. Магия индуистского фестиваля ..	207
Глава 14. Непал в миниатюре	216
Глава 15. Посланники доброй воли	223
Глава 16. Шаманы горных деревень	237
Глава 17. В непальском доме	246
Глава 18. Фольклор и страшилки непальской деревни	254
Глава 19. Уроки чистоплотности	261
Глава 20. Непальский язык, или Как разговаривать чувствами	265
Глава 21. Из Непала в Россию. С любовью ..	273
Заключение	282
Практические советы	294

*Литературно-художественное издание
Заграница без вранья*

Мартынова Анастасия

Непал без вранья

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Редактор Т. Варламова

Ведущий редактор А. Нестерова

Выпускающий редактор Е. Крылова

В оформлении издания использованы материалы
по лицензии агентства © shutterstock.com

Художественное оформление: Е. Саламашенко

Компьютерная верстка: Т. Мосолова

Корректор В. Лавлова

16+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ

Подписано в печать 16.06.2017 г.

Формат 84×108/32. Гарнитура «FranklinGothicBookCondITC»

Усл. печ. л. 15,96

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30